

Винсент, убей пастора
Vincent A. Killpastor

Опубликована: 2011

Категории: Fiction, Humorous, Men's Adventure, Romance, Adult, Drama, Russian & Former Soviet Union

Виньетки: "убей пастора" Винсент

Глава 1

«Мел Гибсон»

*«Сим провозглашаю себя Христом.
Я думаю, что ем сами убедитесь в этом, читая эту книгу.
Дух истины - это не кто иной, как я»
Преподобный Секо Асахара*

Всегда подолгу купаю Бьянку перед сексом.

Набираю ванну горячей воды, добавляю пенящихся средств и разных ароматических снадобий. Развариваю ее в этом растворе с полчаса, тру ей спинку, щекочу между ног струёй воды из душа.

Чтобы потом в койке не жеманничать, а заниматься делом. Разминки и прелюдии это не по мне.

Так что совмещаю приятное с полезным – мою и подготавливаю заодно. Главное не задумываться – иначе этот напечалит технологию предпродажной подготовки бывших в употреблении автомобилей, и убьёт всю романтику напрочь.

Из ванной несу ее на руках на постель.

Теперь в продолжении всего процесса из пор ее тела будет исходить волнующий аромат. Жасмин. Базилик. Свежевымытая баба. Запечатательный коктейль.

Даже через несколько часов, когда основная программа будет позади и Бьянка уедет домой, постель будет головокружительно

благоухать, маскируя вульгарный и однозначный запах остывших, умирающих телесных жидкостей.

У Бьянки восхитительное тело. Безупречное можно сказать.

Она старше меня на двенадцать лет, но всякий раз, когда я исследую ее, не могу найти не одного изъяна.

Свежа. Почти невинна. Распаренно-розова. Уже само прикосновение к ней сенсация. Жалко только короткая. Конец любого акта секса всегда оставляет ощущение, что меня подло обокрали.

Интересное дело – лицо у женщин стареет гораздо быстрее тела. Поэтому можно наткнуться на бриллиантовые россыпи, затащив в постель, сорока пяти, а может и пятидесятилетнюю мадам.

Смелее друзья – вдобавок к утраченной свежести тела, у женщин бальзаковского возраста добавляется ещё и благодарность за все ваше пыхтение.

Разница в годах это плата за безумный секс с опытной и очень красивой женщиной.

Мы оба прекрасно знаем, что отношения заранее обречены и обусловлены этой разницей, и поэтому живём одним днём. Так легче. Проще. Прикольной.

В конце концов, что в нашей жизни не обусловлено и не обречено? Постигание этой простой истины даёт мне формулу бессмертия.

Хотя у нас есть и более практические причины жить одним днём.

Бьянка – румынка, она въехала в штаты по фальшивому бундеспаспорту, от которого избавилась сразу же по прилёту в Кеннеди, как от лишней улики.

Нелегальный переход границы – это одна песня, а вот подделка документов – совсем другая.

Моя виза тоже просрочилась три года назад, и у меня хватило ума не пойти и не попытаться ее продлить. Зачем? Мексы вон вообще без виз годами тут шарашат.

Как попал в штаты я это целая история. Она настолько наспигована дешёвой бульварщиной, что расскажу ее, как только пройдет предусмотренный по этой статье срок давности.

Надо вам заметить наш уголовной кодекс писали люди не чуждые поэзии – чего только стоят обороты «срок давности», «с особым цинизмом» и « в особо крупных размерах» - кто это определил особость крупности?

То, что для меня может крупно, для какого-нибудь Прохора Абрамовского, любителя коллекционировать спортивные клубы, мелочь на карманные расходы.

Как часто колют себе на груди зыки «Я раб судьбы, но не лакей закона». Я тоже, хотя и не стал этого документировать на коже.

С детства испытываю проблему с пониманием предназначения таких вещей как «прописка», «паспорт», «виза», «гражданство»... Хуянство! Пьянство! Ебанство! Равенство и блядство! Вот мой лозунг.

И если у вас с эти проблема, и вы попросите меня сформулировать значение слова анархия, я скажу так – а не пошли ли бы вы! Я очень люблю хаос. Тут уж главное не упустить момент – кто куда, а я в сберкассе!

Единственное, что удаётся добиться таким законопослушным умникам как вы, это обратный билет на рейс домой за счёт дяди Сэма. Вместо визы.

Мой «домой» теперь здесь. Я у себя дома. И не собираюсь спрашивать на это разрешения.

Проросту как сорная трава – почва здесь добрая, а климат ласковый. Чтобы меня вышвырнуть им понадобится специальная операция проведённая усилиями нескольких силовых министерств.

Мы с Бьянкой не преступники, в прямом смысле слова, но система заставляет нас таковыми себя чувствовать, а это придаёт и жизни, и сексу, долю остроты. Бонни и Клайд. Бета версия.

Жить вне закона сначала страшно, потом прикольно, а потом также обыденно, как и в законе. Разница со временем стирается. Привыкните, втянитесь, главное начать.

Паспорт, по которому въехал в штаты я сам, ядовито зелёный, я бы сказал ваххабитский зелёный паспорт, я прячу под книжной полкой в зале.

Полку я подобрал на свалке – здесь странная традиция обновлять мебель каждую пару лет, поэтому если проехать по богатому району в гарбидж дэй, можно недурно меблироваться. Покруче студента Иванопуло. Мебель, которой можно было бы пользоваться еще лет десять, спешат заменить на новую – благо китайское гавно теперь здесь стоит дешевле, чем доски, из которого его делают.

Преступные мысли посмотреть, как будет корчиться в огне мерзкая ящерно-змеиная зелёная шкурка моего Узбекистон ПАСПОРТИ, я постоянно отгоняю.

Хрен его знает – может и сгодится ещё. Мне не нравится, что из гражданина СССР меня, не спросив, превратили в «узбекистон фукароси». Забыли спросить моего разрешения.

Никого совершенно не интересует мой богатый внутренний мир. Ну, дык и не обижайтесь, что я совершенно положил на ваш..

Когда-нибудь я или потеряю свой паспорт в рутине переездов по конспиративным квартирам или, предав огню, сниму на мобилу и выброшу видео в ютуп на веки вечные.

С Бьянкой мы вместе уже целых три месяца.

Как бы «вместе» потому что живём по отдельности и встречаемся два раза в неделю. Секс терапия. Это всех идеально устраивает – вряд ли я смог бы её мыть каждый день. Праздник не может быть каждый день, а то это уже будни. Я начну замечать все её недостатки и проблемы, и потом Бьянку уже не отмыть даже в растворе промышленного щёлока.

Да и Бьянке нужен отдых – она работает на двух работах.

Днём убирает частные дома, а ночью огромный, как два футбольных поля, магазин в бригаде из трёх человек. Graveyard shift – смена могильщиков – так в Америке называют ночью смену. Я тоже – могильщик. Звучит как название насекомого.

Видимо так нас дядя Сэм и рассматривает – мелкими насекомыми, проблемкой, до которой не доходят руки, пока есть Иран, Ким Чен Пьян и сектор Газа.

Бьянка копит деньги на дом в Румынии. Как только накопит – рванёт когти из самой свободной в мире страны в тот же день, обещает она.

Каждый второй нелегал часто повторяет, что вот-вот рванёт когти, но рвёт, наверное, каждый пятнадцатый. Америка это привычка. Дурная. Трудноизлечимая. Логика нелегала глубоко религиозна – пройдя через унижительные мучения американского настоящего, он надеется переродиться князем или брахманами на родине в другой, светлой жизни.

Это называется to put your life on hold и редко даёт желаемые результаты. Мёртвая вера в изображённого на бумаге мёртвого Бен-Джамина это и есть тот самый опиум для народа о котором так долго говорили большевики.

Раньше, в начале знакомства, я мог самозабвенно, «с особым цинизмом» ебать Бьянку до полного истощения. Яйца потом в ванной плавают как поплавки.

Теперь стараюсь придумать повод, как бы закончить все дело одним разом. После пары месяцев «близости» (вот ведь словечко тоже) прекрасно обхожусь одним разом. Главное подольше грубо тереть ей клитор пальцем, и когда она уже вот-вот, влупляться в неё всей мощью отечественных ВВС. Ноу-хау для производства с минимальными затратами.

В этом отношении бабы похожи на машины – пока машина новая, сердце кровью обольётся, если на парковке открыв дверь, заденешь случайно машину припаркованную по соседству. Ай-ай!

А проехав сотню тысяч – хуяришь дверкой со всей дури, так что стекла дрожат и хоть бы хрен. Достала ты меня, машина. Заебала. Хочу новую вольву. А не вульву.

Бьянка ещё похожа на машину тем, что может механически ебаться до тех пор, пока не выжмет из меня все до последней капли. Чтобы я стал совсем сухой, или как она говорит «сухой».

Кстати будет сказать, что все румыны – это латентные молдаване, вроде ещё сам Фрейд заметил.

Ну, вот как раз сегодня я ей не дам тебя засохнуть. Надо отвлечь её манёвром с фланга.

- Эй Бьянчик, может, прошвырнёмся куда-нибудь? Устроим себе праздник?

- В малл, в малл!

Бьянка радостно подхватывает идею. Поездка в малл для неё как паломничество в Мекку – сопряжено с глубокими душевными переживаниями.

Часами может там шоркаться, затаив от благоговения дыхание. Малл это просто часть двигателя капиталистической машины. Вторая часть двигателя – бестолковые готовые все скупить бьянки.

- Почему же сразу в малл? Все ноги там сотрёшь до колен, да ещё купишь какую-нибудь ненужную хреновину втридорога. Давай лучше в кино махнём! А потом в ресторан на твой вкус? Я выбираю фильм, а ты ресторан?

-А что кино на румынском?

-Слава богу, нет! На древне-арамейском – если верить рекламе. Так что ты все поймёшь.

Думаю ей плевать на каком языке кино.

Она не понимает даже незамысловатые вибрации сюжета в мультях про Тома и Джерри...

Вот с этого-то кино я думаю все и началось. Волшебная сила искусства. Опасная штука. Если бы знал тогда – бегом пошёл бы в малл, а не в кино. Я в детстве всегда воображал себя героем книги, которую читаю. Как выяснялось – это неизлечимо, поэтому и книги и фильмы принимаю теперь с исключительной осторожностью и только по рецепту врача.

Мы слегка опоздали и начали смотреть с того момента как повесился Иуда. Хотя я тогда признаться и не знал, что повесившийся – Иуда Искарот. Повесился чувак. Еврей вдобавок. Ну, да и хуй с ним. Не велика потеря.

За что распинают Иисуса, я тоже не имел тогда понятия. Мой папа мне больше про карламаркса в детстве рассказывал. Иисуса не было на свете – так и что о нем говорить?

Но как же жестоко распинали! В каких болезненных подробностях! Натурализм Мела Гибсона не знал предела. Однако присутствовал и вкус. Вкусно хлестали сына божия плетью по спине. А это я очень всегда ценю. Если даже убивают, со вкусом, со вкусом – I love it!

Автор смаковал каждую деталь страданий проповедника из Галилеи. И я проникся невероятным сочувствием к Иисусу.

Сам много раз видел как долго, и изошрённо могут потешаться над слабым сильные, и мне было его жаль. До слез.

Вот радостная толпа бросает ему под ноги цветы при въезде в Иерусалим, а вот эта же толпа через несколько дней плюёт ему в лицо, швыряет камнями и кричит Пилату «Распни его!».

Мера упоения у нас, людей, одинаковая – и когда возносим до небес, и когда распинаем. До предела. А потом можно и в малл.

Я тогда был мало знаком с писаниями, но понимал – люди убивают своего Бога! С энтузиазмом и воодушевлённым единением, как пишут в газетах.

Хотя, впрочем, это совершенно естественная для людей вещь. Сегодня смотрят ему в рот, а завтра приколачивают ржавыми гвоздями. Потом ещё могут назвать улицу его именем. Перегибы на местах.

Когда мы вышли из огромного двадцати-четырёхзального киноцентра в Брансвилле, в моих глазах стояли слезы. И в горле булькали – блин сто лет не плакал, а хотелось навзрыд, в голос, с подвыванием – убили ведь, убили Христа! Стыдно то как!

Я потащил Бьянку в Эплбиз через дорогу – заглушить горе по поводу смерти Христа. Наваждение заглушить... Давно мне так от кино не вставляло!

Я знал, что его распнут в конце, но весь фильм в тайне очень надеялся на какой-нибудь голливудский выверт, который позволил бы Иисусу отмазаться и убежать. Хэппи-энд.

Не отмазался. Не убежал. Обидно.

Примочив сходу пинту Сэма Адамса, я простреливаю её шальным выстрелом текилы, даже не дав ещё пиву достигнуть желудка. Текила с гусеницей в бутылке погана на вкус – но эффективна!

Уже легче. Расслабило эдак, не тянет уже в голос рыдать. Надо же - от хорошего кино слюни распустил. Старею. Надо нервы лечить.

- Да ты знаешь, знаешь, какой он был?! Я начинаю проповедовать с видом академика богословия.

-Кто?

Бьянка уже забыла о фильме и пытается рассмотреть в зеркальном потолке заведения, насколько страдания Христа подпортили её макияж.

-Кто-кто! Исус – вот кто! Он добрый был и простой, знаешь? Мужик он был! Он сам говорил, что грешников любит – они честнее, чем эти сытые святоши. Лицемеры ебанные. Я так высокомерие в людях ненавижу! Хули корчитесь! Кто вы есть? Чемпионы по бегу в мешках с завязанными глазами! Куда бежите, зачем и от чего, понятия ведь не имеете, а гонору!

Бог никогда не станет выгибаться дугой! Будьте проще – и к Богу станете ближе, хуерлыги!

И выпить Он тоже любил с народом. А что? Нашенский Он был, понимаешь? Первое чудо Он какое совершил на земле? Воду превратил в вино! Вот оно как! Не больных исцелил, а вино сделал! Значит, считал, что это самое важное! Божественный приоритет!

- А Горбачёв ваш тогда получается дьявол? Ну, раз он водку запретил?

- Эх, бабье! Причём, причём тут Горбачёв? Суетность ваша, блять!

Распяли? Ну и хуй с ним! Главное, чтоб помада не смазалась!

А святоши эти тоже – сегодня распяли, а завтра смотри-ка панаотливали себе крестов золотых с распяьем – теперь во Христа веруем, сделали из орудия казни ювелирное украшение и жгут, как и всегда, жгли блять! Есть категория, которой все равно кому поклоняться – лишь бы жрать с золота, и жечь, жечь на длинных черных повозках, в которых лучше всего трупы перевозить! Кем бы они себя не объявляли – суть одна, эти люди жрецы ордена мёртвого Бенджамина. Того что на сотке баксов малюют.

- Ты чего разошёлся? Люди вон уже смотрят, успокойся!

Люди смотрят. Люди смотрят! Вечно бабы переживают как на них смотрят, и что о них говорят. Тут Бога убили, Б-О-Г-А, а её волнует как на неё эта тупая официантка посмотрит. Пошла она на хуй, эта официантка!

Все равно как на гавно посмотрит, когда услышит Бьянкин гуляшный акцент. Ай ем сорри, блять, хау мач из де суп!

- Давай в церковь ходим! В воскресенье, прям с утра двинем, хочешь?

- Зачем? Когда? Я спать времени не имею. А ты раньше не говорил, что боговерующий.

- Да какой я на хрен боговерующий. Просто Иисус – мужик что надо.

Свечку хочу ему поставить. Может не так свербеть на сердце будет.... Вроде как сам в казни участвовал. Ну, Гибсон, ну сукин сын!

У меня так часто бывает – понравится книга или фильм, и я сразу хочу стать таким же, как главный герой, подражаю его манере говорить и вести себя, но это быстро проходит.

Я со странностями, знаете ли...

Сейчас я хочу быть только Иисусом. Ни больше, ни меньше! Хочу волочь тяжеленный, сделанный, будто из железнодорожных шпал крест под ударами плетей...

Но так как идти на Голгофу мне страшно, а встать и произнести перед барной публикой Нагорную проповедь мне не приходит в голову, я просто заказываю ещё один раунд Сэма Адамса. Хорошее пиво. Хоть и называется «лагер», но точно не лагерное, это я вам говорю.

Бьянка не разрешает мне сесть за руль. Они, румыны, народ конечно деревянный, но все ближе к Европе, чем мы.

Впрочем, я только рад, когда поездишь пару лет за рулём сам, начинаешь понимать какой это же кайф просто ехать расслабленно рядом с шофёром.

Пиво, текила и Христос наполняют меня благодушием. Надо бы вот Библию почитать на досуге – худо-бедно, а все же классическое произведение литературы. Не повредит общему развитию.

Мою полунирванну разрушает сумасшедший выпад Бьянки, такой впрочем, характерный для баб:

- Я хочу выйти замуж!

-Шта??? Я так и взвинчиваюсь на сидении.

- Не за тебя, не беспокойся. В её голосе сквозит лёгкая обида.

- Ты ещё с кем-то успеваешь встречаться?!

- Скотина! Сейчас пешком ведь домой пойдёшь. Идиёт!

Пойми их после этого. До дома миль пятнадцать. Лучше воздержусь от комментариев.

- Я за американца замуж хочу. Ну ради гражданства, знаешь? И ты себе американку найди! Переженимся и все равно потихоньку встречаться будем. Купать меня.

Лукаво улыбается.

О! Вечная тема нелегалов – легализация. Лысый мечтает о расчёске.

Жениться, пожить пять лет ради бумаг, нет, даже не бумаг, а маленького кусочка пластика, на котором написано что тебе можно «быть», а потом развестись.

Сколько блин хлопот! Пять лет лизать жопу римскому гражданину, без возможности послать его нахуй.

Не знаю как вы, а я лично считаю оборот «да пошла ты на хуй» неотъемлемой частью межличностных отношений. Пять лет без него мне не прожить. Тем более за такое сомнительное вознаграждение. Грин карта нужно чтобы въехать. А я уже и так Америке въехал по самое не хочу.

- Ты ведь в Румынию собиралась вернуться?

- Я и вернусь, но вот деньги кончатся – мне, что опять в аптеку идти работать, за тридцать баксов в месяц! Мы сейчас в баре больше оставили! Хочу ездить туда-сюда без виз всяких.

- Ну, если только для этого. Я в Узбекистан не поеду, даже если мне прямо сейчас паспорт мериканский вручат. Ностальгия отсутствует напрочь. Обустроить Узбекистан как Исаичь пытался одно время - Рассею тоже – нахуй. Пятитонной кассетной бомбой я бы его обустроил.

Хотя в Питер бы съездил, только боюсь там бы и остался. Да я так и сделаю, когда все совсем уж тут остохует. Питер у меня с раем земным ассоциируется. А так Питер тоже не конечная станция – я хочу на Валаам к грибоедам, там меня и найдёте по концовке.. Думаю там где и есть переход на следующий уровень игры.

Потом американки эти – они, конечно в постели раскрепощённые, просить ни о чем не надо, но финансово, уж больно сильно истощают.

По магазинам, блять, с чемоданом. И когда знакомишься обычно спрашивают, «а машина, у тебя какой марки?» У меня в штанах машина, дура ты ебанная! Какая разница сколько лошадиных сил – я сам жеребец гусарский.

Проститутки – честные труженицы по сравнению с американками. Сразу по счётчику плюс чаевые.

Хотя проституция тут в большинстве штатов под запретом. Вот тебе и свободные нравы!

А плавки? До сих пор привыкнуть не могу! Попробуйте в том, что у нас называется плавками, заявитесь-ка здесь на пляж! Мигом за пидора примут! У них мужики плавки носят как у братьев Поддубных в цирке начала двадцатого века – до колен.

Не - а, Бьянчик, не хочу жениться. В лом. Столько хлопотни!

Вот если попадётся такая... Ну, знаешь ТАКАЯ, чтоб влюбиться по уши, чтоб дух захватывало и пело все внутри! Чтобы банки ради неё грабить хотелось! Тогда женюсь. Почему не жениться. Женюсь! А римское гражданство это только плюс.

Хотя лет за пять пару раз на хуй точно пошлю любую, любя, без зла. Но если у нас чувство взаимное будет это не страшно. И похуй а-американка она или эфиопка, пусть хоть румынка, женюсь!

- А шараться от каждого полицейского не надоело тебе?

- Чего мне шараться – у меня права американские, штат Висконсин, правда, ну, да и хрен с ним. И ты поезжай в Мэдисон. Там одни негры работают в Бюро Автотранспорта.

На мою визу годичную посмотрели-повертели и вхуярили мне права на семь лет. А ещё спросили – не больной ли я случайно на голову, а я им «нет!» - вот и вся сертификация. А какой интересно псих понимает что он ебанутый?

Эту страну погубит хип-хап, как говорил Энди Таккер. И тебе права сделают. Им главное, чтоб ты правила движения хорошо знала. Они может про Румынию и не слышали никогда. Хотя и не много потеряли.

А с правами полиции до тебя дела нет. Единственная служба, которую волнует твоя нелегальность – Бюро Иммиграции и Натурализации, толком не имеет своей силовой структуры. Чтобы угодить им в руки, надо очень уж постараться.

А насчёт шараться от ментов – это, нормальный, здоровый инстинкт, вы идиоты, думаете с документом не надо от ментов шараться? Всегда надо шараться! Хороший мент – это мёртвый мент!

Итак, внимание, вопрос - нахуй жениться? Где логика?

- Не знаю, устала от всего этого. Поищу какого-нибудь штук за пять.

- Дело твоё. Штук за пять лучше джип Рэнглер возьми. Сколько ещё будешь на этом Бьюике тарыхтеть? Ждёшь, когда дно совсем на хайвэе отвалится?

Остаток дороги мы молчим. А я все возвращаюсь мыслями к Христу на Голгофе. Губы от боли кусал, но молчал. Мужик. Не то что я ...

Дома настроил радио на христианскую волну – там какой-то евангелист свидетельствует: « А я тут задаю нашему собеседнику вопрос –

«А готовы ли вы сейчас прямо встретится с Господом?

Представьте – все долой, все кончилось – и вот вы через секунду перед Создателем! Готовы ли вы к этой встрече? Есть ли что Ему сказать? А ему есть ли чем вас оправдать?»

Выключаю нахуй. Пурга. Полная пурга. А может и не пурга? Надо все ж-таки в церковь пойти. Может и полегчает...

Непреренно наведуясь.

Глава 2

«Раф»

- Прядильныйга бормокчимисан, гяандон?

Отрядный сурово смотрит на меня и вытирает руку о штаны. Тяжёлая рука у отрядного. Он только что разбил мне нос, и в носу такое странное ощущение, будто я долго плавал под водой и вдохнул её таки под конец. Не больно, а некомфортно эдак, скажем...

- Баходир-ака, я не хочу в прядильный, я не умею прясть.

- Почему тагда не идешь пляц фляк махать? Адин рас год – мустакилик куни – трудна полчаса фляк махать?

- Баходир-акаджон – вы поймите – участие в мероприятиях по случаю дня независимости республики Узбекистан – это ДОБРОВОЛЬНОЕ дело каждого осуждённого. Я не хочу махать флагом на плацу по поводу этого знаменательного события. Хотя конечно в целом одобряю, как и падение берлинской стены.

- Твоя берлин стена я мамина мама ибаль! Кутокка не хочешь-сан, ман саньга очькога шуни фляк пристроить киламан, ссука. Бор е-каль, патеряйся нахуй, кутакбаш.

На столе у отрядного звонит телефон. Отрядный продолжает изрыгать проклятия и не обращает на телефон никакого внимания. Телефон звонит все громче и громче, и наконец, его звук становится

таким невыносимо громким, что мне кажется, звенит с вибрирующим грохотом вся вселенная.

Я встряхиваю головой, чтобы грохот звонка не разорвал мне перепонки, открываю глаза и первое, что вижу это серую Нокию, подскакивающую на вибраторе-эпилептике прямо перед моим носом.

Тяну руку – но уже поздно, звонивший явно удовлетворён тем, что разбудил меня в мокром испуганном поту, он тут же перестаёт звонить.

Пока открываются глаза, чешу под резинкой трусов. Идиотская привычка, но никак не могу взять это под контроль.

Прошло уже больше пяти лет, а такие сны все ещё посещают меня. Явственно оказываюсь в зоне, в арестантской робе с биркой на груди, и с постоянным холодным страхом предвкушения беды.

Какое же счастье проснуться на свободе, в нормальных, а не «хозяйских» трусах, этого кайфа не передать.

Проблемы? Все проблемы кажутся полной хуйней, когда вспоминается отсидка со всеми её вывертами и сюрпризами. Нет, не стоит и сравнивать. Если хотите знать... .

БЛЯ-А-ДЬ! Проклятый телефон!

- Hello?

- Is Jeff there please?

- No, sir, it is a wrong number.

- You don' give me this "sir" bullshit, man, you tell Jeff - he aint payin' tomorrow I'm gonna kick his ass...

- WRONG NUMBER

Сволочная телефонная компания. Они порекомендовали мне поменять номер мобилы, чтобы улучшилось качество приёма. Качество осталось прежним, но регулярно стали звонить какие-то мудаки ищущие то Джефа, то вообще какого-то Густаво Хернандеса. И все без исключения требуют, что я немедленно расплатился.

Заебали. И так проблем хватает выше крыши.

Помню, как я сюда прилетел – самоуверенный, наглый и сытый.

Что? После шести лет по узбекским колониям я не смогу выдоить и развести разжиревших и мягкотелых поклонников бейсбола и бигмака? Эта страна у меня в кармане!

Первое впечатление моё от Америки – унитаза все как один засорились в аэропорту Кеннеди. Вода чуть ли не через край хлещет. Да-а.

Суровая реальность далёкая от голливудского глянца.

Однако была в этом и ирония глубокая – так как в скором довольно времени пришлось мне эти унитаза чистить. Ну не эти самые, конечно, да ведь какая хрен-разница. Окунулся в жизнь, можно сказать с головой.

Помнится листок-форма которую заполняешь когда самолёт уже начинает снижение над океаном, омывающим Нью-Йорк – нельзя то, не стоит делать это, ни в коем случае не предпринимайте следующее, даже не пытайтесь соваться туда-то, держитесь подальше от этого и, да, в конце самом – добро пожаловать в Соединённые Штаты...

Я стал Винсентом. Перешёл на следующий уровень

Я – Винсент. Иногда Винни, иногда Вин, иногда даже Винсенте, но чаще Винсент.

Вспоминается сразу «Паспорт» Данелия – где главный герой встречает в Тель-Авиве бывшего зэка-Янковского и кричит ему:

- Эй, Боря! Боря!

А тот так испуганно смотрит по сторонам и говорит

-Какой я тебе тут Боря?! Борах я! Б-о-р-а-х!

Довольно быстро промотав те несчастные пару штук, что удалось привезти с собой, я с энтузиазмом принялся искать работу.

Я ещё и малейшего представления не имел, с какой изощрённо продуманной системой предстояло столкнуться.

В стране на тот момент было 14 миллионов нелегалов. Об их наличии знали все - от директора ФБР до последнего пропойцы шерифа в каком-нибудь Кэтскиллз, Апстейт Нью-Йорк.

Они были нужны – унитаза должны блестеть каждый день, это элемент культуры. Но если дать им документы – то со своей работоспособностью и приобретённым в третьих странах иммунитетом выживания – они очень скоро сдвинут с насиженных мест БЕЛЫХ.

Тех, кто трудится по сорок часов в неделю максимум, меняет машину через каждые три года и имеет чуть больше телевизоров в доме, чем машин в гараже – средний класс, позвоночник Америки. Добропорядочные граждане.

А мне предстояло стать жопой Америки – частью той невидимой силы, которая, как Дракула появляется темной ночью и совершив свои странные обряды по чистке и натиранию до блеска отхожих мест, исчезает с первыми лучами солнца, уступив место ЛЕГАЛЬНЫМ. Людям в законе. Или в загоне закона. Овцы ебанные.

В Германии, Франции и Англии существуют огромные проблемы с гастарбайтерами получившими документы, они вечно чем-то недовольны. Требуют равенства. Автобусы жгут, шумят.

В Америке НЕТ гасторбайтеров и нет проблем. Нелегалы везде, они могут годами работать на одном месте, купить дом и машину, но стоит им хотя бы чуточку выебнуться, они исчезают. Кто-то мне говорил, что это бардак. А я вам говорю – это система. Система.

Почему вот только Россия, во всем тупо копирующая спорный американский опыт этой превосходной наработки не приемлет?

На хрен регистрация? Кормить младшие ментовские чины? Наоборот – нужна негласная инструкция: нелегалов не трогать, а регистрации просто не давать.

Тогда в час «альфа» - можно их всех без разбора в теплушки – и в степь, как в старые добрые времена.

А то нашли что срисовывать - ЕГЭ долбанный! Да поговорите с любым американским средним выпускником – много интересного узнаете. Например, что Польша – это часть России, а Биг Бен – дежурный бургер в закусочной Ред Робин. Вы хотите своих детей в «это» превратить?

Вы, друзья, должны сегодня лечь костью, чтобы слова «передовой американский опыт» звучали на русском как нецензурная брань. Иначе можете увидеть свою будущее, посмотрев недельку новости какого-нибудь небольшого местечкового телеканала в Мичигане.

Демократия здесь, безусловно, существует, и конституцию все кому не лень не перекраивают, но здесь есть другие гораздо более жёсткие способы контроля – кредитные карточки и фармацевтическая промышленность.

Карточку вы может заграбастать лет с шестнадцати, а потом ещё одну и ещё и дом и машину и даже лодку, чтоб потом всю жизнь трястись, чтоб ни дай бог с работы не выперли – все отберут. Тут и, кстати, вас и сажают на успокоительные таблеточки.

Хотя на антидепрессанты добрый доктор, получающий комиссионные с каждого выданного рецепта может посадить вас ещё раньше. Лет эдак в шесть, да ещё и по рекомендации школьного совета.

Есть у них такой приговор – гиперактивность. Мол, слишком ребёнок непоседлив, мешает учителю объяснять почему слово «негр» это такое же нецензурное ругательство как слово «блядь».

Ребёнок вырастет в полу эйфории, потом его переводят на другую таблетку или увеличивают дозу.

Однажды утром он забудет выпить лекарство, купит в хозмаге пистолет, и, выйдя на улицу, начнёт во всех палить. А остальным это красиво, с эффектами покажут в вечернем выпуске новостей, перемежая рекламой лекарства дающего долгожданный покой и счастье.

Если бы я рос в штатах, уверен, прочно бы сидел уже на какой-нибудь лунесте, амбиене или прозаке, пускал слюни при виде квортерпаундера с чизом, и смотрел каждое воскресенье зуболомный американский футбол. Спорт это тоже здесь тоже мощнейший зрелищный рычаг чтоб отвлечь массы от сложного процесса осмысливания происходящего вокруг. Существуют десятки каналов, где 24 часа в сутки идёт какой-нибудь матч, который нельзя ни в коем случае пропустить.

Ладно – давайте лучше о более интересном, о вашем покорном слуге, например.

У меня есть вредная привычка – швырять своих боссов. Сначала все обычно идёт хорошо, и я стараюсь боссу понравится. А потом вдруг замечаю, что босс-то и вовсе не старается в свою очередь понравится мне, и начинаю копить злость.

Тут босс не по делу отчитал, там зарплату под задержал, здесь опять под загрузил сверх меры.. Заебал ты, босс! И вот приходит день, когда расслабленный босс забывает на столе ключи от своей задницы...

Наверное, это у меня форма патологии – Фрейд бы помог, конечно. Если всех опрокинутых боссов сложить в одно резюме, мне не то, что на работу, скорее всего, потянет этот карикюлум лет этак на пятнадцать строгаца.

Так что планктон я конечно офисный по-жизни, но эдакой вариант мутировавшего, хищного планктона-паразита.

Вечное бегство от боссов и занесло меня в Америку.

Разумеется, я Америки тогда совсем ничего не знал и по наглой офисно-планктонной привычке, нацепив галстук, отправился «давать джаб интервью».

И меня даже взяли! Сходу! Вот оно как – сработало классическое советское образование, дай бог родителям здоровья!

Поступил сменным менеджером в маленькую закусочную Вендиз – это типа микидональдса, чуть повкусней. Олд фэшнд хэбургерз.

Проработал там неделю, до первого пэй-чека, только-только сыр проволон от суисс научился отличать, а там пиздец – давай, говорят, карточку социального страхования, мы с тебя налог сымать будем. На восстановление Багдада.

Какая там хер карточка, только они меня и видели!

Не получилось из меня труженика общепита. Фаст-фуд звучит круто, но я вам по-секрету скажу, как своим, фаст-фуд в штатах – это советский ОБЩЕПИТ. Галимый.

Не злите официантов, заклинаю вас. Заискивающее улыбнитесь повару, может и сойдёт все с рук. Не плюнут в салат или не обсчитают. Типа компьютер ошибся.

Да, если будете покупать, не вытаскивая задницы из машины, через окошечко сбоку забегаловки, убедитесь, что вам сдачу дали американскими деньгами, а не канадскими с изображением бестолково зыркающей королевы. Эти штучки конвертируются только в приграничных штатах.

И не верьте, что в Америке ничего с работы не воруют и не берут взятки. Наивность.

Облом с трудоустройством это очень отрезвляющий экспириенс. Значит и не такой уж я и гениальный. И видимо придётся как всем – драить толчки долгими бессонными ночами. С плеером и под «Машину Времени».

Правда в конце-концов моя английская спецшкола и неоконченный иняз, помогли совершить головокружительную карьеру в Новом Свете.

Я сделался бригадиром команды по уборке магазинов. Когда босс получает новый магазин, он сперва гонит туда меня – обучать новую команду полотёров, и пиарить её перед манагерами магазина. Тут тоже нужен язык. Не обязательно чтобы английский, важно чтоб юркий и влажный.

Бьянку я сразу перетащил сюда. На «свой» магазин. Сказал боссу - лучше неё никто не справится. Переведут на другой – поедем вместе.

Не объяснять же, что так удобнее и дешевле ездить. Одной машиной. Вот. Так и живём.

Вся моя американская карьера и личная жизнь.

Ночная в основном жизнь. Скрытная.

Я скрывался от властей до первой «командировки», бегал от них перед второй, притариваюсь и сейчас. Вошло в привычку. Феликс Эдмундович вроде как лет тридцать от властей гасился – а чем закончил? То-то!

Вот сейчас взять - стоим в очереди на шмон. Я- то привычный к этому, а вот приехавшие на заработки, бывшие советские врачи и инженеры – первое время сильно возмущаются. «Унизительно», мол. А толчки драить это как? Почётно? Как попавшая в плен пехота, мы расплачиваемся за проигрыш державы в холодной войне.

Секьюрити Офисэр описывает: во что мы одеты, и что лежит у нас в карманах. Утром будет сравнивать в надежде, что мы спиздим носки или футболку. Тогда он нас поймает и покажет своим боссам, что не зря отъедает здесь задницу.

Наивный пидораз. Мы не мексиканцы, которые пиздят все, что блестит.

Мы представители мёртвого варшавского блока. Того самого блока, что держал их в страхе несколько десятилетий. Русские идут, блять!

Наших на восточном побережье пруд-пруди. Но здесь и грузин и молдаван, и хохол, и поляк, и монгол, и серб, и чех – братья. Плевать какая дома политика, здесь мы все – рюски. Прикольно, что все без выебона говорят по рюски, даже монголы. Единственное, что прижилось и интернационализировалось это польское слово «курва», остальное на языке Пушкина и Достоевского.

Как при Союзе.

Так что идите вы на хуй со своим пан славянизмом – сразу говорю, я при союзе рос, а там национальностей не было, как в Америке

сейчас, хотя тут со цветом кожи сильные непонятки. Вот в тех штатах на юге, где раньше на импортированных рабах все держалось, сейчас тюрем больше чем бензоколонок. Зыки убирают мусор, кладут асфальт, валят лес. Девяносто процентов зэков на юге – потомки тех, кто въехал в Америку в виде багажа. Смуглые на подбор.

К говорящим на русском и английском в нелегальной среде существует мистическое уважение, как к посвящённым волхвам. Гарантированный заработок в твёрдой валюте.

И мексы стараются сюда к нам не лезть. У нас интеллектуальное превосходство, мы ракеты запускали, до того как на унитазаы переключились. Мексы тусуются вдоль западных границ и на югах. Хотя расползаются потихоньку. Осваивают новые земли. Так что, думаю, если крепко возьмусь за испанский прямо сейчас – и на старости лет голодным сидеть не буду.

Наши никогда не пиздят в магазинах в которых работают – нахуя? Неужели трудно за всю ночь перекинуть ценник с десятидолларового набора китайских ножей на ста пятидесятидолларовую цифровую фотокамеру?

Приходи потом днём и покупай в автоматической кассе, как белый человек. Сканируй себе мёрчандайз. Вам ещё приятного дня пожелают на прощание. Даже если заметят – придёт вежливый менеджер, скажет «Ну извиняйте, наша ошибка – ваша удача, разница за счёт заведения!» Главное не втягиваться сильно - может войти в опасную для здоровья привычку.

Или купи рюкзачок баксов за семь перед самым закрытием. Утром на шмоне покажешь «офисэр» квитанцию – «Вот купил, вот, рюкзак, понимаешь.» А что напихал туда за ночь, это уж не его собачье дело. Как говорится – «Совість лучший контролёр». Открыть рюкзак они почему то не имеют права, если сам не лохонешься и не покажешь что там внутри.

У меня сегодня в смене новичок, и я спешу ему растолковать все эти премудрости, чтобы избежать неприятностей с ментами утром.

Утром ноги будут гудеть и жить будешь только мечтой о пиве, а не о детективе с участием шерифа.

- Тебя как зовут?

- Раф

- Раф? Это не имя, а марка машины!
- Ну, Рафаэль, вообще-то, мой отец армянин. Это в хай-скуле уже стал – «Раф»
- Понятно - тоже Борах. Как и я.
- Откуда?
- Мы с Ростова, в 1986 году приехали. Беженцы мы. Мой отец – верующий-пятидесятник.
- В 86? Да ты, наверное, уже легальный?
- Мы – граждане США.
- А! Ну тогда «ку!»
- Ку?
- Кино есть такое «Кин-дза-дза», видел?
- Это с Томом Крузом?
- Не-а, не с Томом.
- А что ты тут с хай-скулом и паспортом полы драить собрался?
- Мне надо очиститься.

Очиститься ему надо, блять. Это что - монастырь тибетский?

Это промтоварный магазин самой распространённый в США розничной сети. Очиститься тут невозможно не на каком астрально-кармическом уровне.

- ???

- Не могу писс-тест пройти на нормальную работу. Шаблю шалу.

Тогда все ясно.

Тут теперь кроме резюме на собеседование надо анализ мочи приносить, «писс». Так называемая «drug-free work atmosphere program».

Ну это уже давно, а вот какая у эмплоеров новая фишка, они теперь всеми правдами и неправдами стараются выяснить ваш сетевой никнейм в My Space, так вот потом, и интервью никакого не надо – прочтут как вы исступлённо дробите на вэб порн перед сном, увидят пару фот, где вы косога размером с жд шпалу раскуриваете, и можете идти в другую компанию – здесь вы нахуй не нужны со своей чуткой и ранимой душой.

А таких как Раф они называют – уайт трэш – белый мусор.

Обратите внимание – подчёркнуто БЕЛЫЙ. Небелый – это мусор автоматически. Есть белые районы и богатые белые районы. Богатых черных районов нет. Аномалия, блять, природы.

-Ладно. Мне твой писс-тест не нужен. Главное – если спиздить чего захочешь, посоветуйся сперва.

- А что такое «спиздить»?

Рафа вывезли на «землю обетованную», когда ему было два года.

Его русский язык – копия русского языка родителей. Закостенелого, мертвого и пересыпанного библейской терминологией.

Сленг он не понимает. Телевизора у них тоже нет. Приходится адаптировать поток моей речи, как будто я с мамой своей говорю.

Иногда мы перескакиваем на английский. Легче объясняться.

Выговор Рафа настолько хорош, что у меня текут слюни. Завидую. Почему некоторым годами зубрить приходится, а кому-то автоматом, ни с хуя?

Через сорок минут нахожу его в ланч – руме. Комната поделена на две части стеклянной перегородкой. Одна половина для курящих, другая для тех, кто их ненавидит.

Раф сидит на smoking-половине и тянет из блестящей трубочки-дивайса. Он наполняет легкие дымом и держит так долго, что лицо его багровеет, как у человека опрометчиво злоупотребившего виагрой.

-Эй Раф!

Я умышленно застою его врасплох. Пусть знает, кто здесь босс. Я старший помощник младшего дворника.

- Захочешь курить, я в принципе не против, только спроси - где. Для таких вещей есть отдел садоводства, там и днем-то мало кто бывает, вентиляция отличная, давай идём. Хорошая хоть дрянь-то?

- Какая дрянь?

-Ну шала твоя, хорошая?(все равно не отстану, даже если скажешь –плохая).

- Эта не шала. Это спид. Я два раза по магазину прошел – ноги устали. Как вы тут - без спида? Speed gives you a boost!

- Кофе, блять, пьем для бусту. Go ahead, blaze it!

На дне девайса полу растаявший айсберг спида. Я подношу к нему огонек зажигалки и он быстро, с пшиком, плавится, источая молочный парок. С вершины пирамидки прозрачной слезой сбегает юркая капелька, но добежав до основания резко мутнеет и останавливается. Nice! Я направляю парок себе в мозг. Straight up!

Спид – не спит. В тело врывается торнадо. Пляска ведьм. Я снова молод и полон сил.

Метла развязывается и из меня льётся сумасшедший поток слов – мыслей, совершенно гениальных.

Я останавливаюсь только тогда, когда замечаю по глазам Рафа, что он не понимает и половины моей обгоняющей саму себя речи.

Вырываю у него трубочку, выжигаю остатки и повторяю тоже самое по-английски. Speed it up, babe, spit it out!

Утром после работы, пролетевшей как одна секунда, Раф просит купить ему упаковку пива. Двенадцать бутылок, как говорят американцы, с длиной шеей. Лонг некз. Хочет притормозить спидовые побочки.

Нет двадцати одного, поэтому пиво ему не продают. А сигареты продают с восемнадцати.

Прикол, что алкоголь здесь не продают ещё и по воскресениям. Вот откуда Горбачёв спиздил свой «проебишн».

- А может лучше спида возьмем, я полностью финансирую транзакцию? Спорим, я одной затяжкой целый камень выжгу?

- А где шабить его будем?

- Было бы ЧТО «шабить». И ваще не говори больше - «шабить», у-ши режет, так уже лет двадцать никто не говорит. Шабить! Шаланды полные кефали...

Раф везёт меня на автобусный вокзал Грейхаунда. Грейхаунд – самый дешёвый способ американских передвижений. Но и самый опасный. Его пользуют ребята похуже тех арабов, что не смогли сдать пилотский экзамен одиннадцатого сентября.

Поэтому поедете на этих «серых собаках», снимите сперва ювелирные украшения. Наличные из кошелька перекиньте во внутренний карман. И на станциях пересадки следите, чтобы ваш багаж не уехал в Сент Луис вместо Феникса. В Америке царит железный, упорядоченный бардак, образца Советского Союза начала перестройки. Это мне очень нравится, но я, увы, знаю чем это все кончится. Имеется, так сказать, опыт. Как говорят сами американцы вопрос только «когда?»

Недалеко от входа в терминал тусуются несколько черных барыг. Стиль их одежды напоминает узбеков из Старого города. Но у этих в крови музыка и спид – они пританцовывают на месте, как будто мёрзнут. Вечное движение искалеченных злоупотреблением стимуляторов

Раф направляется к ним.

- А в Москве, знаешь, раньше бабушки продавали Солутан прямо через дорогу от площади Дзержинского, перед конторой русского ФБР. Прикинь?

Милые бабушки-убийцы. Накатывает ностальгия. Москва солутановая – я прожил там целую жизнь. Проскочил очередной уровень.

- А что такое «солутан» ?

- Русский Судаффе́д. Лекарство от астмы и тоски.

Когда я только приехал, я очень не любил черных. Бесила их кишлячая манера одеваться. Ну и побаивался немного, само-собой.

Но позже я их понял. По уровню разъебизма и отрицания власти они очень близки русским.

Система ебла их много лет. Они адаптировались. Прикольно, что в них нет полутонов. Негр или злой, как собака или добрейший, как ангел небесный.

В отличие от большинства белых, у них есть душа. Об этом говорит их музыка – от ритм-энд-блюза до хип-хапа.

Благодаря последнему, они выебали-таки белую систему. Все молодое белое поколение с богатых и высокомерных районов одевается и говорит с негритянским акцентом. С тем самым за который до начала восьмидесятых не принимали не в один университет.

Толстых белых республиканских дядь в их ебанных линкольнах, этот экцент сильно коробит.

- Ищите чего, братва? Хотите один, а может быть два? Хотя на два у вас бабла хватит едва! Да вы попробуйте, попробуйте сперва!

Манера диалога тоже хипхэпная, любят повыебываться, не отнять.

От злоупотребления спидом негр пожелтел. Левое веко бьётся в тике, как у Вола́нда. Зубы крошатся, а руки суматошно не находят себе места. Руки нервно ищут.

- Кристалл.

- А вы не менты ведь, правда не менты?

Идиот. Если мы – менты, разве заявим ему об этом?

Однако как мне объяснил потом Раф, работающий под прикрытием мент в гражданке обязан прямо ответить , что он мент, если его прямо спрашивают. Если мент скажет «нет», а позже арестует барыгу, в суде его показания аннулируются. Так, что не удивляйтесь, если уличный барыга задаст вам такой тупой, казалось бы, вопрос. Можете даже и не ждать, скажите эдак в стиле хип хап «эй, ты, привет, я не мент, бля, я не мент!»

- Кристалл, айс, спид, мет, средство похудания Дженни Кранк. You name it!

- Ничего такого не держу. Но у меня есть немного счастья. Совсем чуток. Хотите простого человеческого счастья?

Негр хитро улыбается беззубым ртом. Мы берём огромный булыжник «счастья».

Деньги негру показываем, но не даём. Надо сперва попробовать, что это за счастье, может просто дроблённый нафталин. От нафталина счастлива только моль, да и то очень-очень короткое время.

Зайдя с негром с угол, мы дегустируем счастье из маленькой стеклянной трубочки, типа той какой берут из пальца кровь. Крошка от камня вдавливается в один, весь закопчённый конец трубки и нагревается.

Я смотрю, как негр обсасывает трубочку толстыми губами и с тоской думаю о возможном спиде. Спид и спид. Два способа скорейшего достижения кладбища.

Я не успеваю выпустить ещё дым, как вдруг на меня накатывает неземная сила. Это и в правду похоже на счастье.

Я поворачиваюсь к негру и вдруг спрашиваю его голосом Владимира Познера:

- А готов ли ты сейчас прямо встретится с Господом? Что ты скажешь своему Творцу? Есть ли тебе вообще чего сказать Отцу Небесному?

Уголком глаза вижу как лицо Рафа, уже обрадованно-расслабленного, что все прошло хорошо, трансформируется в символ «ОХУЕТЬ!!».

Но реакция барыги совершенно неожиданная. Негр вдруг начинает плакать. Плакать навзрыд, как ребёнок.

«Глоссолалия»

Мы плавим в трубочке спид, болтаем и слушаем Шнура.

Раф никогда не слышал Шнура. Он не знает, что значит «разводка» и «бухать». Блаженный.

Приятно наблюдать его радость, когда он понимает смысл русского сленга интуитивно, на лету. Все равно он – рюски. Шевчука он тоже схватывает на лету:

«Я открыл окно, и весёлый ветер разметал все на столе -
Глупые стихи, что писал я в душной и унылой пустоте»

- Поезжай в Россию, Раф, проветришься. Там жить никак невозможно – можно только отдыхать. Но ТАК отдыхать ты сможешь нигде на свете! Езжай! Я тебе пару адресочков дам – в два счета сделают из тебя человека!

Ну, чего ты тут не видел? Получил чек – положил в банк. Пришёл домой – выписал десяток чеков сам. Напился в пятницу в хлам. А в понедельник – побритый и наодеколоненный – на работу, ждать новый чек. Человек-винтик.

Сколько вот тебе лет, сколько?

- Через два месяца будет двадцать один.

- Вот видишь, я в твои годы успел побывать замом главы представительства крупной фирмы, и , кажется, уже сидел.

Да, точно-точно, уже «отбывал». Или бегал от ментов? Не - вроде ещё бегал...

А вот что, скажи мне, что в твоей жизни здесь было интересного, светлого?

- Ну. Ну не знаю. Мы с Толяном отцовский минивэн перевернули в Миннесоте.

- Шикарно, Раф, шикарно. Минивэн. Миннесота. Романтика. Это вы жили раньше в минисотах?

Из сбивчивого рассказа выясняется, что на восточное побережье они переехали совсем недавно.

Дом Саркисянов в Миннесоте был у самой канадской границы.

В Канаде, оказывается, проживает несколько крупных общин христиан-пятидесятников. До этого я слышал о шестидесятниках – а тут пятидесятники какие..

Все равно отчего-то ассоциации с хрущёвской оттепелью. Евтушенко представился и Рождественский – оба почему-то в католических сутанах.

Общины поддерживают полунатуральное хозяйство, и стараются до минимума свести контакты с внешним миром.

В огромной Канаде, где населения меньше чем в московской области, эти общины представляют собой государство-в-государстве. Они практически самодостаточны. Пресвитеры решают, кому и кем становится, кому и как жить. Думаю и баблом они вертят солидным. Кое-кто точно вертит.

Сообразив, что пахнет баблом, я стал прислушиваться внимательней, стимулируя речь Рафа редкими пыхами лунного камня на дне трубки.

Итак, отец Рафа, брат Александр, пламенный активист-пятидесятник, эмигрировав из Ростова, помогал желающим, переправляя их через границу в эти общины. Творил господню работу. Служение. И желающих переместится на общинные хлеба было больше, чем достаточно.

Хотя некоторых, я уверен, больше волновала Канада и превосходные госпрограммы для халявщиков, чем жизнь вечная.

По словам Рафа, на определённом уровне, в дело вмешался лукавый, потому что захотели переправляться в Канаду и недобрые люди. Ну как без них то?

Недобрые отвели глаза пресвитеру тамошней церкви, он регулярно стал принимать от них дорогие подарки и пожертвования. Так что брату Александру пришлось выводить в Канаду всех кого не попадя. В три смены.

На лицо перегибы и злоупотребление служебным положением, батюшка!

Вскоре, углядев все нечестивство, отец Рафа наотрез помогать грешникам отказался, и недобрые люди ночью проломали ему голову в его же собственной бане.

Алюминиевой битой для игры в бейсбол. Отголосок весёлых девяностых в замшелой Миннесоте

Господь в тот чёрный день сохранил жизнь отца, потому что, видно, главного своего дела на земле отец ещё не сделал.

Таким было откровение, полученное от Господа в момент первого удара битой по голове. После этого отец легко вознёсся над землёй, но ангелы убедили его вернуться в скорбную земную юдоль. Довести до конца служение. Вернуть овец доброму пастырю.

Так что из Миннесоты им вскоре пришлось уехать. Не стало им места в тамошней общине. Так что забросил их в городок, где базировался тогда ваш покорный слуга.

Чтобы передать вам потерю от переезда добавлю, что это равнозначно переезду от красот озера Байкал в какой-нибудь Жаркурган. Или кишкообразный Ашгабат.

- Раф, а ты сам-то веришь в Него, в Господа?

- Конечно, верую! Мне просто курить эту дрянь надо бросить и покаяться. Я смогу! Знаешь, когда грешник кается, ангелы на небе радуются. Это в Писании сказано. Обязательно покаюсь и исповедуюсь... Поближе к светлomu празднику Пасхи...

После этих слов Раф снова затягивается спидом.

У него лёгкие блять безразмерные какие-то, и я с печалью фиксирую исчезновение очередной порции счастья.

- А я тоже верю, Рафик. Может не хожу в церковь, не молюсь, но верю! Как же без веры?

Знаешь меня когда первый раз на этап в зону погнали, менты, овчарки, автоматы, прожекторы- страшно – вот уж где я взмолился – «Спаси и Сохрани, Господи, спаси и сохрани..» Мне кажется я хорошо знаю Христа.. ты фильм последний Гибсона видел? Или вот - грибов пробовал когда?

- Но, не пробовал, но очень хотел бы.

- Грибов попробуешь, точно поверишь. Бог есть, эт я тебе точно грю.

Это от долбанного спида ебаться только охота, а вот от грибочков ближе к Богу тянет стать. Каждый стебелёчек, былиночку, пташку божию понимать и жалеть начинаешь. Оно ведь главное то – суть та сама – ЖАЛОСТЬ и ЛЮБОВЬ, любовь ко всему и всем, как к себе самому. Все. А если этого не догоняешь, хоть лоб разбей на молитве – не поможет.

И твёрдо решаю привести Рафа к Богу – хотя бы в том виде, что его знаю я.

За этой глубоко богословской беседой мы не замечаем, как вхуячили спида почти на двести баксов всего за три часа. Дорогое удовольствие. На сотку можно было холодильник жратвой на месяц притарить. Эх.. А до чека ещё дней шесть...

Сейчас мы до блеска вычищаем трубку надеясь наскрести хоть на одну затяжку, ещё хотя бы разик. Именно эта затяжка нам кажется, будет самой сладкой. Это самая унижительная часть когда куришь спид или крэк – все, кажется если трубку вычистить, выскрести, потом нагреть как следует – выйдет ещё одна добрая затяжка. Подлейший наркотик. На самом деле нужно делать только ОДНУ затяжку – первую и все. Этот самый супер эффект теперь не повторится дня два – а вы наивно пыхтите и пыхтите пока трубка не опустеет как свисток дедушки-голубчика.

Долбанная наркота – вечно полжизни её ищешь, находишь, и она тут же кончается. Эта вечная смертельная тоска, когда видишь, как кайф на глазах уменьшается, а потом выходит из организма. Пелевинский образ с негром, который то засунет – то высунет, описывает это необычайно хорошо.

Нихуя. Вот и мы вычистили трубку до блеска. Life comes at you fast. Пришёл отходняк.

Без спида говорить нам не о чем, и я везу Рафа домой. Весь блеск и глубокомыслие улетучились, хотя скорость ещё прёт. Я лечу по шоссе около 80 миль в час, но кажется машина еле ползет. Зачем они тут таких замечательных фривэев понастроили – чтоб потом за превышение скорости штрафовать? А у машины зачем такой объем двигателя, я же один на ней езжу, а не уголь тоннами перетаскиваю.

Надо сбросить Рафа дома побыстрее и свалить. стакан вина, горячая ванна – и спать. Иначе подкатит депресняк – нормальная

побочка после стимуляторов. Главное ее перебить чем-то, а то можно и повесится сдуру.

В предверии депра, я точно не выдержу занудного разговора с его родней, да и ваще с любым у кого трезвый, медленный мозг. Мой мозг, как и нижняя челюсть, описывает резкие параболы. Спид.Спид. Спид.

Поэтому бросив его у дома, я задним ходом начинаю выезжать на улицу.

Выехав, переключаю автоматическую трансмиссию, чтобы ехать «вперед», но блин, слишком резко. Коробка-автомат вещь удобная, но капризная, особенно у старых машин. Нужно полностью остановиться, а потом уж переключаться, не формула, ведь, один. Фак.

Приехали. Коробку звонко клинит, и машина глохнет в трёх шагах от дома Рафа. Пиздец. Нет ну пиздец же, пиздец! Фак!

Как я теперь на работу поеду? Миль двенадцать будет с гаком...

Общественный транспорт в этой стране находится в зачаточном состоянии. Расстояния зато – дай боже! Землищи тут халявной осталось после чингачгуков!

На некоторых улицах пешеходных тротуаров вовсе даже нет. Все на машинах. Не новая машина стоит как хороший телевизор, хули. Пошёл и купил. С полочки.

А вот запчасти на неё вас обязательно разорят. Коробка на мою - точно дороже стоит будет, чем сама машина. Я в жопе. В полной. В очередной раз. Незапланированные расходы.

Это всегда случается, когда думаешь – вся ништяк и начинаешь хуярить деньги в ноль. В маленькой хромированной трубочке. Как бестолково все!

Все это время я физически чувствую, что за мной наблюдают.

Цепко как-то пасут. Я побегал в своё время от властей – теперь чувствую такие вещи, как подагрик хуёвую погоду. Я ебаный Джеймс Бонд. Полковник Лоуренс. Винсент.

Обернувшись по сторонам, ищу, откуда же пришла эта паранойя.

Из-за занавески в доме Рафа за мной следят чьи-то внимательные глаза. Глубоко посаженные и очень умные. Даже скорее – мудрые. Похожи на глаза Христа из кино.

Внешний вид - довольно обычный, человек седеющий, выше среднего, похож на Рафа. Но вот этот взгляд, он как прожигает. Смотрит и видит насквозь, как рентген, и говорит будто: «знаю-знаю какой хуйней вы занимаетесь, вот тебе и кара Господня, вот!»

Ужас! Это от конечно же спида побочки поперли уже – голоса в голове, хуйня какая. Бред. Ещё бы на две сотни выплавить чугуна – так и ласты можно склеить.

Лишь бы этот «брат Александр» на улицу не вышел и , главное, бежать –то не на чем. Машина мертва. Как загнанная лошадь

Улочка, где их дом боковая, узенькая, и я почти ее всю заблокировал своим «Понтиак-Транспортом». Если сейчас кто-нибудь поедет в любом направлении – будет мне крышка как летчику покрышкину.

Надо срочно вызвать грузовик-буксир, чтоб в мастерскую меня отволокло.

Станет это в копеечку, но все же лучше разборок с полицией. А полиция будет здесь с минуты на минуту, наверняка добрые американские соседи уже позвонили и сообщили о проблеме на их вонючей улице. Фак. Это тоже система, хэллоу!

Ненавижу диктовать свою длинную русскую фамилию по буквам, чтоб мент понял и пробил ее на компьютере.

За пару минут всю мою подноготную поднимет в базе данных, пропотеть заставит, а потом спросит : «Вы нуждаетесь в помощи,сэр?»

Вы тут не ссыте главное – сбросьте всю запальную хуйню типа наркоты там, и оружия, и будет вам счастье. Чтобы пробить вас по базе имигрейшена – им специальное разрешение надо.

К счастью моему, тоу-трак, грузовик-буксир, приезжает довольно быстро. Всего сто двадцать баксов – и я дома. Без машины и на жутких спидовых отходнях.

А этот внимательный взгляд из-за занавеси преследует меня всю дорогу. Что он так смотрел? Ему бы в прокуратуре работать. Наверное, сообразит, что я создал сыну условия для злоупотребления наркотическими и психотропными веществами. Выпытает у Рафа, что я нелегал... В общем, думаю, за мной уже едут...

В принципе наступил полный пиздец. Не выйду пару дней на работу - быстро найдут замену. Я - уборщица, а не министр водного транспорта.

Потом, все пойдет по американской схеме – сначала счёт за свет, потом за газ, потом за квартиру, потом они врубят счётчик, и счета придут с тридцатипроцентной накруткой. Сунь им пальчик – выебут в жопу. И выбросят.

Маркс с Энгельсом об этом писали больше ста лет назад – а мы их сейчас за клоунов держим. Капитализм выебет нас всех. В той или иной степени. Капитализм это зло.

Чтоб прожить в Америке один день, надо этот день проработать.

И не только плотве, типа меня.

Вся ебанная страна сидит в долгах. Все должны за дом, за машину, за кредитные карты. Работу терять нельзя!! Растерзают. Пустят с молотка. Если у вас это ещё не началось – начнётся уже очень скоро. Вас окутают мягким комфортом кредитов и займов. Вы получите счастье и хорошую карму в долг. Даже счета не будут приходить – они сами могут аккуратно снимать с вашего счета в указанные вами дни. Главное подкидывайте вовремя уголёк...

Кстати по сравнению со странами Европы, в Америке самая длинная рабочая неделя и самый короткий отпуск.

Людей здесь заставляют покупать то, что им не нужно. Менять мобилу каждые полгода – хочешь новую, с наворотами – бери бесплатно! Только контрактик, будь добр, еще на год с нами продли! А через пару месяцев подскочит тариф. Вот так. Хотите в другую компанию – выкупайте контракт и все неустойки.

Еще примеры – их тьма – Видовоз Виста – там столько графики, что вам комп придётся серьезно апгрейдить, а то тоска. Дальше – не один внешний дивайс с ним не работает – ага – а не пора ли вам купить новый супер принтер со встроенным факсом! Скидка 60%? Можете не платить первые два месяца? Ага? И вот вы уже пыхтя тащите домой новый принтер, хотя старый прослужил бы ещё лет восемь. ПотребЛЯЙ! Вот этот коврик в прихожей и есть последний шаг к полной гармонии во вселенной!

И правда – большинство средних американцев – мягко говоря не гении. Очень доверчивые люди, и если говорить с ними на правильном английском с гарвардским выговором – как у спикеров Белого

Дома. Верят всему, что слышат с экрана. И эти люди сами создали систему.

СИСТЕМА! Им удалось создать систему, которая их же и ебет. И ещё полмира в придачу.

Кстати и в России дружными стараниями СИСТЕМА тоже приживается, как же, прогресс. Вы сами не заметите, как станете частью этой тестовой системы. Наступите на те же самый грабли.

Ваш 1 канал точная копия Фокс Ньюз – главного консервативного республиканского рупора. Этого мне достаточно. Я не смотрю не тот ни другой. Они всегда знают кто хороший, а кто хуёвый. У них все просто.

Миром давно правят с десятков крупных мульти национальных корпораций, в одной из которых, кстати, работаете и вы, и читаете это с оглядкой, чтоб менеджер не увидел, так что парламенты и президенты, и выборы это шоу на вроде хоккея. Президенты в стране регулярно меняются – но у некоторых почему-то одинаковые фамилии. Если копнёте повнимательней в сенате – так там некоторые не то что дольше Хосни Мубарака едут – вообще пожизненно, и никто не вопит. А денежку гребут не меньше.

Наберите в гугле пять слов: Буш, Путин, Принц Абдулла и Муамар Каддафи – охренеете сколько раз эта компашка целует друг друга в десны. Вот вам и антагонизмы. Смотрите это с пивом и не принимайте близко к сердцу.

Это мыльная опера. Нас все равно непременно выебут. Просто расслабьтесь. И читайте дальше.

Все теории мировых заговоров штука страшная, но не страшней чем просто остаться без работы и на полном голяке в чужой стране.

Однако выкручиваться мне придётся, и именно здесь – в Америке. Ехать обратно – не могу. Мосты не то что сожжены, сровнены с землёй. Асфальтом, блять, покрыты. Само слово «узбекистан» для меня стало синонимом слова тюрьма. Срок. Цыганка с карта-а-ами...

Что делать-то? В долг взять у Бьянки? Она даст. Балует меня. Недавно подарила золотой трос в мизинец толщиной. Будто я браток какой малиновый. Загоню, пожалуй, этот трос за кэш. Презренный металл.

Хотя едва ли это спасёт гиганта мысли. Едва ли. Сколько уже можно пол по ночам драить?

Нужна схема, красивая, без огнестрельного и отягчающих, ну максимум чтоб на пару лет срока тянула, жизнь-та одна всего.

Что? Как выжить и выжать на хлеб с маслом? Ничего не идёт в голову. Почему-то вдруг вспоминаю о Рафе. И брате Александре.

«Господь сохранил жизнь отца, потому что, видно, главного своего дела на земле отец ещё не сделал».

Главного своего дела на земле отец ещё не сделал. Вот железный вариант.

Церковь святого Рафа! Это же масса людей, большинство здесь уже лет по двадцать, римские граждане, сука, с баблом и, главное, с какой верой! И ведь все наши – русские, с понятной психологией и слабостями. Вдобавок по правилам их игры, они обязаны меня любить.

Господь сохранил жизнь отца! Бред. Какой бред! Какой замечательный милый бред! А я, кажется, их всех уже сам люблю!

Моя потенциальная клиентура. Святоши. Люди-ангелы.

Я им нужен. Я – новый пророк и целитель. Прямая связь с Господом и раздача слонов! Кашпировский, Чумак, Гробовой! Конечно, нужна подготовка, но на голодный желудок, я ох как форсирую курс обучения. Хлеб народам, земля крестьянам, вода – матросам!

Я вам так, сука, башни рвану, охуете! «Бэд Трип Иоанна Богослова» устрою! Даже если не сработает выбиться в ихнюю элиту, появится доступ к их целкам, молодым, ядрёным наверняка, и уж точно с американским гражданством.

Вариант, похоже, беспроектный. Святой Винсент – маг и чародей-целитель! Мученик господень. Расступитесь, пропустите его на трибуну!

Спасибо, ставок больше нет! Идея – это наше все. Теперь детали.

Приступаем к операции «Праздник Святого Йоргена». Первым делом надо бы в их церковь намылиться. На разведку. Набраться духу и заявиться.

Только подумал об этом – а на ловца и зверь бежит – ззззз, щекочет ляжку мобила, я вздрагиваю, сразу вспомнив сон про отрядника Баходыр-ака, и беру трубку:

- Приветствую Вас!
- Драсти...
- Я отец Рафика, Александр.

- Очень, правда, очень приятно!(Вспоминаю, поёживаясь, его взгляд)

- Мне тут Рафик рассказал о Ваших обстоятельствах.

(кто его , пидораса, за язык –то тянул, сейчас начнёт запугивать)

- Ну, мы не из тех, кто духом падает!

- Знаете, а вот Вы не представляете, как может помочь душевная молитва!

- Молитва? Какая именно молитва? «Отче Наш», «Богородица»?

- Дело не в том, какая, главное с верой, с искренней верой к Господу обратиться.

Он говорил – не Я тебя исцеляю, а вера твоя! Вот она где силища-то! В вере нашей! Господь мечтает помочь нам, но как же Ему руку протянуть, если мы спиной поворачиваемся?

- Вы правы, наверное, я вот лично, верю, есть Бог, но такой веры, чтоб молиться, чтоб на коленях, один-на-один говорить с Ним, такого нет. Это все странно как-то. Вы уверены, что это необходимо?

- А Вы молитесь, молитесь, чтоб Господь укрепил Вас в вере. Чтоб явился вам. Как познаете Его милость – вся жизнь вокруг переменится!

-Ну...Я попробую. Не знаю...Начну молиться...

- Скажите, а Вам с Рафиком на работу сегодня надо?

- В том-то все и дело (Наверное, щас предложит молиться о новой коробке передач), что не могу выйти, машина, сами знаете..

- А у меня к Вам предложение – Вы приезжайте к нам! Прямо сейчас приезжайте! Я Ваграмчика, младшенького, сейчас за вами отправлю!

У меня тут Додж Караван стоит, никто не ездит уже пару месяцев. Рафка с Толиком его, правда, перевернули, помяли слегка, но я как мог, выправил. Пойдет пока ездить. А им не дам. Наказаны. Вероотступники. С детства получают от Господа свидетельство – а занимаются непотребством. Слепцы.

А там, позже, знаете, по автосвалкам проедемся, глядишь, коробку-то и справим, зачем вам новая машина? Такой расход.. Приезжайте, приезжайте, заодно и поужинаете у нас! Вера моя только пельменей на целое войско налепила!

- Спасибо! Не знаю как прям и благодарить!

- А вы Господа благодарите, Господа. Он лучше нас ведает, что нам нужно. По потребностям и воздаёт!

И трубку вешает.

АХУЕТЬ!! Одним махом решена проблема с моей схемой, машиной и ужином в придачу.

Самое лучшее, что со мной произошло за последнюю неделю. Видимо пришло время снова принять Христа. Евангелизировать меня кажется, собрался дядя Саша. Вот как.

Ну что же, легко у тебя пойдет эта евангелизация, ты уж не сомневайся. Ловец человеков! Молись нахуй побольше! Ещё посмотрим, кто в этом раскладе жертва, кто охотник! За дело!

Меня уже пытались как-то евангелизировать американские проповедники – летом в Питере после первого курса иняза.

Их тогда понаехало в закат перестройки – легион. Удивлялись какая восприимчивая к слову Божию экс-коммунистическая молодёжь. А нам тогда только практика в живом английском, да сувениры халлявные нужны были. Поэтому и рапортовали евангелисты превосходные результаты, легко отчитываясь за освоенные средства.

Ладненько. Займусь-ка матчастью. Надо работать по классическим канонам Сунь Цзы: «Война - это путь обмана. Поэтому, даже если ты способен, показывай противнику свою неспособность. Когда должен ввести в бой свои силы, притворись бездеятельным».

Я давно и твёрдо стою на пути обмана. Означает ли это, что я в состоянии перманентной войны?

В гугле набираю « ПЯТИДЕСЯТНИКИ».

Ща разберёмся.

Замечу вам сразу - люди - они без веры, ну никак не могут. Обязательно им верить нада – в Христа, в Будду, Мухамата, бенжамина или в газпром, не могут люди никак без духовной пищи.

И я ее им дам. Пищу. Я открою глаза слепым и напою безрогих, блять!

Читаем:

«Пятидесятничество – это одно из позднепротестанских течений христианства, возникшее в конце XIX – начале XX вв. в США. Пятидесятники верят в крещение Духом Святым.

Согласно Новому Завету, на 50-й день после воскресения Христа на его учеников, собравшихся на празднование иудейского праздника Пятидесятницы, с неба сошёл Святой Дух, в результате чего они обрели способность говорить на разных языках. Отсюда название «пятидесятники». Обретшие дар немедленно обратились к окружающим с проповедью покаяния.

Пятидесятники убеждены, что Дары Святого Духа: способность к пророчеству, исцелению больных, говорению на иных языках

(глоссолалия) и т.п. могут быть получены каждым верующим после крещения Духом Святым.

Крещение Духом Святым есть особое переживание верующего, внешним проявлением которого является глоссолалия, понимаемая как говорение на "ином языке".

Самая быстрорастущая христианская конфессия. По данным статистики в настоящее время к пятидесятникам себя относят около 190 млн. людей, принадлежащих к церквям пятидесятнического направления, и ещё 150 млн. крещённых Святым Духом в других конфессиях. Т.е. всего около 340 млн. человек».

Ни хуя себе, глоссолалия! Значит скоро и меня дух святой окрестит!

You bet your ass! Обрету способность к пророчеству и, пожалуй, исцелению больных.

Что же касается говорения на «иных» языках, то я и так Ин Яз почти окончил. С иными языками - порядок полный.

Если 340 миллионов человек скинутся, пусть хоть по одному центу – эта сколько же получится? На ужин хватит! Кстати, уже сегодня он бесплатный. Аллилуйя!

Когда Шри Шримад Бхактиведанта Свами Прапхупада причалил к берегам Америки, у него была горстка риса и сорок долларов. Через пару лет Сознание Кришны уже хуярило храмы по всему миру. В отличии от Прапхупады у меня неоконченное высшее. А это дает мне дополнительное преимущество на старте.

Америка, Ай лав ю! Ай ду, мать твою так!

Глава 4

«Лиля»

Дверь дома Рафа мне открывает настоящий Ангел.

От неожиданности у меня сразу проявляется старческая одышка, на лбу выступает испарина; я вспоминаю запущенную небритость и утреннее пятно от кофе на футболке. Свинья.

Никак не научусь ловко жрать и пить за рулем, как средние американцы.

Ей лет, наверное, двадцать, не больше.

Зарделась. Засмушалась вся. Меняет цвета как переводной календарик. О-о!

Ах! Цветок, цветок не сорванный! Набокова бы удар шарахнул на месте.

Когда вижу совсем близко спелую молодую девушку, то после Бьянки, которой «прочно за сорок», чувствую себя педофилом, соблазняющим ребёнка. И ничего не могу с собой поделать. Не удержусь.

- А вы кто такая?

Только на эту оригинальную фразу и хватает мозгов. Серое вещество мозга? Это просто запасы спермы!

Она нервно срывает с себя очки и прячет за спину. Очков застеснялась, дурёха. По мне так хоть бы все бабы в очках ходили. Захотел

другую женщину: «родная, сними-ка очки». Приелась эта: «а не поменять ли нам оправу, милая?».

Женщина в очках, это как минимум две женщины. Купи одну – вторая бесплатно.. Работает круче чем, если просто перекрашивать им волосы.

«Лиля», полу шепчет так и убегает, почти без сознания.

Лиля! Лиля! Лиля! Какой чудесный день! Какая же ты – Лиля! Молодая, свежая, сладкая моя Лиля!

А я ведь понравился тебе, вижу, вижу, что понравился! Девочка совсем от этих игр ещё далёкая, Лиля! Это я! Твой принц и рыцарь!

Да один шанс окунуться в волосы твои, нежность кожи вокруг сосков, эти коленки вечно сжатые! Рай. Просто рай.

Даже и паспорт твой имперский хуйня по сравнению с тобой. Хороша!

При чем тут Америка! Бабы – вот всегда моя Америка, и нет ничего важнее и вкуснее их!

Хотя паспорт это тоже достоинство, весьма увесистое. Скажем так приятный довесок!

В семье Александра Саркисяна девять детей. Жуть. Или подвиг. Скорее все же жуть.

Пятидесятники считают безопасный секс с гандоном смертным грехом равносильным аборт. Вмешательство в божий промысел.

Поэтому семьи у них огромные. Я тоже, как и пятидесятники, не люблю презервативов, но по совсем другой причине. Терпеть не могу посредников. Поэтому принимаю душ - раздевшись, а женщин люблю без гандона.

Мы стоим вокруг стола, а дядя Саша просит Господа благословить ужин и всех нас. Пока молимся, закрыв глаза, я потихоньку всех рассматриваю

Лиля – старшая, потом Раф, Толик, на местный манер зовущий себя Тони, Илья, Ваграм (дань армянским корням), Сэм, Сара и Филип.

Я рос в семье один и у меня в голове не укладывается – как так можно.

Казарма блин какая-то. А что утром творится на входе в туалет?

А как же хорош ужин. Вендиз – хуендиз. Американская жаренка утратила для меня всю ауру, которая окружала гамбургеры дома. Самая лучшая еда – русская!

Даже получасовая пятистопная молитва дяди Саши не отбила аппетит. И потом, я так сильно соскучился по-домашнему.

Все так вкусно. Божественно, как симфонический оркестр.

Хлеб тётя Вера печёт сама. Консервирует соленья – сама. Ну все как доктор прописал.

После американского хлеба, который так напичкан химией, что не черствеет месяцами, но и свежим никогда не бывает, кажется, что этот русский хлеб дышит. Я поглощаю его живьём.

Путь к моему сердцу пройден. Они завоевали меня! Окрутили парня!

Да, Винсент, милашка, смотри, вот эти люди и станут скорее всего твоей тещей и тестем. Везунчики блять!

За столом так уютно. Все эти годы мне не хватало семейных отношений. Изголодался, можно сказать. Даже дома у отца была своя жизнь, а мамы своя, про меня и говорить нечего – я себе на уме лет наверное с трех.

А это люди простые, добрые, сердечные. Искренне верующие.

И атмосфера в доме какая-то особая объединяющая. Светлая.

Простое семейное застолье. Водку никто не пьет, а всем весело.

Телевизора нет (грех), а без него и лучше. Я понял, как люди коротали вечера веками, пока этот аццкий ящик не изобрели. Скучно не было совсем. Сколько оттенков полутонов, в движениях, взглядах, позах. Даже слова это роскошь. Шекспир был неправ – не весь мир театр, а каждый человек это театр. То актёр, то режиссёр, то осветитель или билетёр.

Вы конспектируете? Или думаете, я вечно тут бисер собрался метать?

Да и потом – нахуя мне сейчас телевизор, если можно украдкой посмотреть на Лилю.

Ощупывать под платьем каждый её контур. Брэнд нью. Хочется просто опуститься под стол, на колени перед Лилей, засунуть голову ей под юбку и умереть там. Вполне достойный конец жизненного пути.

Сердце то молотит, то вот-вот совсем остановится. Аневризма аорты. Блокада пучка Гиса. Вот и умирают старики – обожравшись виагры и вскарабкавшись на юную сучку.

Девочка никогда в жизни ни курила, ни пила, ни кололась и не еблась! Да неё дышать и то страшно. Какая сладкая!

Лиля, за тебя я теперь разобьюсь в лепёшку, вот посмотришь. Дай мне время, Лиля, я очень способный.

Пару раз она украдкой посматривает на меня, и тут же натывает на мой лучезарный похотливый взгляд. Он смущает, заставляет чаще дышать, и тянет взглянуть снова.

По любому контакт установлен. Похоже будет большая охота с кровью.

После ужина дядя Саша берет в руки гитару и бездарно, совершенно фальшиво поёт псалом:

*Почему Господь любил древнюю Вифанию?
Круг друзей там верных был, живших по Писанию.
Нужно всюду поступать по словам Евангельским
И стараться подражать жизни высшей, ангельской.
Будет наш Господь любить новую Вифанию,
Если каждый будет жить только по Писанию.
Христианский путь тернист, доля наша трудная,
Но грядущий день лучист, и надежда чудная!
О! Держитесь за Христа, жители Вифании!
Пусть кругом гремит гроза - будьте тверды в звании!*

Я всегда чувствую себя не в своей тарелке, когда кто-то совсем трезвый смотрит вам в глаза и вдруг без приглашения хватает гитарку и начинает петь – а ты сиди и слушай, как идиот, не знаете куда девать глаза и руки?

Но так как номер исполняется для меня исключительно, вынужден, умилившись опустить взгляд.

После особенно визгливого пассажа, в стиле позднего Хендрикса, дядя Саша показывает шрамы на голове и гордо повторяет, что нужен Господу на Земле, для какого-то дела. Может быть для того, чтобы привести к Господу побольше заблудших. Дядя Саша не имеет пока точных инструкций, но они, как говорят американцы уже in the mail.

Я терпеть не могу этого «ин да мэйл» – так всегда говорят работодатели, когда задерживают пэйчек – мол уже сбросили в ящик на почте – скоро придёт, не ссы.

«А тебя, зачем Господь на земле держит, ты думал?» Такого прямого вопроса, я признаться не ожидал, хотя сразу понял, что это

старый трюк евангелистов, типа «Готов ли ты прямо сейчас с Господом встретиться?» .

Не думал. Раз держит, думаю нада ему, а что?

Хорошо, что мне уже на работу пора. Беру в охапку Рафа и ключи от доджа.

На нем почему-то чикагские номера и надпись «Иллинойс – родина Линкольна».

Уже перед самым уходом ко мне подходит Лиля, и сунув мне в руки какой-то свёрток говорит: «Вы приходите пожалуйста чаще. Вы на братьев моих влияние хорошее оказываете. Молитесь стану за вас!» Убегает в ту же секунду.

О! Не сомневайся, приду обязательно. Я наверное вообще скоро к вам перееду. Влияние оказывать. Локально.

Открываю лилин сверток. Там несколько евангельских брошюр о вечной жизни и два огромных бутерброда. Эти бутерброды наполняют мое сердце теплом. Я представляю будто мы с Лилечкой моей уже много лет женаты, а она все так же нежно собирает меня на работу.

А я уже не уборщик, а снова в родной офисной среде просиживаю штаны у компа в своём кубике. Втыкаю в блог. А то и пишу в своём, мол воруют в России дураки и дороги.

Из этих нежно-розовых мечтаний меня грубо вырывает Раф.

- Давай на грейхаунд заедем?

- РАФ БЛЯТЬ! Совесть есть? Мне Лиля сказала я на тебя влияю хорошо, а я? К неграм повезу тебя опять? Раф, а тебя - мудака почему Господь до сих пор на земле терпит? Что ты делаешь кроме того что срешь, дровичь и куришь всякую дрянь? Надо подражать жизни высшей, ангельской !

- А что такое «падражать»?

- «Сору, imitate». Ты мне зубы не заговаривай.

Во мне кипит праведный гнев. Надо заняться воспитанием оболтуса. Ради Лили.

- Ладно, давай так – сегодня в последний раз, а завтра вместе бросаем и начинаем на собрания в церковь ходить! И ещё – завтра культпоход в кино, билеты на мне, ты должен увидеть вживую, как Христа мучили, может это тебя разбудит.

- В последний раз сегодня курнём, а? Ладна. И в церковь обязательно начнём ходить. В последний раз.. Тогда побольше надо взять! Сколько у тебя грошей осталось?

Со смятением в сердце качу на бас-стейшн.

А самого-то меня, друзья мои дорогие, за что Бог на земле-то терпит? А я сам что из себя представляю? Вот дядя Саша этот в совке под коммунистами работал на заводе, а сам потихоньку с другом печатал христианские листовки в заводской типографии. Как Олег Кошевой.

А машину - взял и дал мне машину, незнакомому человеку. Акт безвозмездной доброты. А я, гавно, его раскрутить хочу.

Уже кручу походу – по первичным оценкам проведенной евангелизации – Лиля, со всеми как говорится вытекающими, вполне рабочая машина, замечательный ужин ресторанного качества, бутерброды на ланч, этот тоже десятка минимум, книги для пополнения багажа знаний будущего пророка, и место куда всегда можно прийти. Это важно если вы одни в чужой стране без денег, стабильной работы и документов. Всегда можно прийти и пересидеть грозу.

Но самый главный результа, безусловно, Лиля! Приятное с полезным.

Какая чистая, светлая, простая, а я уже хуем готовлюсь во все это ткнуть. Мужики это животные. А бабы – вообще инопланетяне какие-то. Внеземная непонятная цивилизация.

Евангелизировать негров сегодня не стану, сам по уши во грехе. Посылаю Рафа с баблом на промысел, а сам сижу в «новом» минивэне, и все копаюсь в прошлом, чем бы я таким мог улыбнуть и порадовать Иисуса за всю свою жизнь.

И вдруг отчетливо вспоминается мне Москва, 1992 год, дом на Пятой Парковой улице. Я уже седьмую неделю нахожусь в безвылазном винт-марафоне. . Спать и есть удалось бросить почти напрочь. Мультивитамины и йогурт. Завтрак чемпионов. Попробуйте не поспать два дня – ум за разум начнет заходить. Состояние сильно стимулированной энергичной шизофрении.

Работа и костюм с галстуком потеряли смысл на вторую неделю гонки.

На третьей неделе понимаю, что покупать дозу потеряв работу накладно, и подбираю на Лубянке бездомного винтоварщика Трубача и его подружку Натаху.

Трубач один из самых одаренных винтоварщиков в Новогиреево. К нему, почти так же, как к Паркетчику, едут чуть ли не совсей

Москвы. Варить приходится двадцать четыре часа в сутки – благо винт бесплатный. У даровитых варщиков всегда короткая, но яркая жизнь. В лучшем случае они заканчивают в доме Кащенко, в худшем во дворце Склифосовского, на ступени которого их сбрасывают из медленно проезжающего мимо такси.

Родственники отказались от Трубача и его безбашенной подруги. Им не нравился траффик со всех уголков белокаменной, без разбора времени суток. Им не нравилось, что у Натахи, иногда под кожей заводились стеклистые паучки – и она пыталась эту кожу сорвать, забрызгивая стены кровью с винтом.

Живём теперь троём. Все пополам.

Правда Натаху делить со мной Трубач пока не хочет, но по её взгляду знаю – скоро уже. Уже скоро.

Совместное предприятие работает так:

Каждое утро я как на работу собираюсь и еду на Лубянку. Тусуюсь среди солутановых старушенций. Я ищу пионеров – тех у кого есть бабло на «Салют», но сварить добрый винт не могут.

Я менеджер Трубача. Организую его бенефисы.

По дороге на Пятую Парковую, пионеры покупают мне сок, йогурт или мульти витамины. Мой сегодняшний рацион. Есть не хочется совсем – но эту смесь можно в себя влить, и двигаться дальше.

Весь мир вокруг застыл и превратился в матрицу. Настолько медленным все становится под воздействием дешёвых синтетических стимуляторов домашнего разлива.

Есть в жизни только винт, Трубач и вожделенная Натаха с огромными изжелта-сиреневыми пятнами от «продувок» мимо вены, на внутренней стороне хрупких предплечий. Москва тогда набирает обороты в своей собственной гонке – первичного награбления капитала – везде какие-то казино, клубы, мерседесы и версачи – выбирай и будь светел и свят. Все по Адаму Смиту – новому Карлу Марксу – разбудите в людях алчность, пусть поставят себя и свой интерес во главу угла и каким-то чудом наступит всеобщее счастье и благоденствие.

Я не хочу выбирать мерседесы или адама смита.

Я уже выбрал – винт. Он даёт фору любому казино и версаче. Новое поколение выбирает винт. Поэтому это последнее поколение – его дни сочтены.

В тот день хочется чего-то особенного. Винт стимулирует творческий процесс.

Трубач – варщик от бога, вечно в поиске и экспериментах. Он делает нежный вкусный винт почти без побочных.

Я учусь у него каждый день, как ученик Парацельса. Я тоже стану великим варщиком.

По легенде винтоманов великих варщиков будет семь. И последний сварит винт который уже никогда не отпустит. Народу не придётся искать жилу и догоняться. Приход будет бесконечен, как космос. Я подозреваю, что Седьмой Варщик это я. А Трубач это путь к истинному рецепту.

Трубач велик. Иногда вместо воды он гасит винт жидкой аскорбиновой кислотой – получается энергичный винт зверь. Иногда бухает жидкого витамина «А» – винт выходит горячим, эротичным. По его словам пользоваться аптечными весами для подготовки компонентов – запахло. Искусство нельзя измерить. Я с ним согласен. Леонардо не в счёт – он почти породнил правое и левое полушария тем, что любил математику и живопись одновременно.

Итак, стандартное количество винта с бутылки Салюта – ровно семь кубометров. Столько же сколько Великих Варщиков. Здесь тайна. Загадочная семёрка – освящает винт.

В тот день я прошу Трубача сделать не семь, а три куба – нас ведь трое. Дабл. Загасить готовый продукт меньшим количеством воды. Может это поможет нам постичь истину, встряхнуть московский винторынок, и на вырученные деньги построить самую большую в Восточной Европе лабораторию. Станет заниматься только наукой и к черту коммерцию.

Трубач всегда открыт к экспериментам. Поэтому все его тело покрыто маленькими язвочками и струпьями – количество винта в крови достаточное чтобы сутки продержаться в воздухе эскадрилью дальних бомбардировщиков.

«Только Натаху первую вмажем», просит он .

Если нам с Трубачом нужно всего пара минут, чтобы увидеть в шприце контроль, то Натаха может мазохистки копаться в своих полусожженных жилках полчаса – баба. Их бог не для вмазки внутренней создавал, а для ебли. Дизайн у них такой.

Обычно Трубач и Натаха вмазавшись, ещё на приходе всегда бегут ебаться в мою ванну, а я остаюсь в комнате один. Чтобы не слышать Натахиных криков, и не драть, я одеваю наушники и прихожусь под мрачный Блэк Сэббат.

My name it means nothing

my fortune is less
My future is shrouded in dark wilderness
Sunshine is far away, clouds linger on
Everything I possessed - Now they are gone

The world is a lonely place - you're on your own
Guess I will go home - sit down and moan.
Crying and thinking is all that I do
Memories I have remind me of you

Так же и в тот день – у меня все наготове и машинка с новым сверхвинтом, и плеер, и лежанка для прихода. Жду с нетерпением пока он вмажет несчастную Натаху. Даже приплясываю на месте – любой адепт наркотиков группы стимуляторов меня хорошо поймёт.

Процедура затягивается настолько, что меня от нетерпения начинает бить крупная дрожь.

Я снова хочу почувствовать как винт искрится у меня в жилах. И эта флейта Сэбата в переходах между куплетами!

Не выдерживаю и луплю без благословения Трубача этот куб с такой скоростью и ветерком, что сгибается поршень старой затёртой одноразовой инсулинки Луер. Я вижу как в моё тело входят последние капли.

ААХ! Вот это ааааа! Приход! АААА! Он нарастает как снежная лавина.

Когда хорошо становится так, что просто невыносимо -на меня со всего размаха падает бетонная плита. Сэббат тут же гаснет в наушниках, и наступает тишина. Сердце секунду назад лупившее как спортивный движок с форсажем, резко останавливается. Останавливается и весь мир вокруг.

Космическая тишина и чернота. Вакуум полный. Бесконечность. Мрак. Открываю глаза - такая же темнота и звенящая пустота. Покой. Похоже, глаза и уши мне больше не нужны – видеть и слышать в моем новом мире абсолютно нечего.

Где –то вверху чёрной пустоты вдруг появляется яркая звезда. Я спокойно фиксирую эту перемену.

Звезда ослепительна на фоне чёрной тьмы. Звезда становится ближе, и я замечаю, что это вход в тоннель яркого белого света. Белого как молочный туман. Туман ярко светится.

То что осталось от меня – какой-то лёгкий пузырьёк воздуха, вдруг поднимается со дна темноты и раскачиваясь, медленно начинает всплывать к свету.

Как будто со дна аквариума вверх всплывают пузырьки. Все ближе к свету. Вверх. Только вверх. Медленно и грациозно.

И я почему-то уже знаю – нет сильнее в мире и вселенной счастья, как слиться с этим светом. Свет и есть ответ на главный вопрос. Свет и есть истина. Свет и есть я. И плыву к нему. Я хочу и люблю этот Свет. Я оказываюсь там живу. Видимо Седьмой Варщик – это и есть Трубач. Жаль не успею никому сообщить. Но на них на всех мне уже плевать. Через несколько секунд я войду в Царство.

Когда до Света так близко, что можно дотянуться рукой, на меня с размаху опять падает та самая многотонная бетонная плита, и я резко открываю глаза в своей квартирке на Щёлковской. Надо мной совершенно охуелые лица Трубача и Натахи.

«Тебе ещё не время» - вот единственная мысль прожигающая мозг. «Тебе ещё не время». «Не сейчас».

Вторая мысль это немедленно остановить Натаху и предотвратить золотой укол. Но изо рта моего вырывается только тихое бульканье.

Хотя они, похоже, и так все поняли.

А мне хочется вернуться в Свет. Там было так ... покойно и хорошо..

Почему я вдруг сейчас это вспомнил?

Слова эти - «Тебе ещё не время». Неужели и мне жизнь сохранена была тогда с целью? У жизни есть цель?! А я тогда чуть не умер?

Или просто глюки от передоза? Глюки или нет – но я теперь знаю точно – смерти нет в природе, а поэтому бояться нам с вами, драгоценные мои, нечего!

Плохо, что я опять на стимуляторы присел.

Знаю ведь прекрасно чем все кончится, и опять в эту хуйню лезу. А тут ведь не Москва. Сдохну под забором и исчезну. Винт, спид, средство от похудания Джени Кранк. Средство от жизни.

Меня и так юридически в этой стране не существует. Никто не заметит, что я сдох. Спид негров, которым торгуют они в центре города, доведёт дело до конца. Рафу ведь двадцать лет только. А мне

долбоебу? И все в игры эти играю, до сих пор играю. Вроде бы вся жизнь еще впереди. А вот хуй – уже половина-то прожита. Надеюсь не лучшая половина.

А Раф этот где? Может, приняли менты? Что я дяде Саше тогда врать буду?

И холодно-то как на улице. Холодно. Печку что-ль включить?

Почему в этой Америке всегда так холодно?

«Пелевинский боян бояныч»

Как и было договорено я волоку Рафа на Мела Гибсона – пробудить в нем веру через жалость.

Похоже не срабатывает. Раф умудряется всю дорогу лупить попкорн и пялиться на девок. Еще и меня отвлекает – локтем все ребра искалечил.

Мы выходим из кинотеатра. Скоро стемнеет. У меня остается два часа до работы. Хватит чтоб заехать на ужин в гостеприимный дом Рафа. Поглазеть на Лилю – и двинуть на работу в магазин.

В кармане вдруг нервно дергается мобила:

- Уер?

- На работу не выходи сегодня, уер.

Звонит Володя, мой босс, бывший налоговый мент из Тернопыля.

- Ура !! А почему?

- Вчера иммигрейшн четверых мексов приняла в Брукпарке. Есть информация, что сегодня будут шерстить магазины в твоём районе.

Деловой, блять. Информация у него видите ли есть. Наверно напрямую из департамент оф хоумлэнд секюрити.

-Ты не выходи сегодня на всякий случай сам, и бабе Славке позвони, пусть тоже дома сидит.

-Ну окей, спасибо за заботу, отец родной.

Звоню бабе Славке.

Бабу Славку необходимо внести во все учебники по выживанию.

В 1996 году она купила путевку в Акопулько и перешла мексо-пендоскую границу в штате Аризона. Когда ее останавливают менты за превышение скорости, она показывает им профсоюзный билет и говорит :

«Вот юкрайн интернэшл лайсенс –разумиешь?»

Ее аргументы настолько весомы, что менты .

Еще она знает два ходовых английских оборота - «С кузни»(excuse me) и «На сале» (For Sale).

Сразу по приезду она работала на грязном химвыроизводстве – туда даже мексы с монголами не идут, заболела раком.

Три с половиной года лечилась химтерапией, радиацией и еще какой хренью. Теперь она совершенно лысая и кокетливо носит некое подобие головного убора, сильно смахивающего на чалму Айятоллы Хомейни.

Она должна за все медицинские процедуры что-то около ста шестидесяти тысяч баксов, и у пендосов хватает упрямыства высылать ей счет вначале каждого месяца.

«Зроблю ишо трохи грошей – и тикати отседа» - мечтает она.

Я не думаю, что она добровольно уедет. Как говорит мой друг – на лицо синдром Бенджамина, зараза которая передается человеку через стадолларовые банкноты. Главный симптом – у вас в глазах начинают появляться долларовые значки \$.

Итак в активе – неожиданный выходной , да еще и какой день – Хеллоуин – День всех долбанных святых, мать твою, ублюдак!

Поужинав можно куда-нибудь рвануть с Рафом, только не долбанный грейхаунд. Хватит спидить. Хватит. Хочется экзотики. Кроме того надо все же расширить горизонты мироздания для Рафа.

- Ну что Рафик, ты уже связями оброс на новом месте? Грибочков найти сможешь?

- Грибочков?

- Шрумз, Рафа, МАА- шрумз. Грибы. И место где можно трипануть без запала.

- Поедем к Никки, она и торгует и кушает их сама. Я у ней шалу брал. Добрая шала. У ней в доме останемся – там всегда кто-нибудь прибывает.

- И че пачем?

- Унция – тридцатник

- Ну к Никки, так к Никки..

Возьму две унции. Унция – это нормально должно быть на такого верзилу как Раф. Пусть прочувствует по первому разу. И поближе познакомится со Вселенной.

Мы жрем грибы из зиплоков запивая севнапом из галлоновой бутылки. Грибы вкусные. Но это не главное их качество. Теперь надо гнать по адресу, который дала Никки – опухнуть на ночь.

Адрес где-то в Лейквуде – 25 минут езды от сюда. «Как раз доедим и вставит»- рассчитываю я.

Однако вставляться начинает раньше.

Я схожу с хайвея и останавливаюсь на светофоре. Блять, какой же красивый светофор. Он светит мне добрым красным светом. У света нет дна. Мне хочется в нем раствориться без остатка. Все обламывает Рафа – «зеленый же» -пихает меня в бок. Сука, ща покажу как нетепличные русские ездят –ваще хуй на светофорах не буду останавливаться.

Парковка занимает минут десять – машина стала какой-то длинной и совершенно плоской. Раф сожрал всю свою унцию. Я не рискнул и сейчас прячу под сидение остатки грибов, бумажник и мобилу – хуй его знает что там за друзья у Никки. Может уголовники какие. Хотя это должно быть интересное сочетание: уголовники- грибоеды.

На улице, на воздухе вроде совсем трезвею. Но это обманчиво.

А эта Никки – ничо так себе, ноги только коротковаты, ну дак и я не Сабонис.

Сажусь на кресло в углу и тут приятная часть вечера сразу же и кончается. Моментально.

Сначала ковер под ногами превращается в извилистый, покрытый сосудами студенистый человеческий мозг. Я пытаюсь обратить внимание всех находящихся в комнате – человек пять, в основном студенты муниципально колледжа, ведущие светскую беседу, что мы ходим по чьим то мозгам. Вместо этого из сушнякового горла вырывается какой-то шелест. Английский я забыл напрочь. Понимаю малость. Но чтоб сказать хоть слово..

-You gonna be fine, Russky. Take it easy. Easy.

Сильный Раф под руки выводит меня в другую комнату, а сам возвращается в зал, где по кругу уже путешествует изящная прозрачная трубка разноцветного стекла. «Шабят шалу» - меняя оттенки тембра в стереоэффекте тысячу раз произносит в ушах голос Рафа.

Потом его голос трансформируется в другой, похожий на голос «отсоветскогоинформбюро» Левитана.

- Давненько ждем тебя – голос говорит на чистейшем русском языке.

- Ой, кто это?

- Я майор вербовочного центра Вселенского Здравого Смысла. Ты нам нужен. Пришло время рассчитаться за долги.

- Fuck you!

Бегу в ванну и долго умываюсь холодной водой. Хотя внутри с ужасом понимаю – грибы этим не остановить. И Левитан тоже – будто читает мои мысли:

Можешь еще побриться, все равно не поможет. Ты нам нужен. Ты – наш агент. Пришло то самое время. Полнота време исполнилась. Пора, друг мой!

- Кому вам? Какая полнота? Что пора-а?

- Мы единственная разумная во вселенной цивилизация. Мы те кого вы называете грибами, и до сих пор не можете классифицировать – растения мы или животные.

- А люди?

- Мы создали людей с целью извлечения вакцины от грибного гриппа.

Наши агенты уже заканчивают свою миссию на Земле. Нам нужна твоя помощь.

Неужели я сошел с ума? Страх охватывает меня ледяной волной. Где-то в глубине я знаю, что это грибы долбят мой несчастный мозг, но раньше таких «информбюро» не было.

Ходу из этой комнаты, к людям!

На ватных ногах выхожу в другую комнату. Раф положил голову на стол и спит. Я трясу его, но его не разбудить. Мертв! В ужасе понимаю я. Ебаный в рот – теперь еще и мокруху повесят менты. Отравил пацана!

Быстрее на улицу. На воздух. Господи, спаси и сохрани, защити Господи!

А там – блядский хеллоуин – со всех домов светят глазами жуткие тыквы. Полная луна освещает толпу ряженных мертвецов. Они кругом. Они выстраиваются вокруг меня в жуткий хоровод.

Наверное я останусь психом на всю жизнь. Обычно от грибов было весело и светло. Что же это?

- Далеко убежал? - спокойный голос майора возвращает меня в действительность. Нет – действительность это вон та толпа мертвецов под Луной. Блять. Совсем запутался. Иду в хату Никки.

Там черная подружка Никки, толстая как диван Мэри Лу говорит мне почему-то голосом Рафа : «Yoou goonna beee fine, Russkyiiii»

- Мы дадим тебе вечную жизнь. Все о чем может мечтать ограниченный материализмом человеческий мозг. Ты станешь равноправным грибом. За маленькую услугу. А теперь посмотри на свои новые возможности:

Я оказываюсь в космосе и смотрю на землю со стороны Луны.

- Только подумай где тебе хочется очутиться – и ты уже там.

Мне ничего путного не идет в голову. А можно во дворец Муамара Кадафи?

- Конечно. Только имей в виду разницу в часовых поясах – он наверное уже спит.

На экране гиганского телевизора черно-белые кадры классики советского порна – «Приезд товарища Луиза Корвалана в город-герой Москву».

ДВД-плейер настроен так, что все время проигрывается одна и та же сцена – У трапа Корвалана встречает Леонид Ильич Брежнев и долго, сочно, со вкусом целует его в губы.

В момент поцелуя полковник Кадафи со стоном втягивает в рот блестящий, словно из китайского кожзаменителя, черный хуй бедуинского верблюда драмодера, приструненного тут же, к телевизору.

- А к Путину можешь?

- Эк куда махнул, друг. Да его штоп увидеть самому надо грибом стать. Это особа приближенная к Верховному Грибу. Подписал контракт с нами еще когда в КГБ ему пришлось штудировать работу «Ленин и грибник».

- Путин гриб?

-Гриб

- А Обама ?

-Конечно же - гриб

-А Гитлер – гриб?

- И Гитлер гриб. Все люди чье имя всем известно – грибы. Кроме Каддафи. Он не подписывает контракт, потому что в Ливии нет грибов. Только гавно импортное.

Сегодня время и тебе принять решение. Сделай шаг в вечность.

- А как я бап ебать буду если я гриб?

- А как нехуй делать.

Только он это сказал – дверь открывается и в комнату входит Никки.

Она садится на край моей кровати и смотрит мне в лицо.

- Oh, Nicky..- она закрывает ладонью мой рот и начинает разбираться с ремнем моих джинсов.

Вот она нашла то что искала и нежно обвалакивает мой хуй губами Анжелины Джоли. Ох как беспокоен ее упругий язычок – у меня сейчас сердце из груди выпрыгнет. Вот и подкатил тот момент, знакомый каждому, когда ты на на все 100 уверен – ща каак брызнет, в это сладосный момент Никки смотрит на меня и говорит голосом Юлии Тимошенко – будем подписывать?

После этого она выскакивает из комнаты.

Блять. Натягиваю штаны на ходу и стремглав за ней – но ее нигде нет.

В комнате только мертвый Раф и люди в одежде бременских музыкантов.

-Никки! Где Никки?! - воплю я что есть сил

- У ней бэд трип – ей кажется, что она в рот брала у незнакомого парня. Иностранца паходу. –объясняет мне Мэри Лу

- No wonder she was gulpin' them, goddam 'shrooms like fuckin' porcorn- вдруг совершенно трезвым голосом говорит Раф.

«Кажется, скоро отходняк»- добавляет он.

Действительно – вроде не глючит больше. Леватые грибы у этой Никки.

Мы садимся смотреть мувиченел, и в каждом фильме я слышу призыв вербовщиков.

Я уже никогда не буду тем кем был до этих грибов. Слишком много знаю. Они покончат со мной при первой возможности.

Я решаю подписать контракт. Это просто - нужно дойти до машины и захуярить остатки грибов – и без севнапа проконают. Потом я получу подробные инструкции и задание.

Перерыл все. Нашел мобилу и бумажник. Грибов нет. Черт!
Думаю спиздил Раф. Пока Никки отвлекала и брала у меня в рот.
Ну и хрен с ним – кажется самой лучший в жизни кайф, это когда ты абсолютно трезв.

Сколько же можно страдать всякой хренью? Грибом заделаться или стать нормальным человеком – с женой и детьми. С Лилей!

Сегодня или никогда. Я иду в церковь. У меня нет просто другого выхода.

Попав в их святую среду, я соскочу с метамфетамина, он ведь так не ломает как гера.

Тут важно отвлечься и найти новый интерес, чтоб жизнь скучной не казалась и все, и спрыгнешь. Зависимость на девяносто процентов психологическая. В первый раз что ли? Главное чтоб в последний. Стар уже для наркоэкспериментов.

Потом опять же Лиля – с «мирским грешником» она не то, что знаться не захочет – родители не позволят.

А она мне понравилась - Лиля. Лили. Лилия.

Тут ведь и очарование её невинной юности и моя твёрдая уверенность, что «там» у меня стопроцентный шанс. Это всегда окрыляет.

Добычу даже не надо загонять, она уже в лапах, подраненная. Обвязываюсь крахмальной салфеткой.

Опять же схемка моя лёгкого обогащения на доверии. Хотя не думаю, что так легко все пойдет как у Шрилы Прапхупады. Тут наскоком не возьмёшь.

Псалом то он пел, конечно, бездарно, гнусаво, но глаза у этого дяди Саша, как у Гарри Каспарова. Холодные и умные. Слышали выражение – глаза-буравчики, это вот они самые и есть.

Схватка ещё впереди. Я её предчувствую.

Тащу с собой мычащего и упирающегося Рафа, одному такое не под силу. Он планировал покаяние не раньше светлого дня Пасхи. У меня нет времени ждать до Пасхи. Обещаю ему режим наибольшего благоприятствования на магазине ночью, лишь бы пошёл со мной в эту церковь.

Одному страшно до жути. Я всегда теряю уверенность при большом скоплении незнакомых людей.

В дороге Раф проводит инструктаж.

- Ты только на сестёр там не пялься!

- На твоих сестёр?

- Все женщины там – называются сестры, а мужчины – братья.

Раф поражён моей темнотой.

Это обычное для Америки здание протестантской церкви, напоминающее изнутри клуб в каком-нибудь райцентре. Таких церквей в штатах миллионы. Где то слышал такую фразу – В Техасе больше церквей, чем бензоколонок. Хотя думаю когда там губернатором был маленький Буш, в Техасе больше было тюрем.

Кстати, большинство физиономий в церкви дяди Саши – тоже соответствуют клубу в райцентре, как будто кастинг проводил сам Эльдар Рязанов.

На всех мужиках – костюмы вышедшего из моды покроя и ни одного галстука. Человек в костюме без галстука, ещё и в рубашке, пошитой в расчёте на галстук, выглядит также нелепо, как человек в начищенных туфлях на босу ногу.

Бабы – все как одна в длинных до пола юбках и цветастых косынках. Гармошки не хватает. «Парней так много холостых на улицах Саратова...»

Сидят по отдельности справа от центрального прохода – мужики; слева, глазами в землю, бабье и дети. Детей просто безумное количество. Они везде кишат.

Ладно, не буду пока на них на всех глазеть, обещал же Рафу, побьют ещё за своих сестёр. Да и не разглядеть там ничего под косынками-то.

Заметно, что все приодеты, как на праздник. Я сделал глупость, одевши то, что на работу одеваю. Была же мысль одеться попримечнее. Хотя может и к лучшему – сейчас я одет как грешник, но вот раскаюсь и тут же в костюмчик влезу.

(Мне? Воевать? В одnobортном? Вся Европа воюет в двубортном, а мне в одnobортном? – вспомнился бургомистр из Мюнхгаузена).

Манера одеваться у большинства янков – мрак. Какой тут нахуй одnobортный. Кажется люди специально проводят время ползая по помойкам в поисках наиболее замеренной шмотки. И это учитывая,

что страна затоварена прекрасным доступным даже неграм шмотьём.

Я тоже хорохорился первые полгода, одевался как дома, исключительно в двубортном! А потом – ну блин, вышел из дома – в машину, с машины прыг – на работе, с работы - пива и спать.

Из авто прачечной футболы с джинсой выскреб - и на себя.

Поэтому и видон у всех жёванный – авто прачечные и ноу утюг. Фак утюг.

Иногда в магазинах, можно встретить небритых людей в мятых пижамах, покупающих овсянку.

Моё будущее. Всегда думая об этом вспоминаю Россию – люди начинают собираться за час до выхода на улицу. Тщательно подбирают туалет. Гладят.

Это элемент культуры? Или может быть, если бы у каждого в России была своя машина, а на каждом этаже по дешёвой авто прачечной с бесплатной сушкой, Раша бы выглядела точно так же?

Сейчас на мне застиранная, с торчащими нитками футбола, с надписью на спине – «Те мои друзья, что не крякнули от передоза, давно сидят в тюрьме..»

В ухе маленькая бриллиантовая звёздочка. Её я хотел снять перед церковью, но дыра в мочке выглядела ещё хуже.

Когда я приехал в штаты сразу проколол себе ухо и сделал огромную портачку на левом плече. Во-первых, давно хотел, а во вторых не был уверен, что не выдворят из Америки в двадцать четыре, не дав собрать сувениры. Эти «сувениры» со мной теперь навечно. Так, с ними и в гроб положат.

Видно, что наряд мой «верующих» глубоко шокирует, но не подают, падла, вида. Наклеено улыбаются. Иезуиты ебаные.

Пастор с трибуны на сцене призывает божье благословение на дальнейший ход служения, и вся церковь рухает на колени.

На коленях стоять довольно не удобно, а молитва длится минут десять. Наконец плавный переход в аминь.

«Ну, теперь, наконец, сядем». Какой там - теперь все вытянули перед собой руки со сборниками псалмов.

Некоторые называются «Песнь Возрождения», иные «Псалмоспевы» или просто «Гусли».

У меня гуслей нет, так что стою, осматриваюсь потихоньку. Какие у всех серьёзные, скорбные лица, даже у детей!

Будто хороним кого. Я думал, общение с Богом проходит куда веселей. Ведь это счастье то должно быть какое – соприкоснуться с Высшим. Что же они все тут в предобморочном состоянии?

Тут мне кто-то услужливо «Гусли» сует по самый нос, «Пой, пой, сударик!». Пою, а что зробишь? Чувствую себя редкостным кретинном при этом.

Назвался груздем - полезай в кузов. Грузди тоже грибы! Какое страшное совпадение – я вспоминаю вчерашний кошмарный трип во дворец Кадаафи.

Против Церкви воздвигнут вал, она - крепость в кольце блокады
Сколько раз сатана бросал к её стенам все силы ада.
Кто сказал – побеждать легко. Будто все нам даётся даром.
Сколько братьев-борцов легло и сестёр молодых и старых
От Пилата до наших дней Штаб Дьявола ставит козни
Их задача – разбить скорей всех борцов за твердыню Божью.

Вот такой вот бодрый псаломчик. Юбер Аллес.

Обратите внимание на лексику псалма - людей практикующих веру в основе которой замученный не сопротивляющийся насилию Агнец – и вдруг: «вал», «крепость», «блокада», «борцы», «штаб дьявола», «разбить».

Какая патетика у последователей Того, кто сказал:

Заповедь Новую даю вам – возлюбите друг друга, как Я вас любил – так и вы возлюбите. И никогда, слышите, никогда не делайте ближним того, чего вам бы самим не хотелось пережить. По-моему в этих трёх строках и есть вся суть христианства.

Вот только чтоб постичь их иной раз и жизни всей не хватит...

Знаете, чтобы успешно управлять толпой, или государствишкой каким вроде Узбекистана, всегда нужен образ общего врага, чтоб объединяться под знамёнами на борьбу.

Все равно при чем под какими – зелёными, красными, синими – воздвигнуть, блять, главное, вал! Врагом могут быть – русские, евреи, цыгане, хохлы, черт, дьявол, какая разница! Главное выделить образ врага и эту борьбу возглавить.

В СШП – именно в СШП, не путать с США, этот враг называется международный терроризм. Так что готовьтесь снять носки на шмоне в аэропорту. Надо для общей борьбы. Мы живём в трудное время, сэр! Наши выкормыши-исламисты обернулись вдруг против нас!

За этим же у вас будут отслеживать все ваши международные звонки и электронную почту. В подъезде моего дома висит камера-шпион. Кто-то знает, во сколько я пришёл и ушёл. Такая же камера висит на перекрёстке у дома. Кто-то знает, куда я поехал...

Некоторые корпорации типа Дженерал Моторз, выдают сотрудникам смарт-карту. Это и пропуск на территорию, а также сюда начисляется ваша зарплата, и вы обязаны этой картой везде рассчитываться.

Таким образом, ваш босс знает, когда вы пришли на работу, когда ушли, где живете, какое ТВ смотрите, какие продукты покупаете и в каких магазинах, на каких заправках заливаете бензин, где бухаете в выходные, где лечите триппер и какой маркой туалетной бумаги вытираете жопу. Вы не имеете права покупать машину не марки GM, кстати. Это просто не этично.

Вот светлое будущее человечества – электронная демократия. И если в скорости этот передовой опыт не станет перенимать Россия, можете плюнуть мне в морду. Кажется, русский Дженерал Моторз называется Газпром. Да же похуй как он у вас там называется – определённые силы заставляют вас и других копировать эти корпоративные разработки. Это происходит на глобальном уровне. Или уже почти произошло.

Я думаю обо всем этом, чтобы отвлечься от бреда, который несёт с трибуны пожилой проповедник, похожий на Никиту Сергеевича Хрущёва.

Из его спотыкающейся проповеди, приправленной горбачёвской манерой шалить с удареньями в словах, ясно становится одно: весь мир отвернулся от Бога Живага и погряз во грехе.

Грядёт страшная месть божья за такой вопиющий разврат. Женщины украшают себя плетением волос и золотом и спят с женщинами, мужчины отращивают женский волос и долбятся под хвост.

Скоро всему этому придёт конец. Зачистку господь начнёт, скорее всего, с Америки. Тут все летом ходят в коротких шортах и смотрят МТВ. Это невыносимо для Творца.

Но и другим грешникам в мире по любому конец.

Немногие окажутся в числе спасённых. Скорее всего, в основном это те человек восемьдесят-девяносто, которые сейчас этой проповеди благоговейно внимают. Может быть, если повезёт, ещё и члены их богобоязненных семей.

Насчёт разврата в Америке, тут Хрущёв погорячился. Увы, до Европы как до луны.

Когда у широкоплечей ебонашки Джанет Джексон во время трансляции суперкубка по американскому зуболомному футболу, вдруг упала бретелька платья, и сверкнула её изжёванная сиська, вся страна(!) почти месяц на полном серьёзе предавала её такой анафеме, какой бы позавидовал злой гений Осама бин Ладен. Даже обогатили английский оборотом Wardrobe Malfunction это что-то типа: «Вышел из строя предмет туалета».

После проповеди мы молились, прося Господа, открыть, наконец, всему миру глаза на истину и привести его в лоно христианской церкви пятидесятников-евангелистов. Иного выхода у мира нет.

Потом снова пели псалом, а на трибуну чинно вышел отец Рафа, дядя Саша.

Его проповедь была более креативна, чем проповедь Никиты Сергеевича, но все равно чувствовалось отсутствие формального образования.

Коммунисты зажимали пятидесятников, бойкотировали в школах их детей, не давали поступать в институт или хотя бы техникум. Сделали из них героев – мучеников.

За это большинству из них в Америке дали Восьмую иммиграционную программу – бесплатное жилье, медобслуживание и скидка на коммунальные услуги. Борцы с коммунизмом, блять, как же.

Дядя Саша и академик Сахаров. Липовый Н.С. Хрущёв и Валерия Новодворская.

Даже сейчас Русская Православная Церковь в России пытается перекрыть пятидесятникам кислород. А зачем? Это же им прямой PR.

В городе, где я живу русскоязычных верующих от силы тысячи две. На них шесть(!) церквей пятидесятников, яростно под столом грызущихся друг с другом.

Оставьте их в покое. Как пауков в банке. Про них ещё апостол Павел сказал

«Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях.

Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры.

Я понимаю то, что у вас говорят: "я Павлов "; "я Аполлосов "; "я Кифин "; "а я Христов ".

Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?»

А толку? До сих пор столько этих течений и конфессий, каждая из которых приватизировала права на истину, что и Христа самого давно уже не видно.

Из проповеди дяди Саши открываю для себя много нового.

Он клеймит всех отступников от движения пятидесятницы в таких красках, что не снились и Стивену Кингу. Любой, кто критикует движение и его лидеров – идёт против Бога. Потому что лидеров выбирают не случайно.

У Бога нет случайностей. И то, что вы сегодня здесь, в этом зале тоже не случайность. Это все устроил Господь.

Мне кажется, что последняя фраза обращена в лоб мне и Рафу, и я ёрзаю на стуле.

Если же между вами и Богом стоят ваши близкие, родители или, наоборот, дети, загораживают от вас спасение, вы должны пожертвовать и ими. Родные могут стать инструментом дьявола, который не хочет допустить вашего общения с Иисусом.

Ибо что толку, если ты покорил весь мир, а своей душе навредил?

Братья – пресвитера есть крещённые Духом святым. Их наставляет через Дух сам Господь. Обмануть их невозможно. Так что трепещите, задумавшие недоброе и идущие на поводу у лукавого.

Защиту душе может дать только крещение духом святым, больше ничего. А тех, кто находится не под защитой, на территории врага, ждут болезни, несчастные случаи, внезапная смерть, их дети рождаются с ужасными физическими уродствами.

Детские угрозы Никиты Хрущёва это просто шутка в сравнении с кошмарами, который пророчит дядя Саша.

Теперь я абсолютно уверен, что он говорит именно обо мне и хочу только одного, вылететь из этой церкви как пуля, и никогда сюда не возвращаться. Боковым зрением замечаю у Рафа точно такую же реакцию.

Неужели это просто ораторский приём? Ай да дядя Саша! Вот тебе и газо-электросварщик с восьмью швами на башке! Дэйл Карнеги с его выходками отдыхает.

Мне надо бы на эту трибуну! С моими начатками высшего образования, некоторой начитанностью я буду рулить. От моих проповедей зал придёт в иступление и неистовство, как от речи доктора Геббельса.

Главное самому на эту мякину не купиться.

Потом опять все по порядку – молитва, псалом и проповедь. На этот раз на трибуну выплывает один из пресвитеров церкви – брат Степан.

Он поводит итоги сказанному Хрущёвым и дядей Сашей. Подчеркивает жизненную важность крещения Святым духом. Под занавес оглядывает зал и заявляет:

- Братья и сестры! Утром мне было откровение от Господа!

«Сегодня у тебя в церкви будет несколько людей в грязной одежде» - Ну, мы-то с вами понимаем, что речь идёт об одежде духовной.

«Убелю их одежду, сделаю белой, как снег и надежду дам!»

Братья и сестры! Друзья мои дорогие! Господь есть отец наш!! А кто станет стесняться родителей своих? У кого болит душа, не робейте, выходите вперёд, церковь будет за вас молиться, Господь услышит эту мольбу и исцелит вас!

А тем, у кого всю волю враг забрал и держит под своей пятой, поднимите хотя бы руку, сделайте этот шаг к Господу, и он поможет вам войти в вечность!

Мне кажется, что в церкви не осталось ни одного человека.

Только я и голос брата Степана. «Поднимите хотя бы руку!»- призывает он, и вот моя рука, совершенно независимо от всего остального тела вдруг вырывается вверх.

У меня! У меня болит душа! Помогите мне! Исцелите меня!

Церковь начинает молиться.

Молитва у пятидесятников это и есть их основное отличие от других евангельских конфессий, это точно не для слабонервных, поверьте.

Молятся они все одновременно в голос, часто входя в экстаз и переходя на крик, особенно женщины, которые буквально воют.

Меня охватывает какое-то адреналиновое волнение, хотя я молчу, просто стою на коленях закрыв глаза.

Когда хор голосов достигает апогея, все вдруг смолкает, и наступает пауза звонкой тишины. Эта пауза напрягает, как струна, вроде тех, что рок музыканты делают иногда на концертах, чтобы довести толпу до полного сумасшествия. В тишине стальной голос брата Степана произносит:

- О Аргибиде Штайне!

Ему вторит вой женщин.

- О Аргибиде Глайне!

Аллилуйя! Аллилуйя!

И тут все срываются.

«Амино Варе Лобере Глобере Миноваре» - частит пулемётом дядя Саша.

«Пара-беде-биде-клипед!» - подгоняет Хрущёв.

«Рас тарагаст тараберигеригест!» - отстреливается кто-то прямо у меня над ухом.

Пока это все не сливается в обвал психоделической какофонии.

И вдруг в эту самую секунду я и вижу Его.

Свет. Нежный молочно-белый лучезарный Свет.

Тот самый Свет, который я видел передознувшись винтом на Щелчке. Тот самый Свет, про который сказал Иоанн

Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, проходящего в мир.

В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал.

Тот самый Свет, увидеть который предстоит когда-то всем нам.

И такое же ощущение безграничного счастья и рая. Свет, который ПРОСВЕЩАЕТ – это именно то слово - резко наполнив и очистив и освятив.

«Исповедь»

Эмигрантов я делю на три категории: «колбасники» - те, кому для счастья необходимо много разных сортов колбасы и мягкие подгузники, удобно встроенные в кожаное сиденье машины;

«политики» - те, кому не обломилось у кормушки дома, и теперь они какают в твиттере и играют в шахматы,

и «перекати-поле» - путешественники-разъебай, которые Америку-то для всех и открыли.

Кроме того сама эмиграция делится на три стадии.

Сначала просто от всего тащишься; потом вдруг понимаешь, что ты сам американец, и сам есть часть этой страны.

Начинаешь говорить не «они», а «мы» и всячески отстаивать американскую точку зрения в любых, спорах.

А потом приходит третья стадия постижения – и ты окончательно догоняешь, что хотя и внешне, и материально ты выглядишь как настоящий американец, но полностью им никогда в жизни не станешь.

Тюрьма надолго останется одним из самых главных опытов в моей жизни – отсюда большинство примеров и аллегорий:

Люди в тюрьме знают как воняет друг у друга гавно. Дальняк прямо здесь, в камере, за занавесью. Поэтому когда кто-то срет, а в большой семье срет кто-то почти всегда - благоухает на всю камеру. Люди жгут газету, палят махру – но каждый осознает – кто-то срет рядом, а тебе нужно этим дышать и жить дальше.

Запах гавна в камере у всех совершенно одинаковый. Жрут почти одно и то же, и в одно и то же время. А вот когда в камеру подсаживают «свеженького» - так он срет так вонюче, хоть святых выноси. Про

них говорят: «Высырает вольнячьи пирожки». Не ничено хуже чем когда вас против собственной воли сажают в закрытое помещенье, где кто-то только что посрал.

Так вот сру я уже давно как все янки, температуру воздуха на глаз прикидываю по фаренгейту, превышаю скорость в милях в час, и жру колбасу фунтами, но этим моя «натурализация» похоже и ограничивается.

Недоамериканец, полурусский, который любит зеленый чаек после плова из баранины.

Чем дальше от центра города – тем богаче, дороже и белее район. Интереснее выглядят дома. Даже трава ярче зеленеет на газонах.

Это неправда, что в США общество с равными возможностями. В этом красивом районе, и в том районе, ближе к даунтауну, где живу я – есть так называемые паблик-скулы – бесплатные школы для детей.

По закону в муниципальных школах все должно быть одинаково.

Однако если у меня когда-нибудь будет сын, и он пойдет учиться здесь, рядом с домом, то попадет в переполненный пуэрториканцами и неграми класс, научится курить дурь и нюхать кокс годам к четырнадцати, а к восемнадцати будет или сидеть, или наводить демократию в стране с трудно произносимым названием.

В районе брата Степана – всё будет разворачиваться по-другому.

Конечно, есть шанс описанного выше сценария, но качество обучения будет несравненно выше, детей в основном белых, и умненьких выходцев с Дальнего Востока в классе будет в половину меньше, учителя будут ходить на урок без ствола, а к восемнадцати сын или пойдет в колледж, или будет целыми днями гонять в компьютерные игры, приторговывая мелочёвкой на каком-нибудь ебэе.

Внимание – вопрос! А вас устраивает такая схема социального устройства?

Ах нет?! Дык какого-же рожна вы ее сломя голову у себя насаждаете? Приятно в очередной раз наступить на импортные грабли?

Чтобы дать нерожденному ребенку больше шансов, мне придется обуржуазиться, и самому переехать в богатый белый пригород. Стоить это будет гораздо больше. Значит придется или кого-то обирать или продовать душу дьяволу.

Возможности неравны уже на старте. Вот вам и система которая считается лучшей из всех придуманных человечеством.

В таком вот белом пригороде, я и отыскиваю дом пресвитера - брата Степана.

Перед двухэтажным домом - целое автошоу: рабочая машина брата Степана, выходная машина брата Степана, машина его жены, машины его двух старших сыновей и дальнобойный турбогрузовик Volvo.

В свободное от богослужений время, брат Степан перевозит из штата в штат мебель.

После того как я увидел в церкви Свет, я серьезно задумался. Что это было такое? Отходняк от грибочков? Гипноз? А может, правда, Бог?

Брат Саша сказал, что Господь наверное хочет крестить меня Духом Святым, но не может, так как мой сосуд загрязнен.

Нужны исповедь и чистосердечное покаяние. Тогда я смогу подняться на духовный уровень и снова увидеть Свет. Я очень этого хочу.

Именно поэтому я и приехал сейчас к брату Степану.

Интересный факт – первые последователи Преподобного Прапхупады тоже были наркоты-хиппи. И теперь я знаю почему.

Ни одна наркота не вставляет так, как переживание от контакта со Светом. Это мощный, но не вредный, а главное, совершенно бесплатный наркотик.

Человек введший в обиход оборот «опиум для народа», если не ошибаюсь, Ильич, сам был не прочь оттянуться в искусственно индуцированной медитации, однозначно.

Начните изучение с труда «Ленин и грибник». А если подозреваете, что вы латентный гей – читайте работу «Ленин и печник».

У брата Степана меня ждет уже и брат Володя, второй пресвитер церкви пятидесятницы.

Он улыбается и протягивает мне свою теплую, мягкую руку.

Брат Володя кажется добрым и податливым человеком. По сравнению с ним брат Степан – настоящий Железный Феликс. Этот гармоничный тандем замечательно подходит для управления такой сложной и живой структурой, как эмигрантская церковь пятидесятников.

Мы спускаемся в подвал дома. Раньше, до того, как церковь брата Степана стала арендовать здание, собрания проводились именно здесь.

Стены подвала обиты войлоком, чтобы соседи не испугались криков и не вызвали полицию. Здесь ничто не помешает таинству исповеди.

Начинаем с молитвы, чтобы Господь оградил от от нападок лукавого важное служение исповедания.

Братья-пресвитеры смотрят мне в прямо глаза. Пора начинать.

- Ты, братик, не смущайся, это дело хорошее, богоугодное, это ведь ты Ему будешь говорить, а мы – так, посредники. Помолимся за тебя, направим...

Брат Володя смотрит ласково. Он уже заранее отпустил мне все грехи – я это чувствую. В отличии от него брат Степан насупил брови. Он напорист и тверд. Им бы в прокуратуру на пару махнуть. Колоть таких оболтусов, как я.

- Грешен ли ты?

- Ой грешен, ой как же я грешен-то!

Начинаю с самого начала, с детства, с того эпизода, который никак не могу себе простить.

В классе во втором, услышал, что кошки приземляются на все четыре лапы, как ты их не брось. Стало интересно – как же это они умудряются?

Решил провести эксперимент.

Кошечка была рыженькая, с черными пятнышками на мягкой пуховой шкурке. Удобно устроившись у меня запазухой, она доверчиво мурлыкала, поднимаясь со мной в лифте шестнадцатиэтажки. Наверное думала, я ее подобрал, чтоб взять жить к себе домой. А ей предстояло послужить науке. Моей науке.

Мальчик просто знакомился с окружающим миром.

Я вытянул в окно руки и отпустил...

Она и в правду, приземлилась на все четыре лапки.

Просто высота была большой, и видимо, она их сломала...

Теперь кошечка лежала передо мной и хрипела, кожа на шее лопнула, но кровь почему-то не шла, а просто было видно мышцы и связки какие-то.

А в глазах у нее стояли слезы, человеческие слезы..

- Воровал ли?

-Воровал, братья, еще как воровал! И в тюрьму за это загремел, и в самой тюрьме воровал, и после воровал, и по сей день вору!

- А убивать приходилось ли?

- Упаси Боже! Слава Богу, убивать не пришлось! Ну... кроме кошки той...

- А ты знаешь, что и прерывание беременности к убийству относится?

Брат Степан так смотрит на меня будто давно всю мою подноготную, и ему просто хочется это услышать непосредственно из первоисточника.

- Знаете... и это было...убивал...

С этим история вышла – ну просто придурацкая!

Есть болезнь такая детская – «свинка». По научно вроде «орхит» называется... Да-да, точно – орхит, не дна ему не покрывки!

Так вот – если этой самой «свинкой» переболеть в розовом детстве – то отделаешься легким испугом.

Меня же угораздило зацепить эту дрянь лет эдак в шестнадцать.

Неделю провалялся с сорокаградусной температурой, но самое ужасное и, одновременно унизительно-идиотское в этом положении были... яйца!

Они распухли до размеров гигантских алматинских яблок, горели огнём, и болели так что хотелось сдохнуть.

Лежать можно было только на боку, ходить ссать только в раскоячку и со слезами. А пришедший на зов айболит из районной консультации предрек, что все кончится на седьмой день, а вот детей не будет уже никогда.

Яйца действительно приняли нормальные, принятые в приличном обществе размеры на седьмой день, и я свято уверовал, что вторая часть докторова постулата - истинна.

А в молодости отсутствие способности кого-либо обрюхатить – это скорее благо, чем приговор. Так что с того самого дня я просто перестал принимать предохранительные меры.

Чудеса это вещь всегда неожиданная и нежданная – поэтому и чудеса.

Выйдя после последней отсидки, много-много лет спустя, я обосновался у институтской подруги, на которой я однажды чуть не женился.

Прошло много лет – она сильно изменилась, а может быть изменился я. После медового месяца жесткого секса, мы оба стали понимать, что больше нас уже ничего и не связывает.

И тут она возьми, как на зло, да и залети...

Ни копейки у меня тогда за душой, не прописки, ни работы, ни даже второй пары брюк... да еще конфуз какой – я вроде как бесплодный пустоцвет. На тебе. Забеременела.

Да и Ирка, похоже совсем не обрадовалась открывшимся перспективам, тем более у нее росла дочь от предыдущего, неудачного брака.

Вот так мы и приговорили его (или ее?) – почти не обсуждая, быстро, набегу, как само-собой разумеется, пряча друг от друга глаза... Дело-то житейское...

Где кончается засыхающая на постелях сперма и начинается убийство?

У пятидесятников на все готовые ответы – сперма не должна сохнуть, это грех, секс только для потомства, если Бог даст, ну а аборт вообще грех страшнейший. Смертный.

Бог для какой-то Души начал тело лепить – а ты пришел и сломал все, как злой ребенок в песочнице.

Так что загрузился тогда еще и на мокруху – рассказал все про аборт, опустив, конечно, про гигантские яйца – стыдно.

Под занавес вспомнил, как лет в восемь пытался, задыхаясь и покраснев, как помидор, засунуть своей шестилетней двоюродной сестренке.

Мы влезли под огромную кровать ее родителей в спальне, и я все никак не мог попасть «куда надо», пока она не ткнула его туда сама, сжав кулачком с такой силой, что я взвыл от боли...

Шаг за шагом, я выливаю на братьев один ушат грязи за другим.

Сколько же накопилось за мной говна за всю жизнь. Представьте – нет канализации, и все, что вы насрали с детства и за всю жизнь вашу, вдруг вам на голову обрушивается.

Каково же будет на страшном суде?

Вот-вот, теперь еще разок – все-все припомните, и вы ужаснетесь, поверьте, ужаснетесь сами себе.

Наконец я полностью испражняюсь. В глазах слезы. Руки дрожат. Смотреть им в глаза силы нет.

- Свет, говоришь, видел?

Брат Володя разряжает накаленную до предела обстановку.

- Повезло тебе, поверь. Некоторые за всю жизнь и лучика так и не сподобятся увидеть. Живут и умирают во тьме.

А знаешь, что Писание нам о Свете этом говорит:

«Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму нежели свет, Потому что дела их были злы. Ибо всякий делающий злое ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы;

А поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны».

- Привычки значит вредные беспокоят тебя? А веруешь ли, что Господь властен тебя освободить?

- Верую!

-Была одна женщина, страдающая всю жизнь женской болезнью. К каким только лекарям-знахарям не обращалась. Только время и деньги зря истратила. Но вот проходил как-то мимо нее в толпе Иисус, и она схватилась просто за край одежды Его. А Иисус спрашивает Петра, «кто задел меня?» Тот ему – «полно, Учитель, мы ведь в толпе народа!» А он говорит: « Нет, я почувствовал как от меня изошла сила»

И исцелил ту женщину, потому что она верила, что Он может.

Сила в вере, у нас нет силы и власти тебя исцелить, но вера твоя откроет животворную силу Господа на тебя, как на ту женщину в толпе. Веруешь ли?

- Верую!

Они возложили мне на голову руки и взмолились. Ох как же эффективно работает молитва-глоссалалия! Реальность вокруг исчезает почти мгновенно!

А я все ждал Свет, но его не было, в это раз было только сильное, заметно осязаемое тепло от их рук.

Вышел я оттуда другим человеком.

Легкость какая-то во всем теле и покой на сердце. Безмятежная тихая радость. Чистота.

Психоанализ Фрейд слямзил у христианской церкви. Все это лечение его – не более чем жалкая пародия на исповедь. Психоанализ от Бога – надежней. И потом он - бесплатный.

Радость человека освободившегося от душевных каловых масс? Непередаваема.

Так хорошо, что хочется курить.

Лезу за пачкой в карман. Ладно, еще разок, и в завязку. Когда общаешься с некурящими, вдруг начинаешь замечать, что у тебя одежда сигаретами воняет. Никто из пятидесятников ни касается этой бестолковой мерзости.

Чиркаю зажигалкой. Раз, другой, третий. Не горит!

Два дня, как купил, работала ведь прекрасно, не горит! Еще раз попробую, и если не загорится, все, выброшу подальше!

Не зажглась. Не знаю чудо или нет...

Растаптываю пачку ногой, эдак с притиром еще, на!! Вот так!

Я свободен.

Курить? Зачем? К Свету, к Свету надо прорываться – вот это приход, прости Господи меня грешного!

Жизнь моя такая поблекшая за чисткой американских унитазов и натиранием полов вдруг расцветает с необычайной силой. В ней появляется смысл, может быть в первые за все время.

Я ведь на себе уже крест ставить начал – простите за каламбур. Ну что могло мне в ближайшее время светить, кроме швабры. В тюрьме хоть надежда на амнистию была, а срок уменьшался с каждым днем, а в подпольной Америке?

У меня появилась вторая, тайная жизнь. Жизнь такая яркая и многогранная, что вскоре она заполнила все.

Собрания в церкви три раза в неделю. Я прихожу на них самый первый. Мне нужен Свет. В конце, перед уходом, я еще задерживаюсь, забрасываю вопросами пресвитеров. Они мне сейчас ближе родного отца.

Ему я позвонил, и захлеб рассказал о Свете. Не мог сдержать уже ЭТО в себе. Было наплевать, если буду выглядеть смешным.

Отец отнесся спокойно. Будто это просто очередное хобби, вроде фотоаппарата или сборки детекторного приемника в детстве.

Близкие друзья, с которыми я тоже поспешил поделиться РАДОСТЬЮ и благой вестью о Свете, реагируют более чем сдержанно. Подозреваю, решили, что от наркоты у меня рвануло-таки крышу. Бог им судья. Неужели думают, я стал бы им врать или желать зла?

Их проблемы. Пустые, занятые собой люди.

Иисус сказал, не кровные родственники Мои мне мать и сестры, и братья, а те кто слушает слова Мои. Так что моя семья – теперь верующий народ Божий. С ними хорошо, и не надо ни с кем о чем –то

спорить и доказывать. Они все знают про Свет и тихо этому радуются.

Я начал читать Библию. Как рекомендовал брат Степан, с Нового Завета начал.

«В Ветхом Завете с непривычки заблукнешь» - предупредил он.

Брат Степан – гагауз из Молдавии. Он превосходно говорит по-русски, турецки, молдавски, английски и украински. Правда иногда смешивает слова из языка в язык. Такая вот глоссалалия.

Священное Писание - самое непревзойденное произведение литературы всех времен и народов. Обратите внимание какая сжатость и информативность. Из каждого абзаца можно вытянуть целую отдельную книгу. Как будто архивированные файлы! Дайнэмик Линкс Лайбрариз!

А что это такое в двух словах? Инструкция по эксплуатации жизни. Правила жития. Если бы все жили по ним, на Земле был бы рай.

А из-за сжатой информативности Библии, все эти правила можно уложить в одну фразу!

Не делай другому того, чего бы ты не хотел, чтоб он сделал тебе.

Вот и все! Вот где гармония-то, отсутствие которой и толкает нас в петлю.

В очередной раз начинают новую жизнь. На это раз по Книге.

Не курю. Не пью. Стараюсь не материться. Почти не мастурбирую.

И это все не принципа какого ради. У меня вполне конкретный материальный интерес.

Все лишнее и грязное мешает мне получать Свет. Мою золотую дозу.

Это поразительно.

Стоит немного морально запачкаться, даже просто матюгнуть кого на работе, и Свет не придет. Он нежный и Его очень легко спугнуть.

И наоборот, сделаешь что-нибудь доброе, даже просто, дверь для кого-нибудь открытой придержишь, или незнакомой женщине сумку донесешь, придешь на собрание церкви в тот день, и насладишься.

Свет умеет быть благодарным. И я теперь в постоянном поиске единственной валюты, которую он принимает – добрых дел основанных на любви.

Вечером одним, после собрания и обильного благословенного ужина у Саркисянов, я делаю еще один полный мужества шаг навстречу вечности.

Вернувшись в свою келью, я сначала отсегнул антенный кабель. Потом выдернул из розетки штеккер. А он радуется, демонюга, думает, я наконец пыль решил с него вытереть. Нет. Ты сейчас сам станешь прахом. Прахом моего греховного прошлого. Я несущу его в последний путь до самого мусорного контейнера в дальнем углу двора.

Хочу сперва просто швырнуть его в мусор. Нет! Этого ему мало. А вдруг его подберет другая жертва?

Швыряю его с размаху о тупой металлический угол мусорного контейнера. Телевизор явственно произносит: «БУП», и осыпается серебрянными монетами к моим ногам.

Я свободен. Никакой лишней мусорной информации. В Книге есть все что мне надо, чтобы достичь Света. Из телеящика выходит только сатанинская мерзость и пена.

Хотя нет, остаются еще компакт диски. Металлика, Nirvana, Пинк Флойд. Долго и с сожалением на них смотрю. Целые этапы моих прошлых ипостасей. В общую коллекцию затесалась не так давно еще и Таня Буланова.

Сказали бы дома – буду слушать за бугром Таню Буланову, послал бы на три буквы, прости Господи.

А это оказывается ко всем кто без корней остается приходит – как «Очи Черные» для колчаковских офицеров в дешевых парижских бистро.

«А-аат зари до зари, Аат темна – до темна,

О любви говори, пой гитарная струна...»

Не могу Танюшку в мусорку, ну никак! Русская!

Не в силах отправить сидюки вслед за телевизором, прячу их в коробке в самый дальний угол шкафа.

Подальше от искушения адского !

Теперь бы от мобилы поганой избавиться! Ох как я бил бы ей об стену, топтал, потом еще и пормочился на нее!

Если разобраться – я плачу за план огромные деньги, влезаю в контракты с провайдерами, которые если судить по их действиям принадлежат и управляются самим Люцифером, только для того чтобы ДРУГИМ людям легче было бы меня достать. Сам-то звоню раз в пятилетку, а мне названивает весь долбаный мир, включая охотников за Густаво Хернандесом! Ну и где логика? Я плачу бабло чтобы удобно было другим?

Сомнительная сделка. Одна тут проблема – нет разрешения на работу, так что если вылечу из команды ночных хоккеистов – работу придется искать по левым каналам, а тут уж без этой гадкой мобилы никак!

А потом вдруг Лилечка наконец начнет мне звонить?

Выключу-ка просто эту дрянь, а выкину когда стану Просветленным окончательно. А пока помолюсь – чтоб избавится еще от одной зависимости – к мобильным игрушкам для взрослых.

Пост и молитва это еще более мощные инструменты верующего, чем даже добрые дела.

На этой стадии начинаю экспериментировать с постами. Сначала перехожу на двухразовое питание, потом на один раз – и целые сутки голодную.

Тяжело, тяжело в первый раз, особенно если еще работаешь физически. Штурмит.

А потом ничего, привыкаешь. Сутки – детские игры. Попробуйте-ка на одной воде суток эдак..трое!

Мой персональный рекорд – пять суток подряд.

Вы не представляете, как башка чеканно-чисто начинает варить на третьи сутки. И желудок уже не скулит. Круче любого стимулятора, отвечаю. Я ведь винт- то за что полюбил? Разве же за сексуальность прихода? Нет!! За сверхвозможности, которые обретает мозг, пока вы его не расквасите бессоницей и растущими дозами.

Похожий эффект выходит во время затяжного поста. Дело в том, что когда работает желудочно-кишечный тракт, на его обслуживание уделяется полтора-два литра крови, минимум. А в посте, когда вы кишки гавном разным не забиваете, вся эта освобожденная, обогащенная кислородом кровь омывает ваш мозг. И он тикает так что будь здоров!

Это я все в брошюрках вычитал, что Лиля дала. Этих страниц касались ее нежные руки. Иногда я их целую. Но тут же себя и оставлю, не о том задумался, брат Винсент – не о том! Но отогнать мечты о Лиле гораздо трудней, чем просто не есть несколько дней.

Лиля! Если духовный Свет я получаю в церкви, то она мой свет земной. Радость моя. Солнышко.

Я у них теперь каждый вечер. Беседую о Библии с дядей Сашей. Слушаю свидетельства о чудесных исцелениях от тети Веры, пытаюсь убедить Рафа и Толика, что Иисус вставляет покруче спиды, если правильно подойти, но по их стеклянным глазам, дерганым манерам и отсутствию аппетита вижу – они не слышат меня.

Но все это я делаю походу. Вся святость моя тушется, когда Лилю встречаю. В ней все так красиво, изящно, желанно.

А самое главное – у нас с Лилей установился контакт. Не проходит двух-трех минут, как мы начинаем искать взгляды друг друга. Чтобы прикоснуться к друг-друге таким образом на долю секунды и опять спрятать взгляд. Надеюсь за нами никто не наблюдает. Скрывать игру становится все сложнее. Мы сидим по разные стороны обеденного стола. До тайногокосания ногами еще не дошло – их как быстро у вас – но на уровне взглядов зашли уже так далеко, что захватывает дух.

Оставаться наедине нам тоже нельзя – устав церкви считает такое поведение нецеломудренным.

Ах братья мои и сестры! Вы не представляете насколько глубокие волнующие отношения можно поддерживать при таких условиях. Все рецепторы ваши настроены на нее. Вы чувствуете, что она в одной с вами комнате. Вы таеете от звуков ее голоса.

Родинку на шее проскальзываете взглядом бегло, шаловливо, дыханье затаив.

А уж если случайно заденете ее руку своей, беря из тарелки хлеб, тут грянут гром и молния, и через всю плоть вашу прострелит электрический разряд.

Особенно если уже более месяца вы старались воздерживались от мастурбации.

«Три силы»

Скажу вам по секрету, случись конфликт, американцы конечно здорово потреплют русских, больно потреплют, но в конце выиграют все же русские.

Причём порвут американцев напрочь, в хлам.

Заявляю как лично, а не понаслышке знакомый с обеими сторонами. Азиатская алогичность и эмоциональность обязательно возьмут верх над холодным расчётом, искусственными денежными массами и управляемыми через интернет беспилотниками.

Поэтому сейчас они всеми силами пытаются подсадить нас на свой дешёвый китайский эрзац.

Это cool, ребята – делай, делай как мы! А сами исподтишка наблюдают и фиксируют каждую слабину.

Мы никогда не будем друзьями. Самое большое, что мы сможем, и похоже уже смогли – стать их клиентами.

Спасёт только вера и ядро наше – как только Свет Божий увидим – вмиг и с лёгкостью отряхиваемся от мёртвой материальной мишуры, которая и есть горючее в их машине разрушения, которую они с благоговением называют «экономика» или «капитализм».

Мною сейчас обладают и движут три мощные силы. И я готов разбиться в лепешку, чтобы подчиниться этим силам.

Сила первая – это, вне всякого сомнения, Свет. Мой новый и вечный кайф.

Есть наркоманы – которые кайфуют ради самого кайфа, как обоссанные пьяницы под забором.

Есть и другая категория – людей потерявших рай. В наркоте они ищут и жаждут истины, успокоения ноющей вечно своей души, и защиты от жестокого, расчетливого и холодного мира вокруг.

Стоит им найти Свет – наркота и прочее отпадают, как поганная накипь, и душа их, нежная, пугливо прячущаяся за бравадой слов и поступков, душа их обнажается малой, но вселенски необходимой частицей Бога внутри каждого из нас. Вот.

Как говорится – не спешите в Малл, чтобы купить «лучшее Я» - покопайтесь- ка в кладовках своей души сперва – может, и найдутся вещи, который вполне помог протянуть ещё одну зиму, ещё один год?

Сила – вторая это Лиля.

Выросшие в штатах её братишки и сестрёнки, зовут её на американский манер – Лил.

Это «Лил», так созвучно с тем, как американцы произносят слово «little», «маленький», что я повторяю «Лил», как мантру.

Лил.Лил.Лил.

Lillian A. Sarkisyan.

Иногда я думаю об этом имени даже чаще, чем о том Имени, что дано для спасения всем человекам.

А это уже грех, братья и сестры.Значит надо с молится с удвоенной силой – Господь все сам и устроит.

Третья волокущая меня вперед сила, это невероятный заряд честолюбия, который во мне сидит. Грех тщеславия.

Когда-то я рвался вверх, чтобы стать лучшим в институте. Позже протаптывал дорожку в джунглях офиса крупной инофирмы. В колонии усиленного режима.

Всегда вверх, вперед, стать сильнее и лучше всех. Отчасти это инстинкт самосохранения, как бы с голой жопой и голодным не остатся на улице, и прешь, прешь глубже внутрь пещеры, где развалились на мягких шкурах у парящего мясным парком котла вожди.

Сейчас эта последняя сила толкает меня на всяческое упрочение моего положения в церкви.

Хотя желание прибрать к рукам церковную кассу меня уже вроде покинуло, вместе с наркотой и телевизором, тем не менее я стараюсь прорваться наверх. Они должны знать какой я умный.

После пары лет отмывания страны, которую отмывать, похоже, не возможно совершенно, у меня вырабатывается комплекс швабры.

Или «мапы» - как называют здесь ее ипостась. Мапа кормит меня довольно неплохо, но я безумно ее стисняюсь.

Теперь же, впервые за мое время существования в чужой стране, я чувствую себя востребованным.

Хотя такая чужая ли мне эта страна?

Английский родители заставили учить со второго класса. Приходилось, как проклятому, каждый день ездить в школу проводя полтора часа в набитом, как шпротами автобусе.

Это приучило ценить одиночество и прикольность пребывания со своими мыслями.

Еще все эти английские рассказы, словечки и песенки с детства, а за тем и иняз – заставили думать об Америке, как о чем родном, но временно недоступном.

Только спустя два года после приезда, вдруг отчетливо понял – я ведь не только на «What is your name» заквашен.

Есть еще Булгагов, Даниил Хармс, Ильф с Петровым, Достоевский, переводы Гоблина и , если хотите даже Иосиф Кобзон. Так и застрял между ними и Джимом Моррисоном с Металликой.

Три движущие силы очень легко позволяют мне избавиться от наркоты, сигарет, телевизора, и постоянного депра от зря проживаемой жизни. Похоже, я-таки родился заново, как и рекомендуется в Новом Завете.

Теперь моей нишей становится церковь. Снаружи американская, а внутри бесконечно советская церковь. Представители дружной семьи народов. Тут есть даже азербайджанцы и поляки.

Я наблюдаю паству брата Степана и вижу, что некоторыми движут вовсе не плоды Святого Духа, а скорее возможность увидится три раза в неделю, обменяются сплетнями на русском, урвать новый рецептик и просто потрепаться после собрания.

Это несчастные люди. О Свете им неизвестно. Задача пресвитеров рассказать о свете слепым. Сложная задача, а потому интересная. Мне кажется, у меня тоже должно получиться. С Божьей помощью, разумеется.

Три движущие силы заставляют меня купить три новых костюма. Не в футболках же ходить к Свету и к Лил.

Костюмы нормальные здесь стоят несуразно как-то дорого – баксов триста –четыреста, и это за рядовой средненький костюмчик типа Красный Богатырь, я уже молчу о дизайнерских моделях.

Дикость по сравнению с копеечной джинсой, в которую от и до можно паконуться меньше чем за сотку.

Здесь костюм – стиль жизни, манифест. В джинсе вся страна.

А костюм – это белый республиканец на машине не старше 2007, и кофе исключительно из кофеюшника Старбакс. Истэблишмент. Правящий класс. Их так и называют – Suits – люди-пиджаки.

Люди которые до сих пор ездят с наклейкой W на бампере. W – американцы, кстати произносят эту букву как «дАбья», это среднее имя бывшего преза – ДжЁОррдж Дабья Бушь.

Президент над которым смеялись и швыряли ботинками, но имевший в стране полную, приближающуюся к абсолютной, власть.

Свобода американская заключается наверное в том, что можно также купить наклейку с перечеркнутой W и вложить ее на бампер. Вот. Свобода слова на уровне бамперных наклеек.

Хотя в Узбекистане нельзя сделать и этого...

Но мне повезло – ростом я, наверное, с Денни де Вито, так что костюмы покупаю в американском «Детском Мире» - почти даром.

Новый Завет прочёл уже дважды.

Теперь штудирую, зубрю. Прикольно вворачивать в разговор целые пассажи, не заглядывая в Первоисточник.

Наблюдаю с тихим восторгом работу профессиональных проповедников.

Я знаю, что суть моего служения – проповедь. Кафедра церкви – вот за что Господь сохранил мне жизнь на Щелковском шоссе.

Вот куда Он всю жизнь меня вёл. А может этого от меня хотели и Грибы. Они ведь тоже – плохому не научат, не верите так попробуйте. Разок можно – это не герыч, зависимости не вызовет, да и потом после полученной информации, вам год не захочется туда соваться. А ещё лучше – прекращайте-ка бухать, и читайте Библию. Трезвость если есть Знание – превосходна!

Я знаю - братья Степан с Володей это тоже когда-нибудь заметят, что я прирождённый проповедник.

Как-то в церкви появляется один гость. Старику за восемьдесят, и его под-руки выводят на кафедру брат Степан с братом Володей.

Жду потока маразма типа брежневского анекдота про олимпийские кольца.

А старик вдруг говорит такую проповедь, что у меня слезы встают в глазах.

Душа у старика как у восемнадцатилетнего пацана. Оболочка поизносилась – а душа какого-то юноши, идеалиста и романтика. От истинно-верующих всегда исходит мощная сила.

Вечером за ритуальным ужином у Саркисянов пытаюсь выяснить почему старика не видно было раньше.

- А они в доме престарелых живут, по восьмой программе. Когда их кто привезет в церковь, тогда и приходят. Когда некому отвезти – дома соберутся, поют псалмы и молятся.

Тетя Вера подает на стол печеное.

Как же это – когда кто привезет, тогда и приходят! Да у них может кроме поездок этих и радости в жизни-то не осталось. Последние дни доживают в чужой стране. Без языка и будущего.

Да, американские дома престарелых – превосходны, здесь нам есть чему поучиться.

Но после отсидки мне почему стало казаться, что каждый детский сад, пионерский лагерь, дом престарелых, армейская казарма – это всегда немножко тюрьма.

Угадайте, что я делаю?

Правильно – теперь три раза в неделю перед собранием церкви еду в этот самый дом и набиваю дядь Сашин додж под завязку стариками.

Как же кайфово! Доза Света теперь аж зашкаливает! Да и благодарность стариков настраивает меня на удивительно-нирванную волну.

Они не прихотливы. Можно укладывать штабелями, только «ехай на собрание внучек, мы потерпим».

Бабушку я свою бросил дома. Вернуться не могу к ней уже никак. Не пустят обратно в штаты, а дома скорее всего снова посадят. Вряд-ли уж свидимся на этом свете, бабулечка моя красатулечка. Ангел –хранитель мой!

Зато теперь у меня сразу несколько бабушек и дедушек. И все норовят какойнибудь гостинец сунуть – кто пирожков кулек, а кто нагретое в руке яблоко. Держат специально для меня.

А ещё узнаю я о них о Воронаеве и движении пятидесятницы дома:

ЛЕГЕНДА О ВОРОНАЕВЕ, РУССКОМ ПРАПХУПАДЕ

Иван Ефимович Воронаев родился в 1885 году в Оренбургской области. Во время воинской службы в г. Ташкенте в 1907 году покался и стал членом баптистской церкви.

Но уже в 1912 г. Воронаев со своей женой Екатериной и двумя маленькими детьми эмигрировал в США и поселился в г. Сан-Франциско.

После нескольких лет жизни в США Воронаеву предложили стать пастором русской баптистской церкви в Сиэтле. Через три года Воронаев с семьёй переехал в Нью-Йорк.

В Нью-Йорке он встретился с гостеприимной семьёй Сириц, члены которой начали свидетельствовать и убеждать его в необходимости крещения в Духе Святом. Сначала он сопротивлялся этому учению, но когда его дочь Вера получила это крещение и заговорила на иных языках во время посещения пятидесятнического собрания вместе со своей подругой Анной Сириц, Иван Ефимович почувствовал, что в этом переживании есть что-то важное

В августе 1921 года Иван Воронаев и Василий Колтович прибыли в Одессу. В этом городе очень быстро была основана пятидесятническая церковь. 12 ноября 1921 г. в одном из зданий Сабанского переулка было официально проведено первое собрание христиан евангельской веры (ХЕВ) пятидесятников.

В 1924 г. в Одессе Воронаев созвал 1-й областной съезд ХЕВ, на котором был основан "Одесский областной союз христиан евангельской веры". К 1924 г. воронаевские общины появились почти во всех областях Украины, а также в Ташкенте, на Урале и в Сибири.

К 1927 году в одесской общине было уже 500 членов, а в Украине насчитывалось более 350 пятидесятнических церквей, в которых было около 17 тысяч членов.

В 1930 г. Воронаев, Колтович и многие другие братья были репрессированы. Их посадили в тюрьму, а затем сослали в Сибирь. Жена Воронаева была сослана в Среднюю Азию. В тюрьмах и ссылках в общей сложности она провела около 25 лет.

В 1956 году Екатерина Воронаева эмигрировала в США, куда раньше уехали ее дети. К сожалению, до сих пор нет достоверной информации о последних годах жизни и смерти самого Ивана Ефимовича Воронаева. Впрочем, существует свидетельство одного

человека, который якобы видел, как Воронаева растерзали собаки, спущенные охранниками в тюремном лагере.

С тех пор американско-канадская община выросла до очень серьёзных размеров.

Кроме того на заключительном этапе холодной войны, не гнушающийся ничем конгресс США, вливал в них деньги и помогал перетаскивать сюда не только настоящих верующих, но и любого, кто умудрялся к ним примазаться. В рамках борьбы за свободу совести. Большинство приезжих основывали церкви-общины. Часть – открывало колбасные лавки.

Я, похоже, внедрялся в мощную, богатую организацию, с довольно разноплановыми возможностями. Правда, чем больше времени я проводил в молитве, посте и чтении Слова – тем меньше меня интересовали материальные преимущества проекта.

Если я однажды выйду на кафедру, и смогу произнести потрясающую проповедь перед всей церковью (в третьем ряду слева, она, моя Лиля!), я стану самым счастливым в мире.

Три силы, каждая из которых по очереди берёт надо мной верх.

Стать светлым. Залезть в трусы Лиле. Понравиться присвитерам.

Писание говорит : «Вся праведность наша – как испачканная одежда... »

А возможна ли она – полная праведность и чистота, пока мы заточены в производящем круглые сутки одни лишь каловые массы и сперму теле?

Я уже не могу подолгу оставаться один. Если нет собранья в церкви, а оно три раза в неделю, по вечерам, то мчусь к Лилиане.

Мой рейтинг у в доме Саркисянов тоже заметно растёт. У дяди Саши с тетей Верой ведь тоже три силы, только свои.

Мне благодарны они за то что я часто беседую с Толиком и Рафом, стараюсь наставить охломонов на путь истинный. Особенно их беспокоит Толик.

Когда Толик учился во втором классе дядя Саша нашел в его Библии-для-детей фотки грудастой Саманты Фокс.

Позже классе в шестом Лиля застала его стоящим на коленях в комнате. Бедняжка думала - он молится, но руками Толик, как говорят американцы «делал себе огромное одолжение».

А вот совсем недавно Толика арестовала полиция.

У них такой отдел сейчас есть «Сайберкрайм» - расследование преступлений в сети интернет. Махинации с кредитками, маньячье разное, ну вам что-ли, оборотням сетевым, объяснять?

Толик неделю чатился с четырнадцатилетней Лолитой и, в конце концов, укатал ее на блаинд дэйт. Лолитой оказался офицер Лейквудской полиции.

Теперь у Толяна судимость по экзотической статье Internet Predator, хищник уорлдуайд уэбба.

Я часто рассказываю Рафу и Толику, что и сам был таким, но вот – пришел к Богу.

Путь их – тупиковый, зачем ждать, время каиться! Завтра может быть поздно. Свет может иссякнуть. Толик вроде прислушивается, а Раф смотрит презрительно. Ему кажется, я все это проделываю ради американского гражданства. Я когда слишком много откровенничал с ним под спидом. О существовании Лили и не подозревал ведь тогда!

Все, кроме Рафа, настолько доверяют в доме, что иногда удается остаться с Лилей наедине на пару минуток.

Эти минутки заряжают меня на несколько суток вперед. Лил похоже тоже не против.

Пора наступать и захватывать новые плацдармы. Сдерживаться нет никаких сил. Головной мозг в её присутствии мне не подчиняется, зато спинной мозг становится гиперактивным.

По правилам церкви, девушки-пятидесятницы одеваются более чем консервативно. Никаких брюк, коротких юбок, косметики, бижутерии.

Ах, разве на эту мишуру мы западаем? Глупые мирские девчонки думают, что плохо выглядят без своих завивок и помад, а меня это наоборот, заводит в тысячу раз сильнее.

Иногда просто кажется будто они так изощряются ни чтобы нам, мужчинам, понравится, а чтоб другим бабам нос типа утереть – мол вон я какая в плане Коко Шанель продвинутая, не то что ты, выскочка пригородная!

Да пусть Лилия сейчас в балахон из мешковины вырядится – все равно прожгу взглядом насквозь, и все всё разгляжу: головокругительность чёткой линии бёдер, безупречную грудь, и эту попу – центр вселенной!

Однажды набираюсь духа и приношу Лилишке шоколадку.

А я уже знаю, какой она любит шоколад! Тот, белый с миндалем и хрустящей крошкой.

Сейчас прячу плитку во внутреннем кармане костюма. Жду подходящего момента. Охота на Лил в самом разгаре.

Вот она посуду понесла на кухню. Мое сердце увеличивается до размеров футбольного мяча и начинает давить в гланды пу-пух, пу-пух. Пора.

Помогаю уносить грязную посуду – всего-то делов! Все целомудренно. Никаких мирских глупостей.

На кухне за занавеской даю ей быстро этот шоколад. В глазах в это время баннер «Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ» мигает.

А она глаза большие делает – «как можно?». И не берёт! Я стою как слюнявый идиот с этой дурацкой шоколадкой в руках. Почему земля сейчас не разверзнется, и я не полечу вниз, как Алиса в кроличью нору?

Кажется сейчас на кухню ворвутся все члены семьи Саркисян, брат Степан и куча обезумевших от небывалой удачи папарацци. А потом меня, наверное, сожгут на костре.

Лиля! Лиля! Ну возьми же, это всего лишь шоколад несчастный. Разве так можно человека унижать?

Я делаю распространённую у возбуждённых самцов ошибку. С включенным мозгом нам часто кажется, что стоит вручить Ей шоколадку или поужинать в ресторане – и уже вливать жидкости куда нам только заблагорассудится.

- Я член церкви! Пойми это! Я не могу принимать подарки от мальчиков!

- Лиля это просто... Ну я не знаю. Ну шоколадка просто...Ну возьми, а?

Я потерял точку опоры. Погиб. Не знаю что делать. Как оплеванный – вот этот оборот подходит. Если бы мог соображать, ну убрал и эту плитку в карман, да и ретировался, а тут все пихаю её вперед, с небывалом упорством.

- А если я тоже скоро стану членом церкви, а ? Что тогда? Будешь мои подарки принимать?

- Беги в комнату, мама идет. Беги! Лиля стреляет голубыми молниями.

Паскудно себя чувствую. Просто неслыханный конфуз. Наступление бронетанковой дивизии захлебнулось в болотах Смоленска.

Я ищу способ развития отношений, она что не видит? Видит же! Любая баба видит! А что шоколад не взяла? Не нравлюсь ей! Не нравлюсь Лиле!

Ах ты незадача! А я ведь как в раю живу последний месяц. Церковь. Лиля. Весь мир красками играет. Не нравлюсь! Болван надутый!

Лил. Как дальше мне жить? Ты испытываешь меня Господи? А Господь никогда не медлит с ответом, если вы «в должном» состоянии, поверьте.

В голове сразу отдается – «Я член церкви!» .

Ага. А девочка-то умничка! Лисичка маленькая Лил! Она же мне знать дала как отношения дальше продвигать! Она же из другого мира, там не с шоколадом ухаживают. А с чем? С постом и молитвой, что-ли?

Но мне это нравится. Чем дольше битва, тем слаще утехи победителя.

Я стану членом церкви, Лилли! Немедленно!

Я понял твой мессидж! Я теперь сверну горы. Завтра же утром позвоню брату Степану и попрошу аудиенции.

А сейчас – до свидания костюм, запрыгнуть в джинсню, и вперед, драить пол.

Это тоже такая форма поста.

«Пусть увидят во мне красоту Христа...»

Вот и вы мне уже говорите, как это тебе, мол, Винсент не стыдно, живёшь вот в самой Америке, как у Христа за пазухой, и её же, Америку, ежеминутно хаешь. Эдакий ты неблагодарный маргинал, срешь там же, где и жрёшь!

А я вам, добрые друзья, скажу так : а я и не спрашивал разрешения не у кого, чтоб здесь жить, а занёс меня сюда ветер и тёплое течение. И вышвырнуть меня отсюда может любой мало-мальски грамотный околоточный или участковый.

А пишу то, что вижу, помните у Лескова:

«Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть

чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся»

Не чистят англичане ружья кирпичом! Не чистят! А нас убеждают, будто только кирпичом и надо! Это и твержу вам из рассказа – в рассказ.

А не верите мне – так читайте Теодора Драйзера, Джека Лондона, Генри Миллера, Уильяма Берроуза, Джорджа Оруэлла, Курта Кобейна и Хьюберта Селби-младшего, который сказал:

«Их болезнь сделала возможной веру в любую ложь, которая была им удобна, лишь бы и дальше можно было этой болезни потворствовать, доходило до того что они убеждали себя, что не больны вовсе».

Не имеет смысла копировать модель, которая загоняет в тупик сама себя.

Так что, как сказал бандит Саша Белый: «Живи своим умом, Пчела».

Хотя Бог с ней с Америкой, есть дела поважнее.

Я готовлюсь стать членом церкви евангельских христиан-пятидесятников, и пройти таинство крещения. Для начала нужно изучить основные постулаты и сдать пресвитерам экзамен.

Устав церкви евангельских христиан –пятидесятников:

Членам церкви запрещается пить любые спиртные напитки.

Членам церкви запрещается смотреть телевизор, но разрешается магнитофон для прослушивания христианских гимнов.

Членам церкви запрещается курить.

Членам церкви запрещается носить галстук, так как это противоречит принципу простоты во Христе

Членам церкви запрещается находиться наедине с особами женского пола, кроме супруги.

Сестрам- членам церкви запрещается сидеть рядом с мужчинами во время собрания церкви.

Сестрам- членам запрещается проповедовать на собраниях церкви.

Сестрам- членам запрещается одевать брюки.

Сестрам- членам запрещается пользоваться косметикой и красить волосы.

Сестрам- членам запрещается предохраняться от беременности и прерывать беременность, так как это является вмешательством в план Божий.

Брат Володя открывает собрание короткой молитвой Благодать:

- Благодать Господа Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа да будет с нами. Аминь.

- Ты согласен ли с Уставом Церкви, братик?

Брат Степан опять включил свой взгляд-автоген.

- Согласен, брат Степан. С каждым пунктом. Особенно насчет галстуков согласен– на редкость несуразный предмет туалета, брат Степан.

О том, что следуя принципу простоты во Христе брат Степан переехал недавно из дома за двести пятьдесят тысяч в дом за пятьсот тысяч, я тогда не знал. Хотя семья у него и правда, огромная.

Галстуки в церкви, и в правду никто не носил. Костюмы без галстука, брюки без ремня, и три-четыре машины около дома, Господь благословил, ничего не попишешь.

Количество машин никак не противоречило «принципу простоты во Христе».

Ну да не судите и не судимы будете...

-Ну какие будут у братьев мнения, кому Господь сердце как расположил? Примим- ли нашего братика, вновь обращенного в члены, или повременим?

Брат Степан внимательно осматривает лица членов «братского» собрания, стараясь не упустить ни одной эмоции присутствующих. Он должен знать все и обо всех, как товарищ Сталин.

«Братское» - это собрание братьев, членов церкви. Совместно решаются текущие духовные и административно-хозяйственные проблемы церкви. Проводится не регулярно, а по мере возникновения «вопросов».

Политбюро Господне.

- У некоторых братьев может сложиться впечатление, что я как бы протекцию даю брату Винсенту, но могу засвидетельствовать, что с момента как я поведал ему Благоую Весть о Спасении, брат искренне уверовал, и чрезвычайно изменился под воздействием благодати Духа Святаго. Да и нельзя этого не заметить

Брат Саша включается в мою поддержку. Понятное дело - я живой пример его успехов на ниве евангелизации заблудших.

- Много - «я», брат Саша! Много «я» - я поведал, я воспитал, я привел..

Давайте уступим место Хосподу, ведь по его же воле брат обратился, не по нашей!

Брат Степан быстро задвигает брата Сашу на место.

Дядя Саша начинает яростно выискивать какую-то цитату в своей потертой огромной, со старославянским шрифтом Библии. Хочет парировать выпад.

- Я немного знаю о судьбе брата. Это чудо, чудо Господне, что он среди нас. Давайте поддержим, ведь не зря, не зря Господь его из такой грязи привлек.

Это Афоня, родной братишка Степана. Долго куролесил сам, пока его не призвал Господь. Сейчас он - регент хора церкви. Самый честный и чистый из всех присутствующих, как мне кажется.

Проповедник он тоже классный – не скажу, что мастер художественного слова, но оратор изумительный, зажжет толпу как когда-то в Мюнхене сам Адольф Шикльгрубер одной речью поднял всех на пивной путч. Хороший мужик Афоня.

- Ну брат, ты тоже должен понимать! Ты заключаешь завет с самим Господом. Это тебе не комсомол – захотел бросил, это тебе на всю жизнь. Знаешь что бывает предавшим Иисуса? Об Иуде слышал?

Чем Иуда кончил? Остерегись брат! Господь это Свет, Господь это Огонь, опалить может!

- Вот-вот у меня как раз была на эту тему проповедь...

Дядя Саша опять включается, но Степан, жестом останавливает его.

- Проповедя еще обсудим позже. Позже брат Саша.

С молитвой братья решают принять меня в члены церкви. Я чувствую такое счастье будто нашёл свою фамилию в списках зачисленных в Гарвард.

Предстоит еще формальный обряд водного крещения, и, если Господь пожелает, он крестит меня Духом Святым. На некоторых Дух Святой сходит прямо во время водного крещения, у некоторых проходят годы прежде чем они получают этот дар.

Окружающие поймут, что я крещен Духом, если на молитве из меня «полюются иные языки». Но такую честь простым голосованием не получишь.

Часто среди даров Святого Духа, человек получает дар пророчества и дар исцеления больных. Я же молю всегда Духа, чтобы дал мне Силу проповеди Слова Господня.

- Хорошо. Слава Богу, братья! Есть у народа желание вступать в церковь, а значит жива, жива церковь, голубица Божия! Аллилуя! Ты, братик, смотри – на большой шаг решился! Знаешь как Врагу это не по нраву! Остерегись теперь нападок лукавого!

Резюмирует и наставляет меня, а затем переходит к дальнейшей повестке дня Брат Степан.

-Теперь по проповедям.

Что же это, братья? Не подготовленные ходим на собрания? Кого не спроси «есть ли слово к народу?» - все отнекиваются, не готов, в следующий раз? Как же это, братья мои? Кто же служение святое за нас понесет?

- Я всегда готов!

Дядя Саша даже обижен обвинением пресвитера.

- Ну вот – только брат Саша, брат Володя и я! Одни и те же лица на кафедре. Мы только будем нести труд Христов? Народу нужна пища! Свежая пища, а не спорные баптистские постулаты, брат Георгий, это вас особенно касается, наша работа разъяснить суть, а не запутать ещё больше. А кто даст эту пищу?

Зачем Господь нас призвал? Перед мирскими гордиться, что не пьем – не курим – не воруем? Так это само собой разумеется! А трудиться для Господа? Достигать степени Высшего Звания?

Вот брат Саша – пару месяцев, как переехал в наш штат, а уже и евангелизирует, и проповедя всегда благословенные! Активнее, братья, активнее. Не забывайте, вы куплены дорогой ценою! Ценою крови Христовой.

Так, а какой у нас праздник в скором времени предвидится? Рождество Христово, правильно. Давайте уже проповедя соответствующей тематики. Готовьте народ. Главный праздник года.

Брат Олег, средства на детские подарки выделены? Достаточно?

Хорошо. Слава Богу. Аллилуйя.

Братья, я хочу покинуть вас на короткое время, оставляю церковь, предстоит дорога в Канаду, к братьям–епископам.

Церковь оставляю на Хоспода и брата Володю, все согласны?

Хотя брат Степан всегда спрашивает согласия у братьев и у всей церкви, я ещё не разу не видел, чтобы возникали вопросы или несогласные.

- Далее. Брат Олег, как там идут сборы, готовы ли мы к поездке в Канаду? Хотя повremени, брат Олег. Это потребно обсудить. Я бы попросил всех не членов(пока) церкви, отправиться с миром.

Это он явно мне. Ну и ладно. Поеду хвастаться к Лильке и ее маме, пока дядя Саша решает вопрос с визитом в Канаду.

Во мне все поет и прыгает. Поэтому по дороге, в пустой машине, я во всю глотку ору псалом, с надрывом присущим разве только Курту Кобейну:

Красота Иисуса, светись во мне!
Чистота и любовь проявись вполне!
Дух любви и огня, оживи и меня
Чтобы образ Иисуса сиял во мне

Пусть увидят во мне красоту Христа
Всю Его чистоту и любовь всегда
О Дух Божий приди, все во мне измени
Пусть увидят во мне красоту Христа.

Я летаю! Просто парю над землей. Yeah! На работе в руках все горит и получается. Энергия бьет как ток. Я не комплекую больше. Скоро сбудется мечта. Лиля станет моей женой. Пора, пора уже за ум браться, сколько можно? Дети пойдут! А сам проповедовать стану.

А нет, нет, подождем с детьми, поедим по всему миру, с паспортом то американским это легко, будем проповедовать Евангелие на каждом углу, я и Лиля.

Господь, будем с ней трудиться во имя Твое. Благослови, благослови нас! Всю смену думаю о Лиле и о Христе, снова о Христе, и тут же о Лиле.

Работу в тот день закончил рано. Чистенько так было. Да и энергии – хоть отбавляй.

Выскочил с магазина в четыре тридцать утра вместо положенных шести ноль-ноль.

Если я сейчас не увижу Лилю – у меня будет инфаркт. Но ведь спит еще, крошечка в своей теплой постельке, ангел мой. Прокрасться бы в ее спальню, да и подоткнуть одыало, как маленькой.

Меня влечет к ней с такой силой будто мы не виделись год – а прошло всего несколько часов.

Куплю цветов, и подарю, блин, прости Господи, букет! Много-много цветов. Столько сколько ей никто не дарил никогда в жизни.

На сто пятьдесят баксов, на все, на карточке, просто не было больше, а то потратил бы и больше.

Проживу, чего там, четыре дня до зарплаты, бензин в баке плюхает, бабушки-дедушки – прокормят! Разве есть денежный эквивалент у цветов, радости и любви? Не смешите меня!

Цветов много! Салон дядь Сашиного доджа переживает вторую молодость, он весь расцвел.

Подкатываю к их дому. Какие же скрипучие у этой развалюхи тормоза. Сердце сходит с ритма, руки начали трястись. Вот как запалят меня сейчас с этими букетами...

Как же быть с цветами? В дом заносить – нельзя будет грандиозный скандал, опозорил верующую сестру. Под окна? Тихо, крадучись исследую и этот вариант.

Нет. Тоже заметно, цветов-то миллион алых роз! Куда? Так чтобы заметила только одна Лиля, чтоб догадалась, как же безумно я её люблю.

Тут мне и попадает на глаза Лилькина маленькая Хонда. Утром в колледж поедит! Встанет спозаранку, со вздохом помолится, откроет дверцу машины и...

Закрыла. Вот, блин, американка, а дверь на замок в машине закрывает? Что это Чикаго времен Гапона, что-ли? Аккуратная, прямо сил нет.

Машины здесь угоняют или совершенные мухоморы – хрен сбагришь, или суперорганизованные синдикаты, но уж те за старыми Хондами не охотятся.

Ладно. Мы не из тех кто быстро сдается.

Шесть с половиной лет «лишения свободы» сделают мазуриком даже лоховатого трусливого очкарика.

Давай, милочка, ну, давай, во-от, воот так, ага, ага пошла-пошла-пошла, ооп – here we go, воот и открылась девочка. Делов-то, прости Господи, меня грешного.

Начинаю с козырьков от солнца и до самого пола, весь маленький салон, жил был художник один, ля-ля-ля-ля-ля! Цветы везде где только можно.

Красотища! Как приятно делать сюрпризы самой красивой в мире девчонке! Как сладко. Лиля, я поцеловал каждый лепесток, а тебя стану целовать ещё нежнее! Счастье моё!

Теперь – ноги отсюда, пока сюрприз мне не сделали излишне швыдкие американские мусора, и встающие спозаранку трудоголики.

Засыпаю с огромным трудом, столько событий! перевозбужден, хотя и совершенно трезв.

Все представляю Лилькино лицо, когда она в машину сядет – проснется ведь в момент! Обрадуется, покраснеет. И весь день у ней пойдет так хорошо – будто по-маслу.

Здорово я придумал! Не, это Господь мое сердце так расположил, разве я сам бы додумался!

Всё. Всё – надо спать, спать, а то потом буду всю смену как варёный.

Вечером встаю – бегом к мобиле, что там от Лильки? Тишина? Она мне конечно звонит крайне редко, в присутствии родителей, но тут ведь ТАКОЕ! Ну и ладно, через час в церкви собрание.

Буду два с половиной часа только за тобой наблюдать, выдашь себя, обязательно выдашь, ишь-ты принцесса на горошине! Паузу взяла. Да, я проиграл тебе партию с шоколадкой, но разве же можно против моря цветов устоять!

Поехал, загрузил бабулек моих и с ветерком на собрание. Они тоже в духе сегодня (вот кстате, оборот «быть в Духе», видите, все поняли, даже атеисты Дух – это и есть Свет, и есть Бог. Когда вы «в Духе» все получается как должно!).

Поем всю дорогу псалмы, у них голоса такие – какие могут быть только у поющих стариков из русской деревни, сколько шири Русской в этих слабых, дребезжащих голосах:

Чудное озеро Геннисаретское с чистой кристальной водой,
Ты отражало Христа Назаретского, Весь Его образ живой.
Ныне Он Духом Своим поселяется в наших счастливых сердцах,
Что же не ясно Он в нас отражается, Как отражался в водах?
Или лежит на нас плесень сомнения, Или теснит суета?
Или от бурного жизни волнения Плохо в нас видно Христа?
Будем как озеро Геннисаретское, С чистой и светлой душой;
И отразится Христа Назаретского в нас Его облик живой.

Всю дорогу и все собрание реву псалмы, как алкаш в караоке-баре. Ну не дал Бог слуха музыкального, но вы вот только меня на кафедру пустите разок!

Лицо у Лил непроницаемое все собрание. Вот ведь выдержка! Серьезный мне попался противник. Или это я уже форму потерял, закомплексовал, отупел из-за швабры?

Но я –то видел этот взгляд твой дома вчера, эту искорку игривую в глазах, столь любимую каждым нормальным мужиком, искорку-согласие, искорку «Да!», искорку- «Хочу».

Девочка, я ведь на столько тебя старше, лет на семь не меньше, и ты еще на что-то рассчитываешь? Дуреха моя сладкая! Съем я тебя, слышишь, съем!

Собрание кончилось. Степана не было – отбыл с финансовым отчетом в Канаду к епископу. Но все равно собрание получилось благословенное – молитвы были такие горячие, вдохновенные. Здорово!

Сейчас стариков завезу в их дом призрения - и к Саркисянам. А там-то я все равно тебя в угол загоню, Лилечка.

Перед выходом уже самым брат Володя меня пальцем манит.

- А ну, задержись-ка, братик.

- Конечно, брат Володя!

- Ну как жизнь, продвижения духовные, Писание читаешь, молишься ли? Скоро пройдешь обряд крещения, и изменится твоя жизнь навсегда. У Господа знаешь, какие планы на тебя огромные?

- Ничего кроме как Писание не читаю, брат Володя, такая глубина! Как вообще можно читать что-то другое? Молюсь. Часто молюсь. Раньше знаете все для проформы молился, но вот стал посещать во время молитв Свет – и все дольше получается, все радостней получается. Иной раз минут по сорок кряду молюсь. Хорошо, брат Володя! Хорошо быть с Господом.

- Радуешь ты меня, братик. Радуешь. Но и враг – он ведь не дремлет тоже, имей в виду. Он знаешь в какой ярости сейчас! Ты был весь его с потрохами, а теперь покайся вот, и в церковь хочешь вступить, молишься Господу. Не атакует ли враг?

- Да нет вроде, не атакует. На дела греховные и помысла не возникает.

- Слава Богу. Слава Богу. А вот только жалуются на тебя брат! Сам наверное знаешь за что!

Что там? За что? Неужели Лилькины родители узнали? Кто-то Хонду раньше нее открыл? Дурак я, дурак, подставил девчонку мою! Что же теперь-то?

- Не. Не знаю, брат Володя. Не знаю о чем и речь.

(Ага, ща я тебе все расклады выдам, жди. Явка с повинной, добровольное признание – смягчают наказание и сильно добавляют срок. Это мы уже проходили, брат Володя.).

- Ты это за чем же верующей сестре цветы даришь? Она по твоему заслужила такое унижение? Как же можно, брат! Это знаешь как со стороны выглядит?

- Как же это «выглядает»? (Я невольно начинаю копировать украинский акцент брата Володи, у меня так бывает – копирую собеседника. Особено конфузит, когда автоматом начинаю заИк копировать, ужас)

- Выглядает так будто ты не к Господу, а к Лиле стремишься, братик. А это замена не равноценная.

Ты не забывай – с Лилей ты несколько лет - коротких тленных земных лет прибывать будешь, а с Господом в вечность войдешь.

Стоит ли она того? Стоит ли она того, чтоб вечностью из-за ее юбки рисковать, брат? К Небу надо стремиться, остальное само собой приложится.

Ты вот заявил церкви, что ревнуешь о водном крещении. Это же очень серьезный шаг. У тебя теперь все помыслы, все взгляды должны быть ТАМ, на Голгофе, а ты?

- Брат Володя! Брат Володя! Да я землю буду есть!

- Ты избавляйся-ка от своих тюремных словечек, выбирай в общении слова ласкающие слух Божий. Не может с одного источника литься горькая и сладкая вода!

- Грешен я, брат Володя. Каюсь. Истинно каюсь. Но ведь и вы меня поймите – у вас у всех жены, дети, а вы Господу служите! Господь то раньше жен, но и они не мешают служению вашему, так? Я когда с работы домой прихожу, там одиноко так, пусто и немного грустно.

Брат Володя улыбается. Он хороший – брат Володя.

- Все так, братик, все так, неужели я не понимаю и не прощаю тебя, как Господь нам заповедал? Просто оставь ты все фокусы свои мирские, пусть это старое умрет навсегда.

Знаешь, что водное крещение символизирует? Смерть. Смерть греха. Вошел в воду грешник – вышел христианин в белых одеждах, Иисуса верный послушник. Готов ли ты сделать этот шаг? Это может быть самый главный за жизнь брэнного плотского человека шаг?

- А как же с Лилей быть, брат Володя?

- Понравилась тебе Лиля, вижу что приглянулась. Но у нас так не делается. Во-первых, ты ей не должен чувств своих высказывать – это верх нецеломудрия.

Всё должно делаться через братьев-пресвитеров. Известил нас, мы обговорили дело с родителями, с невестой и ежели получено согласие сторон, заручаем вас и объявляем в церкви.

Пройдет слух о встречах до заручения, ты сестре всю жизнь сломать можешь, это не мирские ваши отношения, женился-развелся, мы здесь перед ликом Господним ходим.

- А как же узнать расположено ли ко мне ее сердце, брат Володя?

Скоро в церкви возобновятся молодежные служения.

Будет у кого-нибудь на дому собираться молодежь. Петь псалмы, изучать Писание, ухаживать за больными и нуждающимися членами церкви. Там все целомудренно будет, там и обзнакомитесь все. Ты

думаешь у нас одна сестра Лиля такая? Верующих сестёр знаешь сколько?

По другому брат – грех. Место лукавому не давай, поглотит он тебя. И в каждой молитве Бога благодари, что брата Степана нет в городе.

Он бы точно твое водное на год перенёс. Ступай с Богом.

Вот ведь подлюка какая! Сволочь бессовестная, прости Господи, меня грешного. Я то думал больно было, когда стоял, как идиот, протягивая этот шоколад, а тут – ну просто камня на камне не оставила от меня!

С потрохами сдала пресвитеру! Знает же , что скоро водное у меня, я так стараюсь, а она взяла и плюнула на все это..!

Да она не просто не любит, она ненавидит меня! Ну и что – цветы? Ну выкини если не нравятся. Зачем же так-то. Унижение –то какое, Господи! Я вспомнил как украшал Хонду утром и мне захотелось плакать. Лучше бы по лицу исхлестала меня этими розами...

Разве же можно, такое интимное, нежное, сокровенное – совершенно чужому человеку выплёскивать, чтоб он это со мной ещё и обсуждал...

Как мне теперь этому Володе в глаза смотреть? Как жить дальше?

Ну поеду, поеду в глаза этой стерве посмотрю.

А потом... потом наверное разгоню дядь Сашин додж до восьмидесяти миль в час – не думаю, что он больше потянет. Разгонюсь и вдарю в хлипкое ограждение моста на Мидлбург Хайтс. Гори оно всё...

«В начале было Слово»

Американцы сами по себе в большинстве милые люди.

Вся беда в системе, заложниками которой они стали. Большая часть производства – выведена за пределы страны. Люди с дипломами колледжа торгуют кофе в Старбакс. Сорок процентов цветных сидят на разного рода пособиях и непрерывно размножаются.

Со времён второй мировой, не было ни одного президента, который не бомбанул и не ограбил бы какую-нибудь маленькую страну. Вот этот факт и улучшает уровень жизни в Америке, отнятая жизнь других, а не полурелигиозные постулаты Адама Смита о непогрешимости чудесной рыночной экономики.

Войны, мировая разводка Уолл-стрита и торговля патентами на интеллектуальную собственность вот все на что ещё можно тиснуть патриотический знак «Proudly Made In U.S.A.» - это типа совкового знака качества.

И ещё маленький фактик – если зарабатываешь меньше ста тысяч в год – платишь почти тридцать процентов налога. А если больше ста тысяч – только шесть процентов. Весело, правда? Этой страной владеет и правит маленькая банда богачей.

Похоже, лукавый и в самом деле, твёрдо решил меня извести.

Дома у Лили ждет новый удар – Виктор, ебанный лысеющий гандон, в чьей жизни единственным ярким пятном была служба на атомной подводной лодке. Отсюда – и плешь, собственно. Отсюда - и куча остросюжетных историй.

Подууумаешь, на подводной лодке он служил, ха! Да если бы можно было рассказывать в приличном обществе, о том что я в зоне усиленного режима вытворял, вот тогда бы... Гавно ты, Витя, и лодка твоя – гавно.

Виктор – брат Олега, того самого что после собрания с огромной мощной собирает у публики бабло. «Проводит служение пожертвования» – пользуясь одной из идиом брата Степана.

Приехал в Америцу -погостить, но видно американская мечта увлекла и подводника. Явно хочет жениться и остаться здесь.

Другой причины каяться в грехах матросу атомохода я просто не нахожу. Матросы обычно не сентиментальны. Да и если судить по его скучным историям – он и Света-то и не видел никогда. Просто понты колотит, скотина.

Залез в мой малинник и изготовился к испражнению.

Все Саркисяне сгрудились вокруг Виктора и благоговейно внимают.

Еще бы – немногие пятидесятники могут похвастаться подводной одиссеей, да и вообще службой в вооруженных силах. Брать в руки оружие – смертный грех.

Теперь же они смотрят как на Мессию на человека взявшего в руки оружие атомное. Кретины. Им перебить бы его, перевести разговор на Спасителя, вот тебе и зрелые христиане! Нет же «полубак» и «кабельтовые» подавай им.

Саркисянам – гражданам Соединенных Штатов, особенно приятно послушать как американцев долбили во время холодной войны славные советские подводники. И разумеется Виктор в том числе. А как же! Сейчас славный советский подводник временно красит стены в домах потенциального противника. Но это временно – «с Божье помощью, у него все наладится».

Я уже вижу в чьем направлении эта лысеющая тартилла направила свой торпедный аппарат, и мне становится горько. Он здесь только с одной целью – похитить мою Лилиан!

Ну, тут то ты зубки и сломаешь, капитан Немо долбаный! Принцесса-то не так проста, как сперва кажется.

А может и нет!!! А вдруг запудрит мозги девочке моей! Боже, за что мне это все!

Сколько усилий, нервов, времени, а этот проходимец хочет все разрушить одним махом! И главное – эта вертихвостка Лиля смотрит на крепкого, спортивного Виктора теми же голодными глазами,

что смотрела день назад на меня! Какая глупость все и мерзость! Животное!

А главное и не укуришься и не нанюхаешься сейчас – в завязке! Жить не хочется совсем. Вот они – нападки лукавого! И ведь в самое больное место бьет, в самое больное!

Все кипящее во мне гавно решительно обрушиваю на этого донжуана, с прической Владимира Этуша на восьмидесятом году жизни.

Мне хочется стереть его в порошок.

Видите ли, в тюрьме нет дедовщины и вообще армейского беспредела. Там чтобы поднять на какого-то руку, нужны железобетонные основания.

Вы годы находитесь в окружении одних и тех же людей, и начинаете их всех люто ненавидить.

Вот тут вашим единственным оружием становится язык - «метла» - способность «преподносить» противнику «как ана есть». На ваши стальные мускулы похуй – можно любого арнольда так словесно отметелить – рад не будет.

Что я с удовольствием и проделываю. Четко, жестко, больно. К глубокому ужасу Саркисянов и багровому, не миновавшему лысину, конфузу Виктора. Ешь мореход плешивый! Хлебай босота тряпичная!

Мой рейтинг от этой выходки явно не повышается, скорее наоборот. Теперь все стараются не смотреть мне в глаза и как-то вымученно улыбаются, когда я, полностью захватив инициативу в театре военных действий, начинаю им гнать о чудесах Духа Святого, кои мне удалось засвидетельствовать сегодня на работе.

Тема политически правильная, никто не смеет меня перебивать, но готов поклясться, что камбуз и гальюн их интересуют сейчас несравненно больше.

Почувствовав себя в искусственном созданном вакууме, я быстро запикиваю в рот остатки бесвкусной какой-то куриной лапши, и вылетаю из дома, как пробка.

Люди, люди, люди! Самые противные животные на свете. Ничего святого ни у кого!

Лицемерные скоты! Плотские угодники! Да пошли вы все! И за таких вот уютных семейных обедов со скатерочками Иисус кровь проливал?

Хрен вам, а не рай, фарисеи уездные!

Обидно, больно до слез. Вытерли ноги о мои новые идеалы, мою любовь и мечту. Я пост держу по пять суток, а они женишка повыгодней для дочки шукуют!

Рвать с миром, уходить в церковь пятидесятников, чтобы найти там то же мещанство? Тоже тупое мелкобуржуазное чванство, когда раздуваешься от гордости как жаба, если у тебя машина поновей и дом подороже?

И это те люди которые годами по три раза в неделю на собрание ходят, молятся с утра, перед едой, перед сном. Говорят, что веруют, а сами... Слепцы!

Два раза проезжаю на красный, потому что не вижу ничего вокруг, обида душит.

Меня предали. Предали в лучших чувствах. Обманули и растоптали все нежное и святое. Предали как и Тебя, Иисус.

Люди блин! Ты прав, Господь, это самое тяжелое искусство – любить этих гавнюков и лживых пидорасов, называющих себя ЛЮДЬМИ.

Все замки мои хрустальные обсыпаются к ногам песком. Прощай Лиля! Прощайте нежные мечты! Спи спокойно, наши нерожденные дети! Отправляйтесь в ад, все те, кому мы теперь не поведаем благую весть о спасении!

А особенно ты, Лиля, продажная и грязная сука, похотливое животное, тварь!

Неужели же все женщины такие? Ведь не видела ничего в жизни, не жила толком – а уже такая гнилая!

Я доехал до магазина и не видя ничего вокруг, шатающейся походкой потерявшего всех солдат политрука Клочкова, иду работать.

Отбывать трудовую повинность за «счастье прикоснуться к американской мечте».

Хотя какой-там нахрен работать!

Вся жизнь обрушилась. Я не знаю, что делать дальше. Смысл? Какой во всем этом смысл?

Пойду ли в церковь?

Продам ли по-дешевке дяди Сашин додж, и куплю самый дешевый билет на рейс Аэрофлота?

Незнаю. Ничего незнаю.

Как и раньше.

Свет, любовь, счастье – было ли это? Или подлый мираж?

И ведь даже нажраться сейчас не могу, потеряю способность видеть Свет. Хотя давненько Он меня что-то не баловал. А был ли он вообще, Свет-то? Видел ли я его?

Может пост-амфетаминный глюк, шутка вербовочного центра Грибов?

А может гипноз какой, АААРГИБИДЕ ШТАЙНЕ, АРГИБИДЕ ГЛАЙНЕ?

Нажрись нахуй! Як свиня нажрись, курррва. И пошли все знаете куда!

Решительно направляюсь в винный отдел магазина.

1989 Lynch-Bages коллекционное, аукционное винище, до пятихатки может в онлайн потянуть.

К нему сигнализацию надо привязывать, как с серьгам бриллиантовым. «Opulent aromas of berries and hints of eucalyptus and fresh herbs. Full-bodied and very juicy, with big velvety tannins and..» - пойдет для такого бедолаги, как я.

Говорят лето 1989 года было жарким в деревушках на окраине Бордо.

А Мне похуй, этот сорт здесь самый дорогой. Беру два пузыря стоящие прямо под змеиным циклопым глазом камеры. Сосите хуй, я тут уже давно.

Да, правда, камер в магазине понахуяренно больше, чем иной раз покупателей. Но кто же станет просматривать весь 24 часовой видеострим со всех «игрушек»? Можно же по фазе поехать! Поэтому смотрят весь материал они только в случае ЧП, вроде ограбления или покупателя инфаркт часом тряханет от ихних цен.

Если же все-таки вас спалили на экспроприации, не ссыте. Они будут за вами пасти пока не спиздете ровно на штуку баксов, копить будут кадры.

Со штуки ущерба уже статья со сроком, а так отделаетесь легким штрафом и стоимостью судебных расходов. Просто всегда считайте, сколько спиздили и не наглейте нахуй.

Золотое правило механики – бери только, то что необходимо, и бери в меру...

Ээх, не робей, голытьба, грабь награбленное!

Закусь – превосходные камчатские крабы в пакетах российского триколора и с русским же орлом. Икорка. Опять же импортная – с самой России, экзотика! Если уж собрались грешить – хуярьте на полную, семь бед – один ответ.

Вино, кстати, оказалось изумительным, и вскоре жаркое бордоское лето лихо ебануло мне прямо в голову.

Все. В пизду. Хватит с меня деланой святости. Я есмь грешник. У кого с этим проблемы – пусть сосут хуй. И Лиля! Пусть тоже сосет хуй!

Я на миг представил Лилю неумело сосущую нетвердый член атомного подводника, и мне опять стало нехорошо.

Магазин в ту ночь я убирать уже не стал. Все равно повешусь утром, к чему суетиться?

Утром, а вернее вечером, кой есть для меня, ведущего дракульский образ жизни, утро, мне позвонил брат Степан.

- Ну что братик! Все ли Слава Богу?

- Все Слава Богу, брат Степан, не устаем прославлять Спасителя! (я вспомнил как крадучись вытягивал из холодильника гиганских паукообразных крабов)

- Ну вот и – Слава Богу! А ты собираешься ли активнее бороться с лукавым, стать солдатом в армии Господа?

- Да я... Да я ведь и так ... (- «пошел бы ты нахуй пидораз», чуть было не добавил «вместе с господом» : мне вспомнилась эта подлюка Лиля)

- А я тебя, братик, хочу в воскресенье на кафедру выпустить, потянешь ли? Готов ли ты?

Ничего сложного не надо придумывать. Научать народ божий тебе еще рано, а вот засвидетельствовать о том как ты во тьме ходил, как лукавый тебя хотел изжить, но вот Господь тебе руку протянул.

Типа: «Я знаю одно, я был слеп, а теперь я вижу». Помнишь, как слепец благодарил Хоспода? В общих чертах. Ну как, справишься, братик? Сегодня только вторник. Времени достаточно.

А мы помолимся за тебя с братом Володей!

- Спасибо за доверие, брат Степан. С Божьей помощью, готов буду на воскресенье.

- Аллилуйя!

Кажется, Брат Степан прослезился на другом конце.

Не знаю как вам, а мне любая творческая деятельность дает основание для пребывания на земле. Бог есть Творец. И когда творцом немножко становлюсь и я, меня тоже распирает, как наверное, распирало от радости и Бога, когда он за семь дней сляпал Землю и Небесный Свод.

Поэтому я снова в форме. Это редкий шанс показать всем на что я способен. И Лиля увидит, как я выгодно отличаюсь от косноязычного подводного пидераста Кусто.

Пью крепкий колумбийский (вот ведь тоже Господь благословил страну – и кофе вам и кока) кофе и планирую свой блицкриг.

Винсент Барбаросса.

Надо о-очень постараться – первое впечатление, самое сильное.

Номер один по списку - библиотека.

А библиотеки здесь я вам скажу! В городе единая библиотечная сеть. Записавшись в одну, вы можете брать книги, видео и аудиокассеты и DVD в трехстах других.

Не имеет значения где вы книги брали – сдаете в любую из них. Тысячи фильмов кроме тех, что сейчас в кинотеатрах. Любая музыка. Как минимум двенадцать бесплатных хайспид интернет терминалов. А летом такие мощные кондиционеры и пиццахат-экспресс, что там можно жить. Единственная плата 25 центов в неделю, за каждую просроченную книгу.

Когда я только приехал – просматривал по шесть-семь фильмов в день на маленьком, найденном на свалке плеере, приводил в чувство подпорченный в узбекских застенках инглиш.

Включаешь субтитры и учишь фильм наизусть. Так у вас в голове остаются правильные готовые фразы – и уже не приходится лепить предложения в голове по кирпичику.

Мне нужны труды по ораторскому искусству и выступления известных проповедников.

Я был просто Винсент. Теперь до конца недели мне предстоит стать Винсентом Пастором.

Цицерон. Марк Аврелий. Плевако. Линкольн. Билли Грэм. Это сейчас мои лучшие друзья и учителя.

Я стараюсь запомнить каждый прием, ставший визитной карточкой этих великих ораторов и проповедников. Жалко Шикльгрубера мало в открытом доступе – если откинуть моральный аспект, оратором австриец был великолепным.

Штудирую их речи вошедшие в историю.

Смотрю видео как Билли Грэм разогревает и доводит до исступления многотысячные толпы на стадионах всего мира.

Мне нужно поджечь только человек семьдесят. Это легче, но придется постараться.

Я также начинаю очистительный пост – надо избавиться от последствий набега на склад моего магазина.

А времени в обрез. Несколько дней, чтобы перевернуть мир.

Тренируюсь перед зеркалом стараясь походить на Иисуса из фильма Гибсона. Сцена «Нагорная Проповедь».

Еще бы древне-арамейский за пару дней освоить!

Из кусков известных проповедей слепляю какое-то попурри. Каждая фраза рассчитана на успех по моему мнению. Но их слишком много. Потянут ли слушатели такой поток?

Думаю уложиться минут в двадцать. Затягивать не стоит – восприятие притупляется, слушатели теряют нить повествования, загуливают мыслями неизвестно куда, начинают позевывать. Знаю по собственному опыту внимания к другим. Только двадцать минут жесткого отжига. И точка.

У меня все получится. Все будет окэй.

Так – ну-ка еще один прогон, чтоб без ошибок мне, без этого «ЭЭЭЭ».

Набрасываю основные тезисы на обрывок бумажки и прячу ее в моей Библии. Господи помоги! Ты же знаешь это во Светлое Имя твое!

Вот и воскресение.

Я в ужасе.

С дуру выпиваю столько кофе, что мне становится плохо.

Вообще думаю Старбакс скоро загремит под суд за свои лошадиные дозы. Как табачные компании когда-то.

От кофе поминутно бегаю ссать. Воротник рубашки душит меня. Хорошо ещё галстуки теперь вне закона.

Когда брат Степан делает тайный знак, ноги становятся чужими. Иду к кафедре, как на спичках.

Зачем я полез в эту авантюру?

Весь зал смотрит на меня. Боюсь поднять на них глаза. Руки ходят ходуном пока я отыскиваю в Библии мою шпаргалку.

Тупо смотрю на нее и совершенно не понимаю ни собственных сокращений, ни того о чем я вообще собирался говорить. Тишина в церкви гробовая.

В этот момент что-то бурчит у меня в животе и, кажется, этот грохот докатывается до задних скамей.

Исчезнуть бы сейчас. Растворится в воздухе.

Такой возможности нет.

И я медленно начинаю нести какую-то околесицу. Слово- за слово.

Оказывается достаточно только начать. Это самое сложное. После первых двух фраз я вдруг вхожу в накатанную колею. Я уже не

вижу зал, и не чувствую, что стою на кафедре перед десятками людей.

Я один и передо мной один человек-слушатель. И я медленно спокойно в разговорной форме делюсь с ним мыслями. Это работает лучше чем прыжки Грэма или брызгание слюной Гитлера.

От этого становится комфортно и легко. Слова приходят сами, ведь это мои слова, а не цитаты из чьих-то проповедей.

И выходит все искренне, душевно.

Когда я заканчиваю через двадцать две минуты сорок секунд, весь зал молчит, и не шевелюсь, на меня смотрит.

«Хорошо хоть тухлыми помидорами в церкви нельзя швырять»-мелькает мысль.

Но через секунду все падают на колени, и так горячо начинают молиться, такое поднимается Аргибиде штайне, что я понимаю «кажется проканалю». Потихонько прячусь на своем месте, а люди исступленно молятся еще минут двадцать.

Мне очень понравилось проповедовать. Это как запостить креатиф, только тут еще вам нужно этот креатиф с трибуны на толпу выдать. Драйв!

К Саркисянам уже не еду. Пошли они! Пусть слушают теперь своего морского дебила сколько хотят.

Буду готовить новую проповедь. Думаю Степа теперь меня часто «к доске» вызывать будет. Отжиг был конкретный.

Так и есть – вечером звонит.

- Братик у тебя дар Божий. Но его Хосподь не спроста дал, дар должен людям служить. Не возносись – ибо это Слово Божие народ подкрепило, а не твои усилия.

Ты есть сосуд, через которое Хосподь с народом говорит. Если сосуд будет грязный – в него не вольётся вода жизни. Воду можно хранить только в чистом сосуде. Готов ли блюсти чистоту, братик?

- Я готов, брат Степан.

- Ты вот мне скажи, ты бы с работы дней на семь смог бы отпроситься?

- Без проблем. Смог бы. Только вот и не заплатят мне за эти семь дней, а я все машину никак не отремонтирую.

Хочу отдать вэн Саркисяна. Не люблю быть обязанным кому-то.

- Ты все так же туда каждый день ходишь?

- Ну, почти.

- Не надо, братик. Хороший гость не засиживается до поздна. Хороший гость не бывает хозяйивАм в тягость. У тебя скоро крещение водное – держись подале от мирских сОблазнов.

Ладно, церковь выделит тебе две тысячи долларов. На работе о-просись, не бросай.

Нам предстоит посетить братские церкви нескольких городов на Восточном побережье. С проповедями. Будем собирать пожертвования на строительство десткого приюта в Молдавии. Дело это благое, нужное. Опыт проповеди, если Хосподь благословит получишь бесценный.

Поедем ты, Афоня и я. Машину поведет мой старший сын – Игорь. Согласен?

- Спрашиваете, брат Степан! Я в Америке только в трех местах был!

- Ну-ну, мы не на пикник едим, а труд Хосподен совершить. Больше о деле думай. Ту проповедь свою, воскресную, потренируй ещё – чтоб без запинок. И вторую, запасную подготовь, в иных церквях по два собрания проводить придётся.

Давай собирай вещи, и спать. С благословением Божим утром ко мне домой на семь часов. Без опозданий.

«Дядя Саша и Кристина Орбакайте»

В системе свободного предпринимательства, когда компании не могут выжить, они просто гибнут. Конкуренция и есть двигатель свободного рынка по Смигу. Когда правительство поддерживает частные компании с помощью денег налогоплательщиков – так, якобы лучше для всех, это уже не капитализм.

А у вас, «по рюски», когда бюджетные деньги идут на оплату развлечений частного бизнеса, это кажется, называется «пилить».

Что делать если страна должна другим странам БОЛЬШЕ денег, чем вообще напечатано во всем мире? Все частные долги корпораций легли на плечи госказны, которая, как я уже упоминал должна больше, чем существует денег во всей вселенной.

Остаётся проверенный способ - печатный станок. Я живу в штатах и каждый день вижу насколько ситуация напоминает Союз начала перестройки. И мне грустно, потому что я помню, чем она кончилась. Придёт момент, когда даже если налоги поднимут с тридцати до ста процентов, не хватит и этого.

У простых американцев украдут все, что они накопили на своих «сберкнижках», скажут, что все их ценности «тавно», их ждут более весёлые «девятиностые» - потому что оружия тут у публики несравненно больше, чем где-либо в мире.

Однажды в наш маленький город приезжала Кристина Орбакайте. По дороге из Фриско в канадский Торонто. Мы почти у самой канадской границы, и проехать мимо было бы просто глупо.

За две недели до приезда звезды, во всех русских магазинчиках и лавчонках начали продавать билеты – от полтинника и выше.

Я увидел объявление, когда покупал грузинский боржом и пельмени, которые лепят где-то на Брайтон Бич для всей прогрессивной русскоязычной Америки.

Кстати, хочу выразить чувство глубокой признательности русским президентам за то, что у нас теперь - ну просто тысячи сортов настоящего грузинского и молдавского вина во всех «этнических маркетах» - как называют русские гастрономы американский официоз.

Дома, я крепко бы подумал, стоит ли Кристина пятидесяти долларов, но здесь, я вам уже признавался, слушаю тайком даже Таню Буланову.

Билет купил не задумываясь. Когда ещё кто заедет в нашу дыру. На Элтона Джона и Эроусмит почему-то не стоит уже, старею, наверное.

Кристине сняли актовый зал муниципального колледжа. Небольшой такой зальчик колледжа для бедных в затрапезном среднем американском уездном центре.

Я увидел все это и сразу понял – сейчас она быстро прокатит свою фанерную халтурку, и двинет дальше, в Торонто. Стало грустно о того, что увидел себя со стороны. Когда-то у меня у ног был весь мир. А сейчас - я с ведром и шваброй и Кристина Орбакайте в малюсеньком актовом зальчике дешёвенького колледжа. Моё расшатанное наркоэкспериментами воображение сразу рисует жуткую картинку:

2084 год. Мир управляется котировочными компьютерами с Уолл Стрит. Глобализация подходит к финальной стадии. Любые проявления идентификации по национальному и этническому признаку запрещены законом. Английский это единственный дозволенный в хорошем обществе язык.

Горстка собравшихся – вымирающий вид – недобитые выжившие из ума противники самой лучшей в мире системы. Их дети и внуки уже совершенно другие люди, они просто не знают кто такая Кристина Орбакайте.

Скоро большинство посетителей подпольного концерта вымрет, а часть закончит в психиатрических лечебницах. За оцифрованную песню Там Да Ди Дам скоро начнут бросать в тюрьмы.

А ещё я немного завидую поющей со сцены Кристине: после концерта она сможет двинуть в почти европейский Торонто, а оттуда в

саму Москву, а я вот снова отправлюсь мыть пол. В самой универсальной, автоматической и стандартизированной стране.

Мог ли я тогда подумать, что провидение Господне отправит меня в гастрольный тур, узнав о котором госпожа Орбакайте отгрызла бы себе ногти по самый локоть?

Это турне всю жизнь буду вспоминать с удовольствием.

Звездный час Винсента. Наверное, если делать это регулярно – смогу бросить мапу, и моя версия американской мечты таки сбудется.

А ещё сделаю маленькую копию швабры из чистого золота – на память. Носить буду тайком – нам, членам церкви пятидесятницы, не престало завивать волосы и одевать ювелирные украшения. Это противоречит «принципу простоты во Христе».

Мы проехали через Питсбург, Детройт, Колумбус, Цинциннати, Чикаго, Индианаполис, Нэшвилл, Мемфис, Палм Бич и Майами.

При президенте Эйзенхауэре система американских шоссе, в четыре, шесть полос, с огромными «рест эрия» - супер остановками, где можно отдохнуть, перекусить и пощопаться, покрыла всю огромную страну.

Миллионы человек получили работу, когда система дорог строилась, тысячи кормятся с неё до сих пор, с обслуживания рест эрий, и поддержания состояния дорог в порядке.

Вы вот думаете, деньги не пилили во времена Эйзенхауэра? Представьте радость того кому «случайно» попали контракты на постройку таких вот дорог. Сколько крошек летело с барского стола.

Ну и что? Выиграли то от этого все.

Или вы полагаете, что если в России вместо одного низкорослого президента, придёт красавец и женский баловень, и вообще умница, типа Навального, дороги сами тут же выровняются, а пилить перестанут?

Не смещите меня – «дураки и дороги», а также «воруют!» это наш брэнд и консолидирующая национальная идея.

А ещё я думаю, пилили даже при Гитлере, когда строили знаменитые автобаны и заводы фольксваген .

Не будут пилить, только если совсем отменят деньги, упразднят капитализм, и все станут христианскими анархистами, как ваш покорный слуга.

Русскоязычных христиан веры евангельской, «птенцов Воронаева» в больших американских городах тысячи! Тысячи!

В каждом городе – три-четыре «братских церкви».

Работаем мы так.

Брат Степан говорит короткую проповедь о том, что деткам в Молдавии совсем несладко. Потом добавляет, что Церковь жива, и в неё вливаются даже последние, конченые наркоманы (один как раз приехал с нами).

Моя задача в схеме была разогреть публику перед гвоздем программы – проповедью Афоня.

Если после Степана люди из уважения опускались на колени и коротко молились, то после меня молитва длилась уже минут пятнадцать-двадцать.

А Афоня... Афоня - их просто уже доводил до полного иступленного безумия. Проповедникам нельзя аплодировать, и об успехе или провале проповеди можно судить по длине и интенсивности молитвенного экстаза после. Чем длиннее и горячее молитва, тем успешнее ваша проповедь.

Толпа это женщина, которая любит ушами. Толпу надо разогреть, а потом, потрудившись, доводить до оргазма.

А под занавес, пока все уже «в Духе», брат Степан ловко прошвырнётся по рядам с тарелочкой для сбора пожертвований.

Для приюта в Молдавии. Почему в Молдавии – а просто брат Степан – гагауз. Молдавский турок. Или турецкий молдаван.

Особенно запомнилось выступление в Майами, в церкви на девятьсот человек. Колонный зал дома союзов.

А микрофон у меня был такой, что прямо у рта крепится, как у Кристины Орбакайте.

Можно было бегать по стене, ходить, размахивать руками. Вот тут уж я оторвался. Делал все как считал нужным, а не как рекомендовал брат Степан. Понесло меня тогда – забыл даже, где нахожусь. С Богом вёл диалог.

Билли Грэм пусть теперь мои записи посмотрит. Отработал на «отлично», даже Афоня потом руку пожал. Крепко, по-мужски.

В той же церкви видел работу брата-пророка. У них обширная программа была.

Пророческий дар от Бога у брата, что тут скажешь. Предсказатель.

Во время молитвы он метался по залу, от человека к человеку, и на ухо будущее всем нашептывал.

В основном баб выбирал, у тех нервы послабже. Вольф Мессинг. Нет – Амаяк Акопян!

Мне тоже прорек : « Это тебе, грит, от Бога.Взявшись за плуг , не повертай назад».

Прогон от Бога пришел с сильным украинским акцентом.

И хотя я знал о мелком трюке пятидесятников, все равно к пророчеству отнёсся с максимальной серьёзностью.

Трюк, однако, заключается в следующем – проезжий пророк, за вечер до шоу, встречается с пресвитером. Тот, владея всеми тайнами исповедей, намекает на кого в его пастве и как должно подействовать пророчество, и служение получается таким благословенным! Люди аж выбегают вперед, и, рухнув на колени прилюдно каются.

Обман? Разводка? Может быть.

Но в результате люди - то уходят со служения счастливые, просветлённые, зарядившиеся позитивом до следующего собрания. А так ли это плохо?

Успешное руководство большим количеством людей, всегда содержит элементы разводки. Люди такие разные. Их интересы часто совсем не совпадают.

Поэтому в вашей стране ничего не изменится, даже если вы умудритесь поменять лицо у Большого Брата.

Не тратьте короткое время жизни на демократические выборы и построение гражданского общества.

Ищите Бога – остальное все приложится само собой.

Майами стал последней точкой в нашем победоносном турне. Дальше уже была Социалистическая Республика Куба, где нашего брата-проповедника не особенно жалуют.

Пришло время возвращаться домой.

В последний вечер, с боем отпросившись у брата Степана, пройтись вечерком по городу (на пляж не вздумай – ни дай Бог, верующие братья встретят), я двинул в самый известный, после брайтонских, русский ресторан в Майами. «Татьяна» называется. Давно хотел посмотреть.

Через три столика от меня, с двумя бульдожьего вида охранниками, и королевской грацией, кушала котлетку по-киевски сама Кристина Орбакайте.

Иногда она подносила к уху золоченую нокию, и с кем-то перешептывалась. Наверное, с Филипом Киркоровым. В Москву она явно не торопилась.

Домой из турне, вернулся сдержанной и гордой походкой хозяина жизни.

Я стал звездой русскоязычного населения всего восточного побережья, и откушал с очередной примадонной российской эстрады.

Двадцать сотен брата Степана, моя доляна за гастроли, как говорит Василий Макарович Шукшин : «Приятно жгли мне ляжку».

А запах новых соток! Согласитесь очень приятен.

Один мой знакомец, монгол, утверждает, что в типографскую краску для долларов подмешивают кокаин. Чтоб люди мол подсаживались на запах банкнот и все время хотели их обнюхать.

Эти уж мне неисправимые фантазеры-монголы.

Я двинул к Саркисянам прямой с корабля, в моем новом «концертном» костюме. Пара поездок со Степаном, и я смогу вернуть дядь Саше его задрипаный Додж. Мустанга куплю себе. Ну, не последней модели, конечно, но так двух-трех летней свежести. Они дешевле и гарантия на сто тысяч миль.

Теперь мне можно все.

На Лилю – ноль внимания, я теперь селебрити, как Бритни Спирс или Кристина, у меня валяются ногах сестры из церквей шести штатов. Я был слеп, а теперь прозрел.

Мои приёмчики начали копировать другие проповедники.

А две штуки за неделю! Как пилот Боинга севен форти севен нахуй! Я пилот Священного Писания.

Мне нет равных в трех штатах, слышишь ты, дядя Саша, человек со шрамом через всю башку.

А вот сегодня, из-за не чем необъяснимой моей безграничной благодати я решил нанести вам визит. Автографы – после ужина.

Именно это написано у меня на гордом лице весь вечер. Ни одного взгляда на Лилю – ни в глаза, когда ловит мой взгляд, ни на нежную девичью жопу, когда выплывает на кухню.

А Виктор, сука, совсем уже освоился – тащит с Лил на кухню грязную посуду, елейно беседует с тётей Верой, вжился в мой образ, гадина подводная.

Ладно. Ноу биг дил. У меня теперь с братом Степаном очень тесные отношения. Посмотришь как я тебе скушаю без соли. Ишак-матрос долбаный. Дождись только до братского. Покажу как бьют «метлой» церковной.

Откушав чинно кофею, собираюсь уже выметаться, как вдруг дядя Саша приглашает меня в свой «офис». Так и говорит «офис».

Вчера, сука, электродами для сварки приторговывал – а сегодня на тебе - «офис». Шансоньетка шантаная. Ладно. Поговорим.

Дядя Саша, плотно закрывает за нами дверь, и, прижав к груди свою старинную Библию, начинает:

- Знаешь братик, как святой апостол Павел говорит о дарах Духа Святага?

Но каждому даётся проявление Духа на пользу. Одному даётся Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно.

Я надеялся в тебе дар языков разовьётся, а то и пророчества, проповедников-то нас вона сколько! Ну и то слава Богу.

Ну, а как командировка прошла, брат? Или коллега, ты же теперь тоже – проповедник? Много-ль удалось собрать на приют?

Саша лукаво щерится.

- Вашими молитвами, брат Александр, вашими молитвами...

- Послушай, а тебе не кажется, что брат Степан ведет неправильную политику? Таков ли должен быть пастырь стада Хосподня? И кассой церковной, как то не совсем правильно распоряжается.

- Мне, брат Саша, поверите, не с чем сравнивать. Это моя первая церковь. В других не привелось членствовать.

Хотел добавить, что и голову мне за Христа еще не проламывали, но сдержался. Тьфу-тьфу. Обидится ещё.

- Многие братья в церкви не согласны с линией проводимой братом Степаном. Инициатива подавляется. Личность брата Степана иной раз личность самого Спасителя затмевает.

В числе недовольных и брат Олег, казначей. Странности происходят со служением пожертвования.

Скоро приедут из Канады старшие братья, и многое, многое может измениться. Всплывут весьма нелицеприятные для Степана факты.

Сейчас время определяться, с кем ты? Ибо если придется мне понести служение по перестройке церкви нашей, Голубицы Божей, не останешься без труда почетного и ты. Сыны то мои во тьме блукают.

Кому наследие саркисяново передам? Лиля только меня радует, да вот и ты тоже.

Вопрос застаёт меня врасплох.

- Страх перед будущим всегда склоняет людей к консерватизму.

Пусть теперь гадает, что я имел в виду.

Я, дядя Саша на дворцовых переворотах съел собаку ещё в колонии усиленного режима. Хрен признаюсь с кем я, пока не уясню у кого сила.

Дяде Саши же кажется, что я не понимаю его «тонких» намёков:

- Когда я стану пресвитером, ты, как один из лучших проповедников, будешь моей правой рукой. Своим –то оболтусам и колесо на додже заменить доверить не могу.

- Дядя Саша! Это очень заманчиво. Позвольте мне подумать сутки. Помолитесь. Благословения Господня испросить.

- Подумай, подумай! Я тебе вот еще что в довесок скажу – смотрю горишь желанием со мной породниться, так может я и этому поспособствую? Поговорю с горячкой моей?

- Так ведь сердцу не прикажешь, брат Саша.

- У нас, пятидесятников, нет таких предрассудков. Прикажешь всему, лишь бы воля Божья была.

Гляжу, он за гитаркой, за гитаркой своей тянется, ну я рвать когти на выход:

-Пребудьте с миром, брат Саша. Завтра перезвоню вам.

- С Хосподом!

Машину парканул в двух кварталах от Сашина дома.

У них хреновато на улице парковаться, места мало.

Иду себе, размышляю. А Саша-то по ходу интриган. Вон куда метит.

Так и Степан, вроде как не лох? На чью лошадку поставить-то, а?

Гамлет-вариант, блин. Саша выиграет, так стану диаконом и лильным мужем американцем в придачу. Выиграет Степан – брррр. Зная его характерец и представить страшно. Сожгут на костре как минимум.

А сзади вдруг быстрые шаги. Райончик-то так себе, гниловат-с. Надо быстрее к машине. Пока по башке не двиганули.

У меня там под сидением детский водяной пистолетик имеется.

Только вместо водицы – виндекс, средство для мытья окон. Для ментов прикола нет – лобавуху мыть, а для недобрых людей – струя

по шарам, почувствуйте разницу виндекса от Джонсон Вэкс. Эффективно работает.

Прибавляю шаг и оборачиваюсь на ходу, каков там расклад сил?

А это Лилёха моя! Лилюська за мной гонится! Вот так номер! Вот они бабы – пойми их на трезвяк!

Пишет мне записку в руку – и бежать! Ну уж куда там, на темной улице! Сжимаю ее запястье и успеваю впиться губами куда-то ей в шею раза два, пока не сорвалась.

Уух! Графиня де Монсоро чистая!

Хороший вечерок. И голова начинает лучше варить.

Из дома звоню Степану – весь расклад разговора с будущим тестем, как запись магнитофонную сливаю.

- Знаем. Знаем – многовато брат Саша в наше отсутствие стал на себя брать. Брат Володя он мягок слишком. Мягок, кроток, но не глуп, как о многих братьях, брат Александр возомнил.

Касса значит, церковная ему теперь покоя не даёт? И брат Олег к нему прислушивается? Ну, хорошо. Хорошо. Слава Богу! За все Ему хвалу воздавать да не устанем!

Хорошо, что ты бодрствуешь, братик. Бодрствуй и молись. И держи церковь в курсе нападок лукавых.

Очков я теперь набрал у всех участников забега.

Да и вообще, кто вам сказал, что ставить можно только на одну лошадь?

Конфуций, кажется говорил – пока два тигра дерутся, дракон наблюдает.

А я бы сказал – дракон готовится поглотить целиком красотку Лиллиэн.

Пусть грызутся, я пока о более важном озабочусь.

«Цыганское счастье»

«Пожалуйста заедь завтра в два часа за мной в колледж. We need to talk. Lilly».

По дороге домой перечёл эту записку раз семьдесят. Как же я счастлив!

Лиля! Конечно нам надо поговорить! Знала бы ты, крошка, что мне пообещал вчера твой смутьян-отец. Портфель министра и ворота в рай, которые у тебя между ног.

Я с тобой сегодня уже как Бонапарт буду разговаривать, с позиции ошеломляющего и чуть ленивого превосходства.

Надо, надо обсудить, что ты на свадьбу наденешь. Все должно быть скромно, но изящненько так. Чтоб и доброжелателям и злопыхателям не дать повода.

Лиля учится в муниципальном колледже. Это не самый дорогой, но хороший вариант, с гарантированной работой по окончании – уж они постараются, чтоб вы отбатрачили полученный на учебу кредит. Лилька начала в Миннесоте, у нас доучивается. Она будет больничной медсестрой.

Вы будете смеяться, но в США, эта работа одна из пяти самых высокооплачиваемых.

Двадцать пять баксов на старт. В час.

В час получают столько сколько наши иной раз в день. И все равно медсестер не хватает, везде их приглашают на работу.

Медицина здесь – мощный и процветающий бизнес. Большинство вновь прибывших легальных иммигрантов этого не знают. Идут по дури и русской привычке в больницу.

И тут сюрпрайз!! У них рак сходу обнаруживают! Или еще какую дрянь, по-страшнее.

Пока у бедолаг есть страховка эскулапы прогоняют их через серию утомительных вымогных анализов, чтобы в конце сказать «к счастью диагноз не подтвердился, но мы не можем шутить с такими серьезными вещами, зайдите-ка через неделю, для полной уверенности!»

Я долго старался не попадаться им – по зоновской еще привычке, там санчасть такая же стрёмная хрень, как штаб колонии.

Но вот взъебал меня как-то зуб, прошлой зимой. Довел его до такого состояния, что все башка в рванную рану превратилась.

Не выдержал. Приполз в скорую помощь. У меня зачем-то давление и пульс измерили, потом положили на каталку и в палату. Одноместную, шикарную. С ванной и телевизором. В ванной все бутылочках маленьких, как в хорошем отеле. Телевизор и кровать управляются пультом.

А до пультов ли мне? Концы отдаю, честное слово!

Провалялся в палате минут сорок. Потом пришла медсестра, извинилась, что будет «немного покалывать» десну, хотя мне уже было все равно. Влупила навокаин и говорит: «Вам, батенька, не сюда, вам к зубному надо назначить!». Вот так.

Счет за укол пришел через неделю. Страховки у меня – только усы и хвост, так что 470 баксов, будьте любезны!

Правда шесть таблеток обезболивающего с кодеином, которые она мне дала, пошли с пивком на отлично!

Вот я и дома.

А тут ждёт меня новый сюрприз: мадам Бьянка Ибанеску собственной персоной. Дверь открыла своим ключом (пора изымать), и готовится тут ванну принимать.

Надо бы признаться, хотя и старался это от вас скрыть, названивала она мне каждый день пока я на гастроли ездил. Но как же я мог при Степане взять трубку?

Смотрел на очередной пропущенный звонок и мечтал, как однажды совсем от мобилы избавлюсь.

А сильно ли хотелось мне трубку взять? После того как Лил стрельнула в меня пару раз молниями?

Как поступить с Бьянкой – я не знал. Мои взаимоотношения со Светом не позволяли попросту послать её куда подальше. Продолжать отношения не было никакой возможности. Но я должен был дать ей шанс и засвидетельствовать о чудесной жизни с Христом. Я ведь теперь солдат его славного воинства.

Мои назревающий роман с Лили и членство в строгой церкви христиан-евангелистов, просто запрещали находиться с Бьянкой рядом, наедине, хотя бы одну секунду.

- Бьянчик, милашка, сколько лет, сколько зим! Где пропадала?

Тут лучше сразу – в атаку.

- Я пропадала, бессовестный, бессердечный русский сволочь!

Похоже Бьяна немного, как говорят американцы «типси» - под мухой. Мне становится противно. Для нас, пятидесятников, нет ничего противней пьяной богомерзкой тупости.

Но свидетельство Господне это первоочередная обязанность. Мы есмь Спасённые Кровию Его – и теперь через нас и другим спасёнными быть!

-Бьяночка, ты знаешь в моей жизни настоящее чудо произошло!

- Сучку видно ты помоложе встретил – ты про это чудо? Это головная боль, а не чудо! Чудо было бы, если бы подольше смогла тебя удержать.

- Пожалуйста, перестань ругаться. Это грех. Женщины тут не причём. Я видел Свет! Свет истинный! Представляешь? Бог ЕСТЬ! Есть – и Бог этот живой! И от отношений с ним может в одночасье поменяться вся твоя жизнь. На сто восемьдесят градусов! Знаешь, я тебе ведь рассказывал, я раньше наркотиками увлекался, а теперь даже сигарет не курю! Люди деньги платят за лечение, а я - рrrrrаз, помолились надо мной братья, и всё! Свободен!

- Наркотики? А сегодня ты чего понюхал?

Меня всегда выводят из себя реплики идиотов, которые о наркоте не знают ничего. Тех, кому едино будь то гера, кокос, травка или шрумз. Болваны. Не знаешь, так и молчи сиди, не показывай насколько тебе телебачиние мозги промыло. «Чего понюхал!»

Но ради Христа я сдерживаю праведный гнев, и продолжаю:

- Сидела у колодца женщина-самарянка и проходил мимо Учитель. И испросил Он у ней воды напиться. И сказал ей при этом такие слова:

всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

Мне кажется будто я снова на кафедре с проповедью Слова.

- Понимаешь о какой воде учитель говорит? Вот мы на земле можем пить воду и вино, или вон как ты бэйлиз хлестать, а то и редбулл, а пить то снова захочется. Ведь не хлебом единым – ведь Душа есть у человека, а Души есть своя жажда, она болит Душа-то, без Иисуса воды целебной. Понимаешь? Деньги и американское гражданство это для тела все, и не утолить этим жажды! А Слово Божие – вот та вода....

- Ты что с баптистами связался? Затянули что ли в секту свою?

- Боже, Бьянча, ты разве не слышишь ЧТО я тебе говорю? При чем здесь секта? Баптисты? Баптисты, если хочешь знать заблуждаются в том, что даров Духа Святаго не приемлют. Не молятся на языках, не пророчествуют, не исцеляют больных. Я теперь верующий христианин-пятидесятник. Хочешь к нам в церковь?

Это была для меня большая жертва. Я понял в ту секунду – прими сейчас Бьянка Христа, привиди я ее на собрание, и всё... Прощай Лилля раз и навсегда. Но что важней – спасти душу Бьянки, вернуть Доброму Пастырю, еще одну овечку или ... Лилечка, Лилюшечка, девочка моя...

Я обратился к Господу с молитвой: «Да вершится воля Твоя святая! Управь, Боже, как считаешь нужным»

- Ага. Я так и поняла, что секта. С нашего села знаешь сколько этих идиётов, педисятников вышло? Все время в свою дурацкую церковь зовут.

- Бьянка, можешь поносить меня лично, сколько угодно. Но поливать грязью пятидесятников и хулу возводить на Господа не позволю!

- Вот до сих пор разобраться с тобой не могу, ты или очень-очень хитрый человек или совсем идиёт.

По моему лицу становится видно, что сейчас у меня упадет планка. У меня бывает. Трудная была юность знаете ли, как дешевый приключенческий роман.

А Бьянка знает какой я бываю когда впадаю в агрессию – прошлой зимой, перед самым Рождеством, на голодняке эндорфиновом,

после очередного кокс марафона, гнал ее через весь магазин, до самой машины. Еще и прихватил китайский тесак из отдела «Охота и туризм». Учил в какой манере со мной разговаривать должно. Бьянка начинает быстро швырять в сумочку все свои фланчики, и пудреницы и прочий бабский брик-а-брак.

- Я ведь прощаться приходила. Не сможем встречаться в ближайшее время. Я жениха себе нашла, гражданина. Солидный мужчина. Поляк. У него в северном Рэндалле домища огромный. Так что желаю счастья. Надеюсь у тебя не совсем крыша поехала, и ты в секте в этой тоже чтоб жениться поскорей.

- Еще раз скажи «секта», давай еще разочек!!

- Ладно. Всё. Ну тебя. Совсем озверел. Я цепочку заберу. Верни мою цепочку!

- Какую еще цепочку?

Хотя сразу и вспомнил «какую» - дарила мне Бьянка тросяру, виту, безвкусную бандитскую цепь. Потратив с Рафом на спид всю зарплату, я ее сбавил за полтинник. Нужны были деньги на бензин и жрачку, срочно причем.

- Нету. Нету цепочки. Всё продал. Кушать хотел.

- За сколько продал хоть, свиня? Я за нее почти триста баксов выложила. Тут у них такого золота нету.

- Отдам. Всё отдам в другой раз.

- Да пошшел ты... свиня и есть. Вы все русские – свинни.

Хлопнула дверью.

Ну и Слава тебе, Господи. Сейчас вот помолюсь, зубы почищу, и спать. Завтра тяжелый день.

С утра ждать полдня не было никакой возможности. Сорвался в колледж.

Припарковался недалеко от Лилькиной хонды. Жду.

Пятидесятницы выделяются из толпы. Длинные, до пола юбки. Никаких ювелирных украшений или макияжа. Блузка под горло. Я легко нахожу ее глазами в потоке муниципальных студентов.

Надо бы вам сказать, что мне даже нравятся ненакрашенные девчонки. Нет кричащей яркости, ну и не надо! Когда нельзя пользоваться косметикой, бабы как-то умудряются выработать естественный румянец и блеск губ.

А на Лилькины губы могу смотреть часами. Красотища!

Села ко мне в машину. Покраснела и молчит. Да и я тоже что-то размяк от ее присутствия в закрытом пространстве машины; она так близко, что я физически это чувствую, и весь натягиваюсь струной.

- Здравствуй Лиля!

- Ні

-Ты наверное злишься на меня?

- Я? Why? Почему я злюсь? Я не злюсь! Мне очень не по себе как-то после случая с цветами. Я не имею мира с собой. Места себе найти не могу. Я сделала тебе больно?

- Что-ты Лиля! Ты все хорошо сделала, девочка, по уставу церкви...

-Прости меня, please! Я не знала что делать, испугалась, ну вот ... так получилось

- Лил, это ты меня прости , малыш, я мужлан неотесанный, ни какого воспитания! Полез с этими цветами, как медведь. Ты сейчас куда? Давай пообедаем вместе? Ты голодная наверно, хочешь чего-нибудь вкусенького?

- С ума сошел!! Вдруг знакомые увидят! В церкви знаешь, что будет!

- А мы в другой город поедем обедать, машина же - вот она.

- Нет. Давай так – я сейчас вперед поеду, а ты следом, минут через десять к нам домой приедешь. Мама курники испекла. Пообедаешь со мной, и я еще тебе на работу свеженьких положу.

- А ты весь обед со мной за столом просидишь? Посуду не будешь туда-сюда таскать?

- Просижу весь обед, просижу честно-честно!

Она уже повернулась к двери, как я ее за руку хватаю : «Лиль, дай в щечку поцелую?»

Подставляет мне щечку. Руку не выпускаю и целую ее раз, другой.

Щечка надоела и мои губы медленно переползают к ее рту. Вот уже и краешек губ, сминаю его как розовые лепески. Уже весь ее влажный горячий рот с сильными губами в моей власти. Кажется вся вселенная стала вращаться быстрее.

«Я не могу целоваться»- шепчет, дык тебе и не надо мочь!

Как она сразу обмякла в моих руках; как сладостно водить по ее спинке, от шеи до самой попы, и чувствовать как она крупной дрожью реагирует на каждое прикосновение, каждый поцелуй.

Изучаю языком ее губы, язык весь рот. Я так долго ждал этого, что мне кажется сейчас от радости лопнет моя голова. Главное не

потерять контроль и дотянуть до свадьбы. Девочка заслуживает моря цветов, свечи и огромный будуар, а не салон старенького доджа.

Шея, какая белая нежно-молочная шея.

А маленькая вереница родинок уходит за вырез блузки и тянет меня за собой. Не снимая блузки, целую ее огромную грудь сквозь ткань. Сначала мягко, потом всё сильнее.

Пытаюсь определить где спрятались соски, надеюсь увидеть как они будут проростать под блузкой.

Лиля откинула на сидении голову и прерывисто дышит. Ее ноги под длинной юбкой чуть раздвинулись, и заметив это, я немедленно направляю туда свою ладонь. Просто поглажу разок и всё...

Веду очень нежно, поднимаясь по сладостным изгибам узких бедер, туда, где уже бушует пламя доменной печи.

Это настолько меня взрывает, что я думаю : « Хуй с ней, со свадьбой! Просто не в машине же! У девочки это в первый раз, надо постараться по-красивее! Сейчас на степаново бабло снять апартаменты где нибудь в пяти звездах в центре, искупать ее, как завещала Бьянка, отнести на руках на засыпанную белыми розами постель, облизать всю с ног до головы, и нежно, медленно, сладостно выебать!»

Открываю глаза и, перестав целовать, люблюсь ей. Волосы разметались, щечки розовые, в глазах какая-то поволока туманная, бляаадская!

- Лилинька, милая, любимая, сладкая, золотая, поедим в отель?

- Нет!! Ты с ума сошел?

Приходит в себя. Оправляет блузку, и начинает перед зеркалом восстанавливать прическу.

Только не это! Опять обрушиваю на нее град поцелуев, как арт-подготовку. Не хочешь в отель, будем резвиться в многострадальном додже брата Саши, салон которого еще помнит псалмопения.

Переношу ее на заднее сидение минивэна. Стекла тонированы, нас не видно, за то нам – видно всех. Кругом как нарочно стадами снуют студенты. Когда я снимаю с нее блузку, кажется мы на сцене стриптиз клуба, и толпа сейчас начнет улюлюкать подбадривая нас. Но я так невероятно хочу прижаться к ее нежному обнаженному телу, что готов это сделать сейчас где угодно.

Какая у Лили огромная белая красивая грудь. Я лично предпочитаю девок с маленькими сиськами, так чтобы всю сиську можно было втянуть в рот, но у Лили такое сокровище! Большая грудь, маленькая грудь – это имеет значение только для женщин, согласитесь?

Беру грудь в руку и чувствую ее вес, упругость и жар. А как пахнет между грудями! Какой божественный, непередаваемый запах!

Снимаю юбку и Лиля остается в одних черных колготках.

Обожаю баб с утрированно белой кожей и в одних колготках. Черных. И чтобы под колготами просвечивали трусики. А сзади пусть трусики немного вытянутся кверху и войдут в ложбинку между ягодицами, рвва! Хочется впиться в нее зубами.

Ласкаю, ласкаю ее нежную, прямо под рукой покрывающуюся пупырышками спину. Лилинька, солнышко, свет мой! Лиля!

Сил уже нед сдерживаться. Скользнув обеими руками по ее бокам, оттягиваю от тела трусики и колготки и одним махом снимаю все.

Потом судорожно бросаюсь на водительское сидение – печку! Чтоб не замерзла!

Начинаю целовать ее круглый, сладкий живот, не скажу чтоб совсем плоский, а именно животик! Спускаюсь вниз, к жестковатым завиткам волос в самом низу.

-Лилечка не бойся, я постараюсь аккуратно, не больно.

Двигаю ее на сидении вверх, раздвигаю ноги и начинаю водить там, слегка, мягко так, пусть привыкнет к ощущению.

Она совсем поплыла, и смазав все внизу ее соками, я очень медленно, так боюсь ей сделать больно, вхожу.

В какой-то момент она вздрагивает, все тело напрягается, спина прогибается дугой.. и сразу обмякает. Все. Девственность уже в прошлом. Я начинаю ласкать ее двигаясь в её мягком горячем влажномнутри.

Господи, какая сладость! Ради таких секунд можно терпеть всю земную несправедливость.

Увы, я давно не испытывал сенсацию близости прекрасного юного девичьего тела, поэтому пик подкатывает скоро, слишком скоро...

Вот уже и лежу на ней пустой, полумертвый и слышу запах салона старого автомобиля, какую-то смесь машинного масла, пыли и нестиранных носков. Еще резкий операционно-стерильный запах Лиловой, столь не торжественно запущенной в эксплуатацию пизды...

Ну вот. Теперь поехали жрать мамины курники.

Следующие три недели я живу в раю. Мне плевать что происходит в церкви, на работе, на западном берегу реки Иордан.

Я еду в обед за Лилей в колледж. Затащить ее в отель все никак не удается. Поэтому я знаю все большие парковки вокруг колледжа.

Мы нежно ебемся гденибудь на парковке перед большим универсальным магазином и, по очереди, разными машинами едем к ней домой. Потом еще весь вечер потихонечку флиртуем, и, если повезет, я еще пару раз ухитрюсь ее схватить за жопу.

Замечает перемену только подводник. Понимает, гадина, что для отростка своего окаянного придется поискать другое место.

Он решил сосредоточиться на карьере – все чаще он, Олег и брат Саша уединяются в офисе. Я тоже ныряю туда – держать хвост следует по-ветру.

В своем будущем я уверен – победит Степан, я стану самым известным проповедником на восточном побережье. СиДи будут с моими проповедями продавать. Детей Винсентами крестить будут в мою честь.

Победит Саша – буду с тарелочкой собирать бабло после собрания. Тоже хлеб с маслом. Никто ведь не знает сколько насобираю, пока самолично в реестрик не внесу.

При любом раскладе – моя жена гражданка США, а это значит через месяцев восемь-девять, я спокойно смогу выехать из страны и совершить хадж к грибникам на острове Валаам.

Винцент Эй Саркисян.

У меня в Америке имен - как у Будды Бхатхи Кармы – квартира на имя Овидиус Якубайтис, машина – Владислав Лисовый, на работе оформлен как Брэд Бернштайн.

Теперь буду саркисяном. Какая на хрен в вечности разница как вас звали на определенном этапе? Если имя ассоциируется с душой, у меня их несколько. Как жизнью у кошки.

Все складывается, наконец, как должно. В первый раз в Америке я радостно и полностью расслабляюсь. Жизнь прекрасна.

Хотя никогда нельзя забывать – как оно коротко, цыганское счастье.

Глава 12

«Последняя»

Я тем утром размышлял над самым страшным и загадочным посланием в Библии – откровением Святого Иоанна Богослова.

И удивительное откровение было мне самому. Я наконец понял, о чем там речь:

И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном и менами богохульными, с семью головами и десятью рогами.

И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистойо блудодействия ее;

и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным.

Это ведь об американской финансовой системе, капитализме, убивающем все человечество! Ведь на чем система зиждется : на жадности, алчности, эгоизме людском. Грязь и мерзость человек – вот ее двигатель!

Обязательно надо будет подготовить на эту тему проповедь.

Кто-то из великих и умных, кажется сказал: «Любовь – это заговор двоих против всего мира».

Пока нам с Лилианой божественно просто как хорошо, весь остальной мир роет траншеи, натягивает колючую проволоку, цепляет к крыльям ракеты и бомбы.

События, которые я немного пустил на самотёк, закручиваются с головокружительной быстротой.

Тем вечером меня приглашает в свою резиденцию брат Степан.

На лужайке перед домом крутятся Толик с Рафом. А им какого тут надо? У них еще члены не выросли для братского. Курят, пряча сигареты в кулаках. Совсем обнаглели, перед домом пресвитера!

На мой приход лилькины братья не реагируют.

Они по-моему тоже всё уже знают. Ну и плевать. Босота несчастная. Привыкнете еще.

Рядом с домом Степана кавалькада машин.

Этими наездами русские пятидесятники напоминают итальяшек, которых здесь до сих пор побаиваются, хотя их структуры уже давно не стреляют и слились с законодательной и исполнительной властью. Дон Карлеоне теперь ваш сенатор. Звоните – если будут проблемы.

Значит братское. Интересно. Что там будет – оранжеевая революция? Почему к стати – оранжеевая, это что дело рук вездесущих кришнаитов? В башке полный сумбур. Померанчево-протуберанцевый.

Это бывает когда вы ебетесь так часто и много, что некогда даже принять душ.

Все в сборе. Семья Паштетто. Дон Степан, Синьор Володя, Падрэ Александр, Никита Сергеевич Хрущев, Подводный Виктор, Олег – казначей, Георгий-баптист и прочие верующие братья.

- Мир вам, братья!

На мое приветствие и появление – ноль внимания, похоже все в глубокой медитации созерцают Голгофу.

Брат Степан призывает к молитве.

В молитве он убеждает Господа ниспослать всем присутствующим дух смирения и покорности Слову Божию. Для тех кто понимает эзопов, с гагаузским акцентом язык брата Степана, такая молитва не предвещает ничего доброго. Уж поверте мне, ветерану движения пятидесятницы.

- Братья было мне на днях видение от Хоспода! Будто белое-белое дерево в весеннем цвету, хочет проглотить огромная грозовая туча.

Дерево, братья, это – наша с вами церковь, голубица Божия, а туча это врах!

Хосподь предупреждает нас: чтоб бодрствовали и молились. Может быть даже придется объявить общий пост.

Потом он резко поворачивается ко мне и спрашивает в лоб при всех:

- О чем ты нам поведать хотел, братик? Что за обсуждения еретические проходят в офисах у «некоторых» братьев?

Ай- яй-яй, хуйня-то какая получается! Незнаком брат Степан с первым принципом оперативной работы – не сдавать своего информатора даже под пытками. Эдак мы совсем без стукачей останемся! Попал я в серьезный просак.

- Не знаю о чем вы говорите, брат Степан!

- Братья! Мы призвали на это место Хоспода! Это перед ним мы сейчас стоим! Давайте взвешивать каждое сказанное слово! Братик, тебе ничего не угрожает здесь, открой своим братьям сказанное, не грехи обманом! Что тебе говорил брат Александр у него дома? К чему призывал? Какие обещания давал?

Подговаривал ли принять участие в заговоре против братьев – пресвитеров? Подговаривал или нет?

Я махаю гривой, опустив вниз глаза.

Поднять глаза у меня уже нет сил. Тело наливается бетоном и застывает намертво, не пошевелить даже пальцем. Пиздец. Фулл-стоп. Приехал я кажись. Как бы все дело поножовщиной не кончилось!

- Я уже поделился с вами братья деталями этого разговора. Обидел меня тот факт, что некоторые из вас были в курсе происходящего, но только младшего нашего братика Хосподь расположил вмешаться.

Вот так вот братья мои! Ходами ходим на собрания, а кохда до дела доходит – в сторону! И в чью сторону? Вы думаете брату Саше этим содействуете? Вы князю тьмы, повелителю зла, дьяволу содействуете!

Я кидаю исподлобья быстрый взгляд на «князя тьмы».

Дядя Саша сидит изжелта-белый, с огромными каплями пота на высоком лбу. После Миннесотского покушения у него внутричерепное давление, как бы не хватил удар!

Но брат Степан неумолим.

- Это ли завещал нам Христос, кровь безвинно проливший! В небесное ли царство мы идем с вами братья? А может в царство брата Саши, брата Володи, брата Степана? Тропинка на Небеса, она узкая, братья. А вот в ад ведут широкие врата. Да поможем нам всем Хосподь.

Мы связались с братьями из Миннесоты, церкви где брат Саша был раньше членом, и не совсем лицеприятные факты нам открылись. Гордыня брата есмь источник многих бед. Сейчас, по нашему приглашению, братья из Миннесоты находятся в дороге.

Будут здесь завтра, к обеденному служению, есть ли желающие по велению сердца, дать приют странникам? Кроме брата Саши, разумеется.

Хорошо.

Хорошо, что о странноприимстве не забываем. Аллилуйя!

По приезду братьев разберем вопрос брата Александра. А не придем к общему – призовем братьев-епископов из Канады. Помоги нам всем Хосподь.

А теперь у нас есть еще один неприятный вопрос.

Степан наклоняется и что-то шепчет на ухо брату Володе. Тот кивает и выходит.

- А ну-ка, братик, выходи-ка на середину, чтоб всем тебя видно было!

Это он мне. Что он затеял, хочет меня в рыцари креста посвятить?

Сэр Винцент. Лорд Протэктор Веры. Звучит.

Тут брат Володя возвращается... ..с Лилей моей!

Что за хрень? Они нас хотят благословить? А почему неприятный вопрос? Хуйня какая-то нездоровая. Что сестра вообще делает на братском?

- Сестра Лиля, приветствуем тебя, с миром принимаем!

Братья, Хосподь запрещает мне приоткрывать завесу над тайной исповеди.

Поэтому и приглашена сюда сестра Лиля. Может быть у сестры есть что сказать, а сестра Лиля?

В Лилиных глазах вдруг за долю секунды встают слезы.

- Братия мои, я согрешила перед Господом и церковью. Простите меня!

- Встань на колени, сестричка, и ты братик, встань на колени!

С этим братиком согрешила?

Лиля быстро кивает, захлебываясь слезами. Бедная девочка! Что же здесь твориться такое?

Какой кошмар!

Вся комната с их постными лицами, костюмами без галстуков, потрепанными библиями, начинает двигаться перед глазами, как карусель.

- А вот скажи сестра Лиля был ли у тебя разговор с отцом в первый вечер, когда братик, еще не покаянный, к вам в гости приходил?

- Был разговор.

- И о чем же попросил тебя брат Александр?

- Он.. Ну он, you know I told you, брат Степан!

- А теперь для братского повтори, это есть покаяние твое! Больно очищаться, но так болезни и побеждают. Как и Хосподь наш победил.

Брат Степан подавляет отрыжку, но не совсем удачно, и я четко слышу этот небожественный звук. Видимо плотно покушал перед братским. Почему-то в самые серьезные, страшные моменты нашей жизни в голове застревают какие-то мелочи.

- Отец сказал быть по-приветливей.

- С братиком по-приветливей?

- Да..

- А когда в вашем доме появился Виктор, у вас был разговор с отцом?

-Был, брат Степан.

-Что же сказал отец тебе?

- То же самое. Быть по-при-вет-ливей.

По приветливей это длинное русское слово, и выросшая в штатах Лилюшка запинается когда его произносит.

Весь мир, который начал обсыпаться пару минут назад, вдруг мгновенно рухает на меня кучей пыли и острых осколков.

Как-то в груди начинает саднить. Никогда проблем с сердцем не было, а тут вдруг точно определилось его местонахождение.

- Вот братья мои. Вы сами видите ситуации, в которые нас толкает небодрствование и духовная слабость.

До прибытия старших братьев из Канады я бы попросил всех не приветствоваться в церкви с братом Сашей, сестрой Лилей и вновь обращенным.

Им отказывается в праве участия в вечере Хосподней.

Им запрещается занимать место в первых пяти рядах церкви.

До полного и чистосердечного раскаяния.

Молитвы за наказанных возносить тоже запрещается. До распоряжения епископов.

Отлученные, покиньте пожалуйста братское собрание!

К выходу направляюсь почти бегом. Почти бегом.

Я мертв. Холодный и застывший, как бетон.

Иду и дышу вроде как по привычке. Без необходимости. Каша в голове полная. Меня убило это «будь по-приветливее». Значит это она из-за слов отца все делала? Улыбалась? Глазами стреляла? Целовалась?

Перед внутренним взглядом моим стоят умные не мигающие глаза дяди Саши. Холодные глаза.

А Лиля? Неужели ничего не чувствовала? А цветы? А встречи наши? Что за игру она могла вести?

Какая чушь. Ничего понять не могу.

В это момент меня окликают дядя Саша.

Я поварачиваюсь и в меня врежется на ходу Лиля. Ее косынка падает и Лил не оборачивается, чтобы ее поднять.

Если даже Саша мне сейчас врежет, я не почувствую боли. Вся боль сконцентрировалась у меня внутри, и размером она с атомный гриб.

Но дядя Саша несет уже полную ахиною.

- Я тут застраховал доджа на днях. Сам знаешь – без страховки у нас нельзя ездить. Вот. В кабине брось где-нибудь. На всякий случай. Береженого как говорится...

Протягивает, не глядя в глаза страховой полис. Идиот он что ли? Вспомнил о страховке, я уже с полгода без нее катаюсь. Мудак ты, однако, брат Александр!

- Спасибо огромное, дядь Сашь!

- Ты заезжай вечером, поужинаем и поговорим. Я им это с рук не спущу. Каитесь сами станут!

- Окэй.

Конечно заеду. Только не к тебе, пидору, а к твоей не в меру экзальтированной дочке. Раз все знают, что мы спим, дело за фатой! Может так и к лучшему.

Проходить через их долгие, унижительные обряды сватовства было бы еще хуже. А тут все разом – как больной зуб.

Постепенно ко мне возвращается способность нормально мыслить.

Падаю на сидение доджа. Раф с Толиком стоят там же и смотрят на меня не мигая. «Идите на хуй!»

Рву с места.

Ну и хули, баба ваша сестра, баба, ее должен был кто-то выебать. Будем братьями теперь, не пожалеем обормоты. Научу вас уму-разуму.

Выезжаю на улицу и смотрю на страховой полис.

«Еще до того, как запустите двигатель, убедитесь, что пристегнулись ремнем безопасности...»

Хуета. Бросаю полис в бардачок. Но почему-то пристегиваюсь, как-то автоматически. В жизни ведь не пристегивался, а тут возьми и пристегнись!

Есть развязка восемьдесят второго хайвэя с кольцевой, у самого даунтауна. Миллион раз там ездил по дороге к Саркисянам. Поворот градусов на сорок пять. Снег счистили. Вроде и диайсером полили. Нормально иду без выебона, миль пятьдесят пять в час.

И вот где в середине поворота меня вдруг обгоняет мое правое переднее колесо.

Это пизздец как неуютно видеть свое переднее колесо, обгоняющим машину.

Даже на пятьдесят пять в час. Но сильно охуеть не успеваю, потому что машина клюет носом и резко начинает вращаться вокруг своей оси. Так как жопа пустая, весь центр тяжести смещен к переду, к движку. Поэтому ось вращения проходит приблизительно там где вжимаюсь в сидение полумертвый от страха я.

Мне кажется что машина вращается медленно и долго, как в замедленном кино.

Потом вдруг я вижу свою бабушку. Она наполнила ванну водой и зовет меня купаться. Мне три года и ванна с меня ростом. Я перелезаю туда, но вода такая горячая, что я в бешенстве ору «Бап-Ксения, йопш тваю мать, горячая же вода!».

Потом вдруг школа, меня бьет по лицу кто-то выше меня ростом, сжимает шею, и я царапаю себе лицо об его октябрьтскую звездочку.

Потом вдруг - Лиля. Лиля. Красивая как богиня.

Машина юлой слетает с проезжей части в сторону обрыва, со дна которого дымят трубы какого-то комбината.

Обрыв отделен от дороги толстым стальным рельсом, и машина бьется в него, сначала задом, потом передом с моей стороны. Двигатель глохнет. Становится тихо и темно.

Опять мелькает мысль, как тогда, на Щелковском шоссе, что я еще не сделал в жизни главного.

Хочется курить невероятно. Но сигарет нет. В эту секунду со звонким хлопком мне в морду выстреливает воздушная подушка. Похоже как-будто со всей дури мне влупили в нос. Кровь начинает течь сразу из двух ноздрей. Хотя это, похоже, моя единственная травма.

Еще помню запах – похоже эти подушки наполнились выхлопным газом – дымом каким-то воняет.

Машине досталось несравненно больше. Как оказывается немного надо этим крепким по виду стальным коробкам, чтобы превратится в металлолом.

- С вами все в порядке, сэр?

О чёрт! Менты уже здесь. Ну и страна. Полицеское государство одним словом.

Меня увидел вертолет, патрулирующий центр города круглые сутки, и они сразу выслали рескью.

- С мной все в порядке, оффисэр

- Надеюсь машина застрахована сэр?

- Вне всякого сомнения, сэр.

Подходит второй.

- Детектив Вербитски, сэр. Вы не были сегодня в мастерской вулканизации, сэр?

- Нет, сэр. Я сто лет не был в автомастерских, а теперь, как видите, уже не имеет смысла...

- Дело в том, сэр, что я провел первичный осмотр и не обнаружил ни одной гайки на сорванном колесе, сэр. Вы давно проверяли свои колеса, сэр?

- Если честно, никогда не проверял, сэр.

- Этот акцент - вы русский, сэр?

- До мозга костей, оффисэр Вербитски!

- Ваша безалаберность проиграла России холодную войну, сэр.

- Ничего не имею возразить против, сэр.

- Пройдите пожалуйста в «скорую помощь». А нам понадобятся ключи от машины, техпаспорт и страховой полис, сэр.

- Но со мной все в полном порядке!

- Вы находитесь в состоянии шока, сэр, и можете не чувствовать внутреннего кровотечения, кроме того этого требует инструкция, сэр.

Никогда не пытайтесь спорить с их инструкциями, бесполезно. Кроме того на скорой доеду до большой земли, где такси можно поймать, идти пешком вдоль скоростного хайвэя это вызов судьбе.

Поеду, а то еще захотят проверить мой иммиграционный статус, и увидят, что я покинул эту славную страну два года назад.

В больнице по-ошибке думают, что я фарширован баблом и маринуют почти двое суток, забрав документы и одежду. Проверяют от и до. Анализы там всякие, снимки...

Пусть резвятся. Дяди Сашина страховка все покроем. Вот ведь во время застраховал машину, как жопой чувствовал. На эти бабки теперь новую возьмет, думаю.

Для нас с Лили! Подарок на свадьбу.

О ней думаю каждую секунду, и как только амнистируют из больницы, не передеваясь мчу к ним на такси. За руль в жизни не сяду больше. В пизду-с.

Церковь – тоже по-побоку. Ну выгнали нас и что? Сейчас поженимся, справим мне бумаги, новую легенду. Я не лентяй – работать пойду. Заживём!

Обхожу их дом сзади. Под окно к принцессе моей. Мне нужно только с ней, с ней все обсудить. Крадусь к Лилькиному окну.

- And what the fuck do you think you doin'?

За моей спиной с сигаретой в зубах стоит Раф.

- Рафка, привет! А где Лил ?

- Из-за тебя ее батьки в Миннесоту отправили. Ты зачем над ней надругался?

- Что за слово, Раф, «надругался», так уже давно никто не гово...

Раф наотмашь бьет меня по свежезажитому носу. Кровь брызгает во все стороны, и это его раззадоривает.

К нему присоединяется Толян, с неизвестно откуда взявшейся алюминиевой бейсбольной битой.

Я вам, кажется уже говорил, что роста я малого, а по этой причине пиздюлей в жизни получал несметное количество раз. Привык, знаете ли с детства.

Лежу, прикрываю двумя руками печень, мою ахилесову пяту, и жду когда они устанут прыгать. Думаю не долго еще, наркоманы ведь ебучие оба. Они пиздят меня, а из окна, с Лилькиного магнитофона играет псалом:

Косари на лугу размахалися острыми косами
Что им Божий цветок, им бы сделать работу свою
Я на милость твою, уповаю спаситель мой, Господи!
На милость, на милость, лишь только на милость Твою
Только вера в тебя, вот моя неизменная спутница.
Вера в то, что ты всем управляешь своею рукой
И я знаю, Господь, что всегда за меня ты заступишься
И спасительным камнем ты станешь пред острой косою
А иначе зачем ты поил меня дивными росами?

Для чего показал мне любовь и свою теплоту
Для чего ты наполнил меня чудо-песнями Господи
Неужель для того, чтобы бросить под ноги скоту!

- Ну хватит с него. Хватит. Прекратили Стоп я вам говорю!

На углу дома в физкультурном костюме стоит дядя Саша. На плечах накинута холщовая куртка.

- А любит тебя Господь! Любит. Ты всю жизнь должен ему молиться, слышишь? Видишь как жизнь тебе дивно сохранил? Так-то.

И не вздумай в Миннесоту рыпнуться. Там тайга, болота. Глушь.

А тебя юридически как будто и нет совсем! Не забывай об этом. Не испытывай Господню благодать. Не искушай судьбу.

Ступай с миром, и пусть хранит тебя Господь... давай, давай, пока полицию не вызвали соседи, тебе это надо?

Уже столько лет минуло с тех странных событий, начавшихся с фильма Мела Гибсона.

Связи ни с кем из них я не поддерживаю.

Разве что только с Афоней. Я снимаю у него один из его трех домов.

По старой дружбе, он долго терпит, если мне нечем платить за квартиру.

Но это не главное. Райончик, конечно, не фешенебельный, но рядом с моим домом есть огромный пустырь.

Всего то миль десять до центра, а тут островок дикой природы.

Я гуляю там по утрам с собакой.

В высокой траве живут опшосумы, скунсы, и даже еноты.

Знаете, в России нет скунсов. Ну вы не комплексуйте сильно по этому поводу. Они вонючие, скунсы. Как брызганут – кажется будто кто дешевую марихуанку палит.

Пока собака безумно гоняется за разной животинкой, я дышу воздухом и люблюсь россыпью диких полевых осенних цветов, последних уже в этом году. Хорошо и спокойно осенью на пустыре.

Вот тут то и накатывают воспоминания. О Лиле, о Свете, о моей карьере проповедника.

Но в чаще в последнее время лезут в голову слова Достоевского, его последние слова в романе «Идиот», с которого я все это вообще-то и сбоянил :

«Довольно увлекаться-то, пора и рассудку послужить. И всё это, и вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, всё это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия... .помяните мое слово, сами увидите!»

Конец

Об авторе

Основатель экстремистского христианского течения практикующего полигамию и полный отказ от какого-либо воздержания, Vincent A. Killpastor предан анафеме со стороны всех существующих христианских конфессий.

В русском переводе "Killpastor" означает "Сияющий свет в долине конопли".

За бездарную книгу "Винсент, убей пастора!" заочно обезглавлен несторианской общиной в Дамаске.

Провакационное произведение "Школа стукачей"отправило Винсента Киллпастора в глубокое подполье. На воровском сходняке в Вологде, братва приговарила его к смерти.

Проходная повесть "Беглый" навсегда поссорила Винсента с ГУИН Республики Узбекистан.

Афганские моджахеды поклялись вырвать Киллпастору язык за тщательно оберегаемый им от публикации роман "Кладбище Благородных". Всякие попытки выложить в этот роман в интернет хотя бы частично, вызвали шквал угроз со стороны радикально настроенных исламистских группировок.

Довольно сомнительное творчество аффтара является предметом споров и поножовщин среди наиболее нечитающих слоев населения.

В связи с пошатнувшимся психическим здоровьем, в последнее время аффтара живет и работает под водой.

<http://killpastor.com/>
twitter.com/#!/killpastor
vincenti@rambler.ru

Этого-же автора

Школа Стукачей (2011)

Развал СССР вышибает из под ног почву, а с ней и все моральные ценности и ориентиры.

Главный герой взламывает сейф, чтобы бежать с любимой в Москву. Жизнь в бывшей республике и эксперименты с наркотиками, становятся невыносимыми. Захватывающее путешествие в Узбекистан и узбекские тюрьмы заката перестройки. Романтика, приключения, эротика, наркотики. Короткая повесть для взрослых.

Полностью публикуется впервые.

www.feedbooks.com
Food for the mind